

Смена

№ 14 июль 1978

XI ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В ГАВАНЕ
МОЛОДЕЦКИЙ И СТУДЕНЧЕСКИЙ
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ НОМЕР.

РОМАШКА В ПЕТЛИЦЕ КОБЫ

Международный аэропорт «Шереметьево».

Встречаем коллегу из чехословацкого журнала «Млады свет».

Такое впечатление, что путешествует весь мир. Подтянутый, с седыми висками бизнесмен. Музыкант, взваливший на плечо футляр с инструментом. Спортсмены с гигантскими баулами. И туристы. Легионы туристов. Больше всего молодых. Это гости нашего «Спутника». Сотни, ты-

сячи авиапассажиров спешат к автобусам, высекают из автобусов, переходят из зала в зал, все смешались в крупнейшем доме Аэрофлота, и, кажется, единственный путеводитель в этом беспорядочном и не стихающем ни на минуту кружении — голос диктора, объявающего: «Совершил посадку самолет, следующий рейс номер.., по трассе дружбы Прага—Москва», «Начинается посадка на самолет, вылетающий по маршруту Москва—Дели—Сингапур».

Мир путешествует, люди едут друг к другу — работать, устанавливать контакты, отдохнуть.

Аэропорты и вокзалы — самые оживленные перекрестки планеты.

Мир лучше узнает сам себя. Становится ближе к себе.

Процесс разрядки международной напряженности, одолевая рогатки и препоны, сближает народы, позволяя им спокойнее смотреть в свое завтра.

На новые рубежи сотрудничества выходит во второй половине семидесятых и международное молодежное движение. Туризм — лишь одно из отражений этого сотрудничества.

Девушки и юноши разных стран и разных континентов вместе ищут пути к миру. К жизни, достойной человека. К раскрытию и использованию всех своих возможностей. К счастью.

Фестиваль — час «пик» в международном молодежном движении. Кульминация — деловая и праздничная — в неустанным труде, в неустан-

женного на востоке страны, включение в трудовые бригады национального героя Кубы Эрнесто Че Гевары, день ударного труда в студенческих отрядах в фонд фестиваля, недели солидарности с борцами против империализма, колониализма, неоколониализма, реакции и фашизма, конкурсы «От Праги до Гаваны», смотры КИДов, сбор средств на строительство Дворца пионеров в Ханое и отправка «Корабля солидарности» пионерам Анголы, операция «Сувенир», в ходе которой готовились подарки участникам XI Всемирного, — обо всем этом расскажут в Гаване своим новым друзьям несколько сот делегатов советской молодежи на фестивале в Гаване.

Вместе с нами в одном ряду идут к фестивалю юноши и девушки братских стран социализма.

Подписаны долгосрочные програм-

ной борьбе сотен миллионов молодых людей за мир и международную безопасность, за разоружение, за жизненно важные права юношей и девушек. Молодых коммунистов и либералов. Католиков и социал-демократов. Радикалов, демохристиан, социалистов.

Десятки миллионов юношей и девушек нашей страны деятельно готовились к фестивалю в Гаване. Со всех концов Советского Союза шли сообщения о ходе соревнования молодежи за право представлять нашу страну на XI Всемирном. Два всесоюзных субботника в фонд фестиваля дополнялись десятками тысяч субботников, проводимых в республиках, краях и областях. Радио- и телевикторины, посвященные встрече в Гаване, конкурс политического плаката, шефство над качеством продукции, направляемой на Кубу, социалистическое соревнование строителей БАМа с их кубинскими коллегами, прокладывающими трассу от Гаваны до окана, до Сантьяго-де-Куба, расположо-

посланцы молодежи братских социалистических стран.

Свой вклад в расширение сотрудничества вносит и молодежная печать.

На этой полосе — обложки номеров «Смены». На ленточках — выносы, сообщающие читателям, о молодежи какой страны рассказано в выпуске журнала. Мы полностью посвятили специальные номера Димитровскому коммунистическому союзу молодежи Болгарии, Союзу молодых коммунистов Кубы, Социалистическому союзу молодежи Чехословакии, Монгольскому революционному союзу молодежи. Рассказали читателям об их сверстниках с Кипра, из Австрии, из демократического Йемена.

Почта была интересной и обильной. Член Политбюро ЦК БКП товарищ Цола Драгичева писала: «По моему мнению, коллектив журнала «Смена» прекрасно осуществил свою идею выпустить номер целиком «болгарский», притом реализованный в контексте такой актуальной темы нашей современности — болгаро-советской дружбы». А учащийся коммунально-строительного техникума из Нальчика Александр Богач, прочитав «болгарский» номер, просил редакцию: «Хотелось бы, чтобы подобное начинание стало традиционным. Хотелось бы узнать и о жизни молодежи других социалистических стран». Эта просьба, как известно, выполняется.

Мир знакомится с самим собой.

Пишет письма, снимает фильмы, отправляется на свидания через моря и океаны.

Фестиваль — час «пик» международного молодежного движения — прекрасная возможность лучше узнать друг друга, найти общий язык, выработать совместную программу действий.

Мир идет к миру.

Перед встречей на XI Всемирном

Джеймс ОЛДРИДЖ,
английский писатель.

Специально для «Смены».

ВЕРА В ГРЯДУЩЕЕ

Когда попадаешь из Западного мира в мир социализма, то неизменно возникает ощущение, что социалистическое общество обладает неизбывной молодостью. Со мной это происходит всегда, с первого моего знакомства с миром социализма более 30 лет назад, и это ощущение я испытываю каждый раз, в какой бы социалистической стране ни оказывался, будь то самая первая — Советский Союз или одна из самых молодых — Куба. Вполне возможно, что в социалистических странах молодежи не больше, чем в других, но ее роль кажется столь значительной во многих областях жизни общества, что всегда, покидая страну социализма, чувствуешь, что уезжаешь из государства молодых.

Действительно, мир молодеет. Молодежь повсюду берет на себя все более важные задачи — и не только в социалистических государствах, но и в капиталистических. Однако заметнее всего роль молодых в бывших колониальных странах, которые лишь только вступили на мировую арену. Ряды солдат и революционеров всегда составляют молодые. Огромный размах приобрело сейчас движение молодежи за социальные и политические преобразования. И когда юноши и девушки организуют международный фестиваль, то среди делегатов оказывается много тех, кто у себя в стране играет важную роль.

Да, молодежные фестивали — это и праздничное и очень серьезное событие. Молодежь, полная энергии, спортивного задора и энтузиазма, не просто празднует свою молодость. Стремясь понять основные проблемы человечества и отдавая этому свои силы, она делает все возможное, чтобы покончить с угнетением и насилием. Естественно, что молодежь одна, без помощи старших, осуществить это не может. И все

же, обладая огромной энергией, осознанием цели и будущим, она становится для своего народа важнейшей силой в деле социальных и других преобразований общества.

Проблемы, которые будут обсуждаться в Гаване, касаются не только жизни молодежи, но и мира в целом. При взгляде на нынешнюю ситуацию в Африке, Азии, Латинской Америке и даже в большинстве стран капиталистического Запада прежде всего отмечаешь ту ожесточенную борьбу, которая охватила все эти страны. Широко дискутируемый вопрос войны и мира требует глобального подхода. Империализм в западных странах еще силен, и его притязания не ослабевают.

Молодежь в Гаване должна будет рассмотреть этот вопрос войны и мира с разных сторон: и с точки зрения человечества в целом и под углом зрения национальных интересов, потому что война и угнетение, бедность и колониализм — это ветви одного гнилого дерева, старого и дряхлого, которое следует выкорчевывать.

Молодежь из империалистических государств должна будет внимательно выслушать представителей колониальных государств, молодежи социалистического общества: предстоит узнать о проблемах, волнующих их сверстников из стран Запада. Форум молодежи выслушает не один, а много голосов, для которых в жизни существуют разные перспективы.

Но есть одно, общее для всех — надежда на будущее, вера в грядущие дела. И это, помимо всего прочего, составляет основу единения на молодежных фестивалях.

Перевела
Мария БОГДАНОВА.

Николас ван СКАУТЕН,
ответственный секретарь
Голландского национального комитета
«Остановить нейтронную бомбу».

Специально для «Смены».

НЕЙТРОННОЙ БОМБЕ — НЕТ!

— Движение протеста против нейтронной бомбы, за разоружение и мир приобретает в наши дни все более широкий масштаб. В нем принимают участие национальные комитеты сторонников мира, профсоюзы, различные общественные организации. В первых рядах его борцов идет и молодежь.

Молодежь — это поколение, обращенное в будущее. Проблема мира на земле для нее одна из самых важных и жизненных. Сегодняшние юноши и девушки хотят жить в мирном, демократическом обществе, отвергающем агрессию, насилие и угнетение. Кроме того, молодежь — самая мобильная, восприимчивая к новому часть общества. Именно поэтому в молодежном движении как в зеркале отражаются позитивные перемены, происходящие в мире в последние годы. Трудно назвать такой молодежный союз, который остался бы глух к идеям разрядки международной напряженности, идеям борьбы за мир,

за разоружение. Это отчетливо демонстрируют многие молодежные форумы, которые проходят под лозунгом антиимпериалистической солидарности, борьбы за мир и дружбу. На эти форумы собираются молодые коммунисты и социалисты, либералы и демохристиане, юноши и девушки различных политических взглядов и убеждений. Одним из таких форумов, по моему мнению, будет XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване.

Международное прогрессивное молодежное движение становится все более существенным фактором борьбы за мир, против империализма. С ним все чаще приходится считаться самым реакционным силам нашего времени. И чем громче голос молодого поколения планеты прозвучит в Гаване, тем большим будет его вклад в общую борьбу прогрессивных сил за мир, разрядку международной напряженности, против гонок вооружений, против империализма.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1228) ИЮЛЬ 1978

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
рисунок
Жана ЭФФЕЛЯ,
сделанный
специально для
фестивального
номера «Смены».

- 1 ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ НА XI ВСЕМИРНОМ.
Джеймс ОЛДРИДЖ. «ВЕРА В ГРЯДУЩЕЕ».
Николас ван СКАУТЕН. «НЕЙТРОННОЙ БОМБЕ — НЕТ!»
- 2 Геннадий ЯНАЕВ, Председатель КМО СССР.
«ФЕСТИВАЛЬ ПЕРЕСЕКАЕТ ОКЕАН».
- 6 ПОЭЗИЯ ПЯТИ КОНТИНЕНТОВ.
- 7 Андрей СТРЕЛЬНИКОВ, начальник штаба ЦК ВЛКСМ на строительстве магистрального газопровода «СОЮЗ». «ПОЗЫВНЫЕ «СОЮЗА».
- 8 Божко БОГДАНОВ, главный редактор журнала «Младежь» (НРБ). «ПЯТЕРО ИЗ ПЯТИДЕСЯТИ».
- 9 Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ. «СПЕТЬ СВОЮ ПЕСНЮ».
- 11 СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ ИНДИЙСКИХ ПОЭТОВ.
- 14 Петр ГОНЧАР. «ТРИНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ВЕСНЫ».
- 16 Владимир ВЕРНИКОВ, Сергей ПЕТРУХИН. «СОЛНЕЧНЫЙ ПРОФИЛЬ ГАВАНЫ».
- 18 ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ НА XI ВСЕМИРНОМ.
Эгон КРЕНЦ. «ЭСТАФЕТА ТРАДИЦИЙ».
- 19 Габриэль Гарсия МАРКЕС.
«Я — ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПТИМИСТ».
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Стихи Йозефа ШИМОНА.
- 20 АНТИГУМАНИЗМ БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ.
Людмила ГЕРАСИМОВА. «ОГЛУШИТЬ, ОСЛЕПИТЬ, ЗАПУТАТЬ».
Франц Йозеф ДЕГЕНХАРДТ. «К ЕДИНСТВУ БРАТЬЕВ ПОДНИМАЙ!»
- 24 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Рассказ Германа КАНТА «ВО ЧРЕВЕ КИТА».
- 27 Повесть Артура ХЕЙЛИ и Джона КАСТЛА
«ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА 08».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор И. А. Кузьмина.

© Издательство «Правда», «Смена». 1978 г.

смена 1

ФЕСТИВАЛЬ ПЕРЕСЕКАЕТ О

Геннадий ЯНАЕВ,
Председатель КМО СССР.

На время равняя шаг

Минуло без малого пять лет с того памятного августовского вечера, когда яркий и праздничный фейерверк, озаривший ночной Берлин, возвестил о закрытии X Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Значительные перемены произошли за эти годы в международном молодежном и всемирном фестивальном движении.

Об этих переменах, о тех ожиданиях, которые связывают советскую молодежь с открывающимся на них в Гаване новым фестивальным форумом, и пойдет речь в статье, предлагаемой вниманию читателей «Смены».

Явление на весь ход мировых событий. Завершилось объединение на социалистической основе Вьетнама. Глубокие социально-экономические преобразования происходят в Лаосе.

Новых успехов в борьбе с империализмом, колониализмом и неоколониализмом добились силы национального освобождения. Крушение последней колониальной империи в Африке, ознаменовавшееся рождением новых независимых государств, среди которых Ангола, Гвинея-Бисау, Мозамбик, дало мощный импульс борьбе народов и молодежи против расистских режимов на юге Африки.

В условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма еще больший размах приобрела борьба трудя-

щихся, широких народных масс, молодежи против эксплуатации, засилья монополий, за демократические общественные перемены в странах капитала.

Крушение франкистского режима в Испании завершило процесс ликвидации фашистских диктатур в Европе, начатый победами демократических сил в Греции и Португалии.

Под воздействием миролюбивой внешней политики Советского Союза, энергично и последовательно проводимой в жизнь Центральным Комитетом нашей партии и лично Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым, глубже стали важные позитивные сдвиги в направлении разрядки международной напря-

женности, установления отношений добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между странами с различным общественным строем.

Особенно ощущим поворот к лучшему в Европе, где в результате успешного завершения общеевропейского совещания государств удалось существенно продвинуться вперед по пути укрепления мира и безопасности народов.

Вполне естественно, что изменения в международной обстановке находят свое отражение и в современном международном молодежном движении, которое развивается в условиях устойчивого подъема социально-политической активности широких масс молодого поколения.

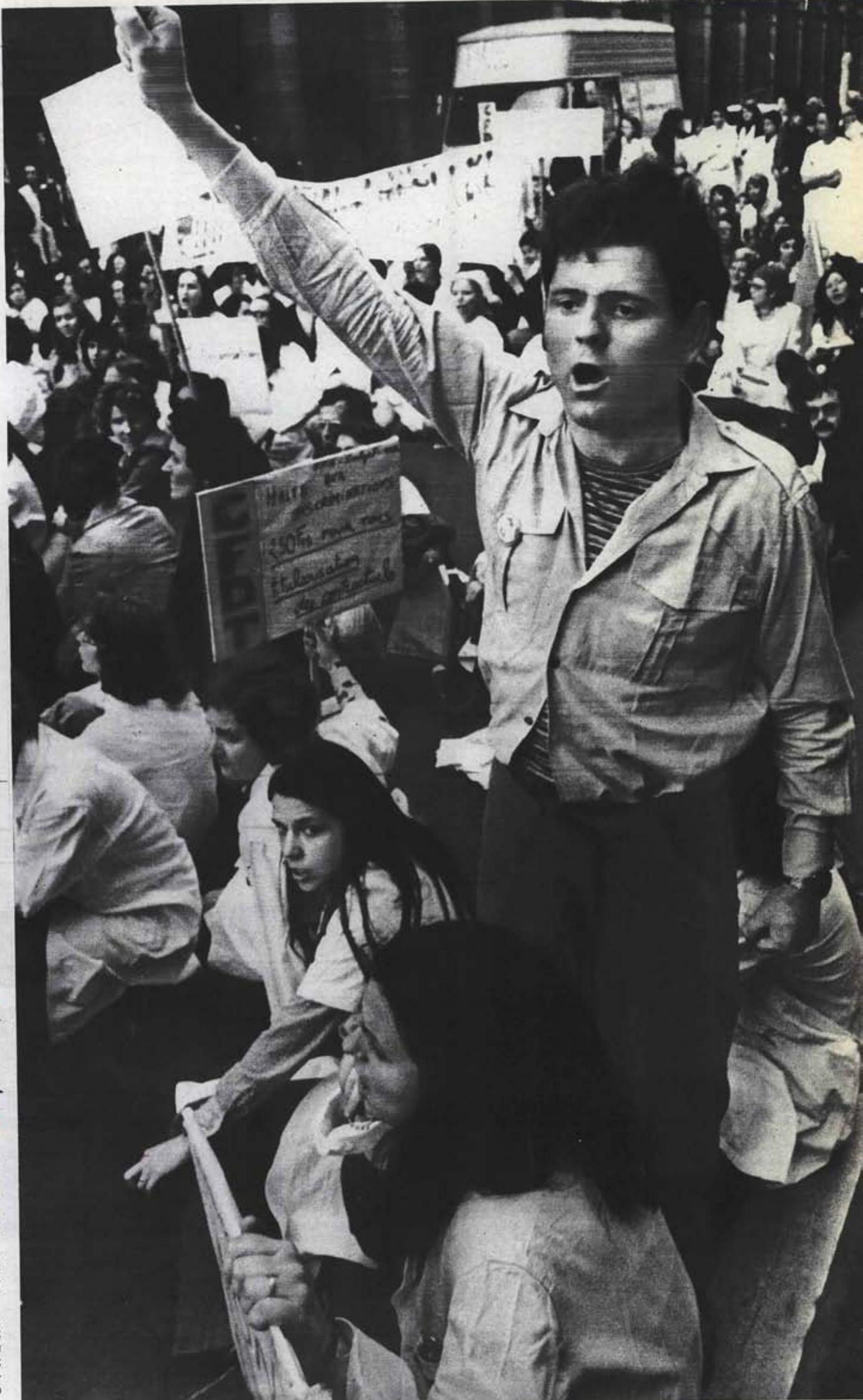
Я бы отметил здесь несколько обстоятельств, представляющихся мне особо интересными и важными.

Плодотворно продолжает развиваться всестороннее сотрудничество братских союзов молодежи социалистических стран. Мы расширяем обмен опытом работы, укрепляем совместную де-

ЮНОСТЬ—ЭТО СОЗИДАНИЕ.

ЮНОСТЬ—ЭТО БОРЬБА.

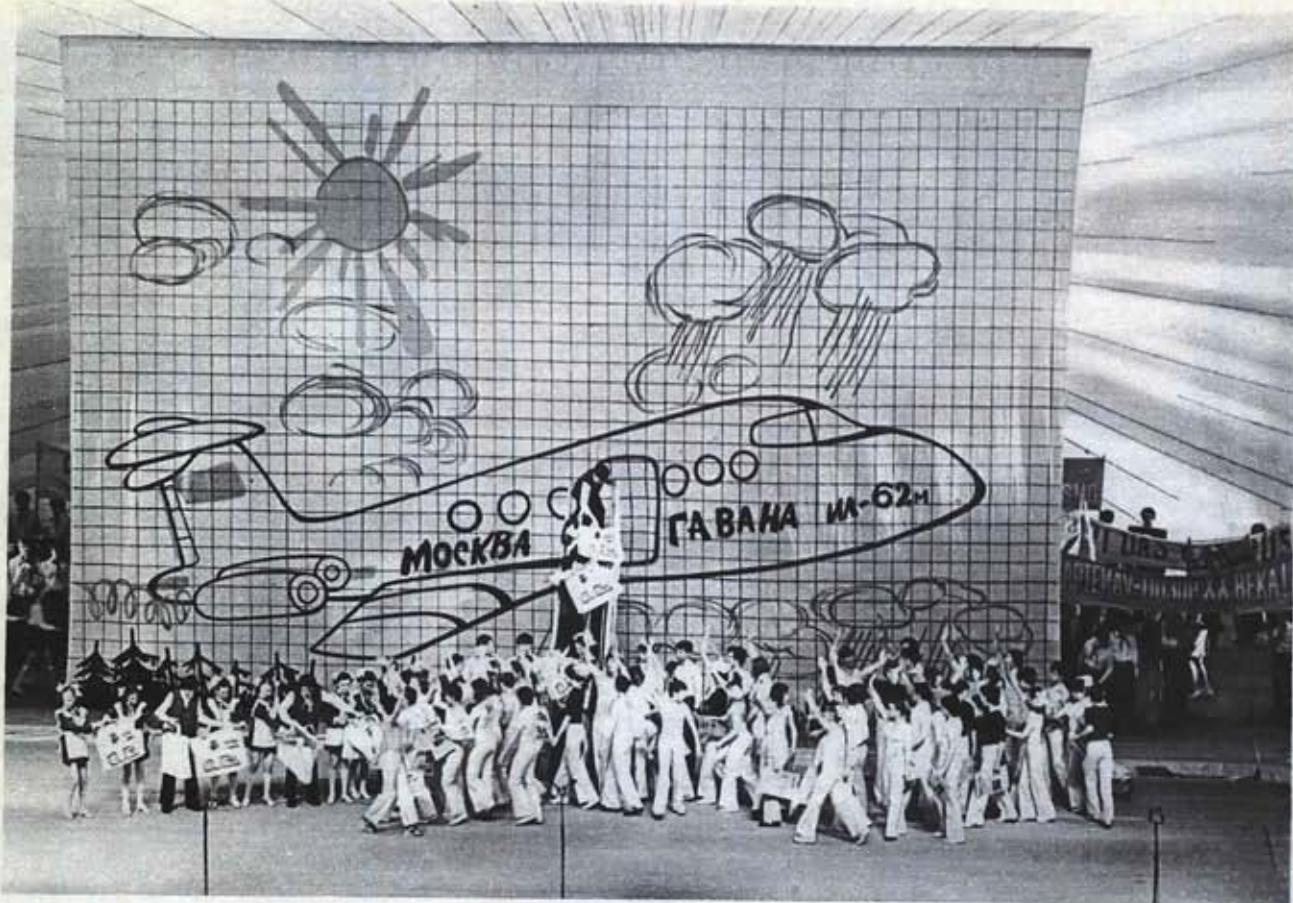
ЮНОСТЬ—ЭТО БУДУЩЕЕ.

КЕАН

ятельность в самых разных сферах—в экономике и культуре, в области образования и спорте. Молодые люди Польши и СССР, ГДР и Монголии, ЧССР и Вьетнама, Румынии, Кубы, КНДР, Венгрии вместе работают на важнейших стройках. Вместе трудятся в интернациональных студенческих отрядах, вместе учатся, вместе отдыхают. Крепнет и развивается сотрудничество братских союзов молодежи в международном молодежном движении.

Размышляя о заботах, нуждах и чаяниях, с которыми молодежь различных стран идет на свой XI фестиваль, нельзя не сказать о резком обострении многих проблем, с которыми сталкиваются сегодня вступающие в самостоятельную жизнь юноши и девушки в мире капита-

ла. Среди них массовая хроническая безработица, лишающая молодого человека права на труд еще до того, как он успел приступить к работе, кризис системы общего и профессионально-технического образования, скучные возможности для доступа к культуре, спорту и многое другое.

Далеко не случайно поэтому на путь активной борьбы против эксплуататорских порядков, против всевластия и гнета монополий, за демократию, социальный прогресс, за коренные права и жизненные интересы молодого поколения встают все более широкие слои молодежи.

Этот процесс сопровождается идеяным и организационным укреплением молодежного движения, усиливанием авторитета и влияния коммунистических союзов молодежи, крепнущим в массах молодежи пониманием исторической правоты теории и практики марксизма-ленинизма, необходимости тесного союза с рабочим классом и его революционным авангардом.

Во все более влиятельную силу международного молодежного движения вырастают сегодня молодежные организации прогрессивной ориентации в развивающихся странах, вносящие крупный вклад в борьбу за преодоление тяжелого колониального наследия, за экономический, социальный и культурный подъем своих народов, за установление новых, более справедливых и равноправных международных экономических отношений.

В период после Берлинского фестиваля свое дальнейшее развитие получило сотрудничество различных политических сил международного молодежного движения.

Сегодня стало привычным во многих отношениях делом совместное участие молодых коммунистов, социалистов, социал-демократов, либералов, радикалов, католиков, демохристиан в борьбе за решение таких жизненно важных для молодежи различных стран и политических убеждений проблем, как проблема упрочения мира и международной безопасности, ограничения гонки вооружений и разоружения.

Позитивно складывается сотрудничество различных политических сил молодежи и на уровне их международных объединений. Об этом свидетельствует, в частности, факт совместной подготов-

СОВЕТСКИЕ ДЕТИ— XI ВСЕМИРНОМУ.

ки и проведения такими крупными и влиятельными международными и региональными молодежными и студенческими организациями, как Всемирная федерация демократической молодежи, Международный союз студентов, Международный союз молодых социалистов, Совет европейских национальных комитетов молодежи, Европейская федерация либеральной и радикальной молодежи и целым рядом других значительных по своему общественному резонансу международных молодежных объединений, мероприятий последнего периода—Европейской встречи молодежи и студентов «За прочный мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс» (Варшава, 1976 г.), Европейской конференции молодежи и студентов по проблемам разоружения (Будапешт, 1978 г.), Всемирной кампании протesta молодежи под лозунгом «Нет—нейтронной бомбе!».

На время равня шаг, развивалось в эти годы и всемирное фестивальное движение.

Беспрецедентная в истории фестивалей широта и представительность XI Всемирного, деятельное участие в его подготовке молодежных и студенческих организаций самых различных политических, философских и религиозных ориентаций знаменуют собой новый важный шаг на пути углубления сотрудничества различных политических сил молодежи. Эта представительность является одновременно, пожалуй, одной из самых ярких отличительных особенностей нынешнего фестиваля, убедительным свидетельством поступательного развития всемирного фестивального движения, чьи светлые идеалы глубоко созвучны стремлению молодежи различных стран и убеждений к мирному и лучшему будущему.

Вопреки интересам молодежи

Именно так действуют те политические круги и средства массовой информации на Западе, которые развернули в последние месяцы активную пропагандистскую кампанию, направленную против XI Всемирного фестиваля.

фестивальный пасквиль. Таким видится новый фестивальный форум и многим другим его собратьям по перу, убежденным по сей день в том, что разряда—это «улица с односторонним движением», по которой, презрев все правила уличного движения, разъезжают исключительно «Волги», «Шкоды» и «Вартбурги».

Дело не стало и за прямыми угрозами в адрес тех западных некоммунистических организаций, которые не вняли настойчивым «рекомендациям» сделать «правильный выбор» и отказаться от участия в фестивале, а в ряде случаев—за политическими и финансовыми санкциями против организаторов. Так поступило, например, министерство иностранных дел Англии, отказавшее официальной делегации английской молодежи на фестиваль в финансовой дотации на том абсурдном основании, что фестивальная программа не предусматривает обсуждения проблемы... «прав человека на Кубе».

И все же в абсолютном большинстве случаев организации, испытавшие на себе такой нажим, сделали в конечном итоге действительно правильный выбор—выбор в пользу участия в фестивале, а следовательно, в пользу укрепления отношений дружбы, взаимопонимания и добрососедства между молодыми людьми всех стран.

ОТ БЕРЛИНА ДО ГАВАНЫ.

В результате архивных изысканий на свет были извлечены много лет назад набившие оскомину рассуждения о «пропагандистском «шоу», осуществляемом под контролем Москвы». Именно таким видится XI Всемирный через обледеневшие еще в худшие времена «холодной войны» очки некоему Б. Левину, опубликовавшему не так давно на страницах влиятельной английской буржуазной газеты «Таймс» желчный антифе-

Было бы, разумеется, ошибочно полагать, что поиск такого взаимопонимания дело простое, что среди тысяч участников фестиваля нельзя будет встретить тех, чье политическое сознание испытывало ощущение влияния ожесточенной антикоммунистической, антисоветской пропагандистской кампании, развязанной теми реакционными кругами в странах НАТО, которые черпают свое вдохновение где угодно, но не в кодексе

СУБА78

POR LA SOLIDARIDAD ANTIMperialista, LA PAZ Y LA AMISTAD

СОВЕТСКИЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ

NEIN! НЕТ! NON!

принципов мирного сосуществования, зафиксированном в Заключительном акте Совещания в Хельсинки. Среди тысяч участников фестиваля найдутся, видимо, и те, кто продолжает оставаться в плена маоистской, троцкистской, ультралевой фразеологии.

Советская молодежь отнюдь не исходит из того, что на фестивале в Гаване соберется 16 тысяч единомышленников

«во всем», единственной целью которых будет, говоря языком официальных коммюнике, «констатировать полное совпадение взглядов по всем обсуждавшимся проблемам». Напротив, и это вполне естественно, фестиваль станет местом жарких споров и дискуссий, открытого сопоставления подчас весьма различных точек зрения, взглядов и убеждений.

Советские юноши всегда выступали и выступают за конструктивные и откровенные дискуссии со всеми, кем движет искреннее стремление подняться выше изживших себя предубеждений, познать истину в споре. Что же касается аргументов для такого спора, то в них советская молодежь, надо сказать, недостатка никогда не испытывала. Их неисчерпаемым источником служат

прекрасные реальности нашей социалистической действительности, замечательные достижения нашей страны в области экономики, науки, культуры, расцвет социалистической демократии, ярко воплотившийся в новой Конституции СССР, последовательный интернационализм нашего народа, всегда готового прийти на помощь всем, кто борется за свою свободу и независимость.

Советская молодежь направляет своих лучших представителей в Гавану с твердой уверенностью в том, что за всеми различиями во взглядах среди участников фестиваля на нем вновь в полный рост встанет непреклонная решимость самых широких слоев молодого поколения объединять свои усилия в борьбе за лучшее будущее в мире без войн, агрессий, насилия и угнетения.

И это будет, бесспорно, вполне в духе времени, с которым пытаются спорить враги фестивальных встреч прогрессивного юношества планеты.

Что принесет фестиваль?

Ленинский комсомол, вся советская молодежь убеждены, что XI Всемирный станет новой важной вехой в развитии сотрудничества и совместных действий широких политических сил молодежи за углубление процесса разрядки международной напряженности, за придание ему универсального и необратимого характера, за прекращение гонки вооружений и разоружение. Сегодня, когда все еще влиятельные милитаристские и реакционные круги пытаются подавить волю народов и молодежи к свободе и независимости, подстегнуть гонку вооружений, безответственно играть судьбами человечества, задача эта приобретает поистине исключительную важность.

Мы твердо верим в то, что в Гаване будет еще раз продемонстрирована боевая антиимпериалистическая солидарность прогрессивного юношества с освободительной борьбой народов юга Африки, с народами арабских стран, борющимися за справедливость и прочный мир на Ближнем Востоке, с патриотами и демократами Чили, Уругвая, Парагвая, с патриотами других стран, где у власти стоят фашистские и диктаторские режимы, со всеми молодыми борцами за национальное и социальное освобождение, за демократию и лучшее будущее молодого поколения.

Впервые за всю историю всемирного фестивального движения фестиваль шагнул через океан на гостепримную землю Республики Куба — первого социалистического государства в западном полушарии. Сам по себе факт проведения фестиваля на первой свободной территории Латинской Америки является еще одним ярким свидетельством банкротства пресловутой политики «блокады» Кубы, высокого престижа, которым пользуются революционные завоевания кубинского народа и молодежи в международном молодежном движении, выражением солидарности с борьбой героического Острова Свободы.

Словом, мы глубоко убеждены в том, что XI Всемирный фестиваль внесет новую яркую страницу в летопись всемирного фестивального движения. Обращаясь к молодежи мира в связи с XI Всемирным фестивалем, XVIII съезд ВЛКСМ заверил наших зарубежных сверстников в твердой решимости Ленинского комсомола, советских молодежных организаций сделать все для того, чтобы новый фестивальный форум еще более укрепил сотрудничество различных отрядов международного молодежного и студенческого движения в борьбе за мир и безопасность народов, за их национальное освобождение и социальный прогресс, за лучшее будущее молодого поколения. С этим наказом направляет юношество Страны Советов своих посланцев в Гавану, и нет никаких сомнений в том, что они с честью выполнят свой интернациональный долг.

ПОЭЗИЯ ПЯТИ КОНТИНЕНТОВ

Габор ГАРАИ,
ВНР.

Габор Гараи—известный венгерский поэт, лауреат премии Аттилы Иожефа, секретарь правления Союза писателей, депутат Государственного собрания ВНР.

Обнимающиеся деревья

В яснолианский полдень мы глядим
на эти два ствола, сплетенных туга.
Здесь жил Толстой. Здесь обняли друг друга
деревья. Здесь не тесно им, двоим.

Здесь чуть поодаль от прозрачных рощ,
на склоне у обочины у самой
сплется навеки дуб упрямый
с березой. Будто нежность. Будто мощь.

Извечно связан силой корневой
с весенней глубиной существованья,
здесь со своей невестой молодой
он, богатырь, не знает расставанья.

Я рад, что не во сне, а наяву
двойная эта корона увенчала
не бренную могильную траву,
а власть животворящего начала!

И синева кипит в листве густой,
прошли дожди и землю оросили
там, где творил когда-то Лев Толстой,
там, где вскормила гения Россия.

Перевел с венгерского Александр ГОЛЕМБА.

Д. ЦЭМБЭЛ,
МНР.

Д. Цэмбэл—молодой монгольский поэт и журналист, автор нескольких поэтических книг.

Мост

Пули жесткий вели разговор на лету,
По земле реки крови гоня.
Аюуш' перебежками прямо к мосту
Приближался сквозь стену огня.

«Если правую руку прострелят в бою,
Буду левой сражаться с врагом.
А прострелят и левую руку мою—
Есть огонь еще в сердце моем.

Если же сердце под тяжестью пули замрет,
Не умолнет к отчизне любовь!—
Те слова, продвигаясь бесстрашно вперед,
Аюуш повторял вновь и вновь.

Пули жесткий вели разговор на лету,
По земле реки крови гоня.
Аюуш перебежками прямо к мосту
Приближался сквозь стену огня.

На пути его пламя вставало волной,
Но сумел он по мосту шагнуть,
Прежде чем тот свинец, что был послан войной
И каменьям, и людям, и тверди земной,
Весь—до грамма!—вшел в его грудь.

Слушай, сердце,
Хранящее тяжесть свинца!
Слушай, кровь,
Обагрившая сердце бойца!
Слушай, мой Аюуш:
Жанчхутгин хребет
Человека храбрец не знал еще, нет!

Мы прошли за тобой, распятые в рост.
Жизнь твоя—освещенный победою мост!

Перевела с монгольского Татьяна КУЗОВЛЕВА.

Аюуш—герой МНР, принимавший активное участие в освобождении северных провинций Китая от японских милитаристов в 1945 году.

Даниэль ЛОСАНО,
Куба.

Даниэль Лосано—молодой кубинский поэт. Стихотворение «Глаза» напечатано в книге «Рабочие поэты» (Гавана, 1974), в которую вошли произведения победителей литературного конкурса имени Рубена Мартинеса Вильены (выдающегося кубинского поэта-коммуниста).

Глаза

20-й годовщина штурма
казарм Монкада.

Чтоб этой грохочущей были
не затихала гроза,
одни закрыли глаза,
другие глаза открыли.
Погибших мы не забыли,
бессмертными небесами
горят их глаза над нами.
Чтоб нам не гибнуть от пуль,
смотрит во тьму патруль
бессонными их глазами.

Перевел с испанского
Виктор АНДРЕЕВ.

Клементин НЗУЗИ
Заир.

Клементин Нзузи—известная африканская поэтесса, автор ряда книг, участница афро-азиатской конференции писателей в Алма-Ате в 1973 году.

Времена года

Времена года нас с тобой увлекали
В затуманные дымкою дали.
Мы в отчаянных поисках света и радости
Пробивались сквозь жизни колючие заросли.
И живые ростки нашей любви
видела прежняя Африка.

Вытекает из прошлого наша река
Бед и трудностей, что не изжиты пока.
Где-то травы от сырости ранней продрогли
И колючки на зарослях зла не засохли.
Но уже просветленный наш смех
слышит новая Африка.

Перевел с французского Джемс ПАТТЕРСОН.

Вик УИЛЛЬЯМС,
Австралия.

Вик Уилльямс—поэт рабочего класса Австралии, публицист. В течение сорока лет он участвует в движении борцов за мир. В настоящее время—корреспондент газет «Социалист» и «Трибюн» в Москве.

Моему народу

Мне не спится из-за плача твоего сердца,
из-за скорбных голосов твоих, Австралия.
От тревог твоих мне никуда не деться,
обрету ночной покой едва ли я.

Мне не спится от внезапного безмолвия
сердца твоего, степная родина.
Не поддамся я тоске безволия.
Столько сил борьбе за счастье отдано.

Мне не спится от твоей сердечной жажды,
твои дали для меня, как откровение.
Эти звезды австралийские бесстрашны,
звонки наши песни в небе времени.

Перевел с английского Джемс ПАТТЕРСОН.

Лоуренс ФЕРЛИНГЕТТИ,
США.

Лоуренс Ферлингетти—автор многих поэтических книг, лидер «Поззии протеста», возглавивший движение против войны во Вьетнаме. Несколько лет назад был гостем нашей страны, проехал ее от Бреста до Владивостока.

Москва полночная. Сеговия в снегу

(Фрагменты поэмы)

Аэропорт полночной Москвы
меня высасывает из Сибири
и бросает меня

в черном автобусе, одинокого,
прямых ночных дорогами,
по стынувшим полям
и вечной тайге

в чудо, в Москву,
в белые зыбкие в сумерках
березовые рощи.

Вдруг неожиданно
на радиоволне
возник Сеговия*.
Ему дают

вести ночной автобус.
Сеговия сжимает руль.
Деревенские новостройки
бросают свои березовые банджи.

Сеговия прощупывается,
как пульс самой жизни,
Сеговия проходит сквозь поземки
и равнины Ла Манчи:

поля, поля, поля
замерзшей музыки
оттавивают в автобусном радио.
Сеговия звучит

по всей ночной земле:
Антикуэра,
Гренада,
Севилья...
Он слушает себя, когда играет,
и сам с собою говорит,
и эхом откликается себе.

И ведет он дальше и дальше
свой автобус
по темным широким улицам
великой Москвы,

по вечерним бульварам,
мимо светящегося огнями Кремля,
погруженного
в краткий сон;

мимо балета Большого театра,
мимо института Горького,
Джона Рида в драматическом театре

и героинь Таганки.
Каменный Маяковский

пристально смотрит
сквозь пурпур белых строчек
в зимний свет России.

Сеговия слышит его каменный голос
и чувствует пульсацию крови.

Пока он играет, он все время слушает
жизнь.

Вот он в Москве.

Сеговия играл не здесь,
а музыка пришла сюда по радиоволнам
над застывшими влюбленными,
вдоль полуночных улиц,
светлых от любви и снега.

Он движется,
прислушиваясь к ним,
и хочется ему услышать песню
свободную—

какую вряд ли он
услышит дома...

Перевел с английского
Петр ВЕГИН.

* Сеговия—известный испанский гитарист.

Фото Юрия Устинова

Андрей СТРЕЛЬНИКОВ, начальник штаба ЦК ВЛКСМ на строительстве магистрального газопровода «Союз» (Оренбург—Западная граница СССР).

ПОЗЫВНЫЕ «СОЮЗА»

Нет сомнений, каждая крупная стройка имеет собственные, неповторимые черты. У каждой свои особенности, своя биография, свои подвиги и свои проблемы. Но все же, когда идет речь о нашей стройке, невозможно не подчеркнуть ее уникальность. И есть на то веские причины.

Прежде всего масштабы... Оренбургское газоконденсатное месторождение, открытое геологами в 1966 году на левом берегу Урала, академик Н. Н. Некрасов назвал «жемчужиной в газовом ожерелье месторождений страны». До 45 миллиардов кубических метров может быть доведена добыча. Производительность газопровода «Союз» (Оренбург—Западная граница СССР)—28 миллиардов кубометров. Его протяженность—2750 километров. Диаметр труб—1420 миллиметров. Таковы впечатляющие «анкетные данные» нашего «Союза».

Это что касается масштабов. Но главная, ключевая специфика стройки определяется, как известно, тем, что участвуют в ней, кроме Советского Союза, шесть стран социалистического содружества. СССР осуществляет комплекс работ по добыче, переработке и подготовке природного газа к транспортировке. Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Чехословакия сооружают своими силами и средствами объекты магистрали. Румыния выделяет валютные средства на закупку оборудования для газоперерабатывающего завода. Подписанное в июне 1974 года Генеральное соглашение расценивается нашими партиями и правительствами как качественно новый этап в развитии экономического сотрудничества стран социализма.

Итак, гигантский газопровод, который

сооружается многотысячным интернациональным коллективом... Прибавим к этому, что Ленинский комсомол и братские молодежные союзы социалистических стран объявили стройку ударным объектом первостепенной важности. Так что вдвойне символично: газопровод «Союз» вступает в строй в год комсомольского съезда, в год 60-летия ВЛКСМ.

...Когда из космоса раздались позывные космического корабля «Союз-28», pilotируемого международным экипажем в составе командира корабля Алексея Губарева и космонавта-исследователя, гражданина ЧССР Владимира Ремека, в чехословацком городке строителей в Палласовке состоялся митинг. «Позывные космического «Союза» и позывные нашего земного «Союза»—«Дружба!»—эти слова прозвучали в одном из выступлений.

Читателям «Смены», быть может, запомнились имена молодых чехословаков и советских строителей, которые трудятся и соревнуются здесь, в заложской степи (репортаж «Твое дерево в Палласовке», № 23 за 1977 год). Так вот, новости у них отличные... Молодежная бригада Павла Стеглика план 1977 года выполнила к 25 октября. Ребята награждены вымпелом ЦК ВЛКСМ. Сам Павел удостоен Почетной грамоты ЦК ВЛКСМ. Из Праги пришла еще одна радостная весть: по итогам социалистического соревнования среди молодежи Павел Стеглик завоевал право поехать делегатом Чехословакии на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване. А Сережа Максимов, комсорг бригады Ивана Шамбера, соревнующийся со стегликовцами, стал в нынешнем году лауреатом премии Ленинского комсомола...

«Смена» писала о деревьях, посаженных в Палласовке. Могу сообщить, что

по всей трассе, на каждом ее участке появились аллеи и парки дружбы. Их взяли под свое шефство комсомольские организации районов, городов, областей...

На стройке прочно утвердился повседневный товарищеский обмен опытом. Приведу такой пример... Сварщикам из ГДР впервые пришлось иметь дело с трубой такого крупного диаметра, и производительность труда была у них вначале в два раза ниже, чем у советских сварщиков. Наши специалисты научили своих немецких коллег всему, что умели сами. А водители из ГДР, работающие на КРАЗах, придумав некоторые усовершенствования, которые помогли улучшить «деловые качества» машин, охотно поделились ими с советскими водителями.

Интересной формой работы зарекомендовал себя «Дневник времени», предложенный немецкими друзьями. Туда записываются потери времени, трудности при выполнении дневного плана и т. д. Затем совместно с другими бригадами проводится анализ этих записей, выявляются причины недостатков. Во всех 119 молодежных бригадах, где ведут «Дневник времени», было достигнуто заметное повышение производительности труда.

На великую стройку СЭВ братские молодежные союзы направили лучших молодых рабочих и специалистов. Многим из них предстоит на родине учеба, ответственная работа. Мы считаем важным ознакомить друзей с опытом комсомольских организаций в Советском Союзе, с экономическими, социальными, культурными достижениями нашего народа. Скажем, на польском участке газопровода райкомы ЛКСМ Украины регулярно проводят совместные семинары, обсуждая формы и методы организационной, массово-политической ра-

боты, вопросы интернационального и военно-патриотического воспитания. Около 700 молодых польских рабочих—передовиков производства приняли участие в походах и экскурсиях по местам боевой, трудовой и революционной славы советского народа, посетив города-герои Москву, Киев, Одессу, побывав в Ворошиловграде, Краснодоне, в памятных местах Харьковщины.

Социалистическая интеграция в действии—так по справедливости оценивают нашу стройку. Мы считаем особенно важным, чтобы все аспекты интеграции—экономические, политические, нравственные—выступали в едином комплексе. «Беседы об Октябре»—так называются встречи членов Союза свободной немецкой молодежи с ветеранами революции, героями войны, делегатами XXV съезда КПСС... Участие молодых венгерских строителей в Ленинском субботнике... Изучение русского языка в группах польских рабочих... Конкурсы профессионального мастерства с участием советских и чехословацких строителей... Социалистическое соревнование комсомольско-молодежных коллективов советских и болгарских строителей... Совместные обязательства в честь 60-летия ВЛКСМ... Она многообразна и содержательна, хроника жизни и труда на газопроводе. Ее главная примета—интернационализм.

...Пройдет несколько месяцев, и мы станем говорить о стройке в прошедшем времени. Разъедутся по разным адресам ее труженики и герои, увозя с собой учрежденную исполнкомом СЭВ медаль «За строительство магистрального газопровода «Союз», увозя с собой память о днях, месяцах, годах работы и дружбы. И как бы ни пролегли пути каждого, не забыть эту стройку—грандиозную, сложную, радостную.

Доброй работы, «Союз»!

Божко БОГДАНОВ,
главный редактор
журнала «Младеж» (НРБ).

пятеро из пятидесяти

В Софийском аэропорту в этот солнечный февральский день провожающих было немного. Если бы кто-то со стороны взглянул на парней, которые поднимались сейчас по трапу самолета (а поднимались только парни!), он бы наверняка подумал, что это команда борцов — такие все были ладные и прелестные.

Вскоре и последний из пятидесяти пассажиров помахал нам красными гвоздиками, пригнулся и исчез в чреве самолета.

Мне показалось, что это был Георгий Иванов из Сливена. Он и в зале Центрального Комитета комсомола во время торжественных проводов на Кубу отряда болгарских строителей скромно сидел в самом последнем ряду. Он казался смущенным — вроде не верилось парню, что его, Георгия Иванова, у которого и стажа меньше двух лет, рядового плотника из бригады Христо Николова, назвали в числе 50 строителей, отправляющихся в Гавану, чтобы возвести там, среди пальм парка «Ленин», Дом пионеров, и не дом даже, а настоящий дворец.

— Это будет центр обучения одаренных гаванских ребят, — подчеркнул кубинский посол Хосе Мануэль Альварес Браво на встрече в ЦК ДКСМ, — дворец, где будут созданы все условия для учебы, отдыха, спорта, духовного развития ребят...

Георгий слушал выступающих и пытался представить себе этот дворец. Быть может, он будет напоминать школу, которую Георгий с бригадой Христо Николова строит в Сливене — большое, четырехэтажное, светлое здание со множеством кабинетов, не классных комнат, а именно кабинетов, с крытым бассейном и просторным физкультурным залом. В первой секции уже закончены все столярные работы, скоро солнышко ударит в большие окна, а через год к празднику Свободы школа будет готова полностью.

— Уверен, что наши ребята, остающиеся дома, на родине, будут выполнять и мою норму, работать за друга, уехавшего в Гавану. Я не думаю, что возьмут в бригады на наше место кого-то другого, — сказал Георгий. — А это значит, что мы на Кубе должны сделать все, чтобы достойно представить болгарских строителей. И наш комсомол...

Когда самолет медленно развернулся, выруливая к взлетной полосе, в одном из иллюминаторов промелькнуло лицо Николы Лескова из Кремиковцев. Никола смотрел в сторону группы, где стояла его жена. Она то взмахивала белым платком, то наклонялась к ребятишкам, которые крепко держались за ее пальто, и показывала им: смотрите, там ваш папа.

— Думали, что я откажусь, не поеду, — говорил мне перед отлетом Лесков. — Мне ведь только что дали новую квартиру, мы еще и переехать не успели. Все хлопоты теперь свалились на жену...

Двадцативосьмилетний каменщик крепко пожал мне руку, когда я поздравил его традиционным: «Честито!»

— Как же иначе, — сказал Никола. — Ведь раз в жизни может быть такая удача — поехать в страну Фиделя Кастро, первую социалистическую страну Америки, принять участие в подготовке Всемирного фестиваля молодежи. Разве можно от такого отказываться?..

Никола меня не совсем понял. Я хотел поздравить его с новосельем, его же волновала работа на Кубе.

Недавно бригада, в которой работает Лесков, принимала поздравления всего Кремиковского металлургического комбината. Было окончено цементирование фундамента прокатного стана холодной вальцовки. Бетонщики в срок справились со своим делом, но сдача объекта отставала от намеченного графика. Тогда молодежная бригада решила помочь наверстать упущенное. Ребята пересмотрели организацию труда в бригаде, разработали график бесперебойной подачи раствора. Каждый из 24 членов бригады работал за двоих. В результате при отличном качестве работы удалось сократить сроки на три дня.

Бригада поверила в свои силы. Рабочие решили, что теперь тоже могут трудиться по методу советского строителя Злобина.

Самолет подкатился к взлетной полосе, на мгновение замер и помчался навстречу солнцу. Иллюминаторы слились в одну непрерывную линию.

Думаю, только теперь Никола Лесков, оторвавшийся от круглого окошечка, повернулся к своему соседу Ивану Ранову — тоже каменщику-штукатурю и тоже из Кремиковцев. Как бригадир и человек более опытный, Иван Ранов чувствует себя увереннее. Он молод, но уже два года успешно руководит бригадой на домостроительном комбинате «Столник». И разговор у него такой же — основательный, неторопливый. И слова у него, как кирпичи, точно ложатся на свое место.

Я расспрашивал Ивана о том случае, когда его ребята сами вызвались работать по две смены, а некоторые и по три, чтобы успеть сдать объект в срок.

— Бригадир не должен постоянно находиться при рабочих, у него есть и другие обязанности, — говорил Иван Ранов, — но те три дня в самом конце года я не отходил от своих ребят. Мне казалось, что о сне никто и не думал. Работали вместе, и я радовался за них. Радовался, что товарищи поняли, как важно сдержать слово и справиться с выполнением задания до конца года...

Покуда Иван Ранов неторопливо выстраивал слова, один быстрый паренек из Девненского строительно-монтажного комбината сумел не только вмешаться в нашу беседу, но и рассказать о схожей истории.

Это произошло на завершающем этапе строительства содового завода. «Не удивляйтесь, — говорил Вично, — но я и еще четверо из нашей бригады работали по две смены целую неделю, конечно, по собственному желанию...»

Иван Ранов только посмотрел на него и спокойно, что тут, мол, особенного, продолжал свой рассказ. А Вично, дождавшись очередной паузы, выпалил: «Все только удивлялись, откуда у нас силы берутся...» Иван Ранов только бровью повел, а паренек поспешил закончить: «Но этого и мы не знаем. Просто не могли уйти с объекта, пока не закончим, вот и все».

Иван все же вздал должное девненскому строителю: «Слушаю его — не рабочий, а настоящий оратор! И поскольку знаю, что награжден Вично «Орденом Труда» за пуск содового завода, значит, работа того стоила. Молодец!»

Самолет уже скрылся в лучах весеннего солнца, и провожающие стали медленно расходиться. Теперь каждый будет ждать весточки с Кубы. О каких красотах острова Свободы расскажут в своих письмах молодые посланцы Болгарии? Командир отряда инженер-строитель Павлин Раковский наверняка будет предельно кратким: «Сделаем все, чтобы Дворец пионеров на Кубе был построен к сроку».

Далеко от Болгарии прекрасная жаркая Куба, далеко, но и близко. Сегодня вестей оттуда ждут многие. Но одну весть — о завершении строительства дворца — все мы ждем с одинаковым нетерпением. И наверняка мы услышим о ней в день открытия в Гаване всемирного праздника молодежи.

Перевела с болгарского Евгения СТАРОДУБ.

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ,
специальный корреспондент
«Смены».
Фото Александра УРБАНА.

снеть

свою песню

НАКАНУНЕ

Низенький, полный человек в коротком плаще неуверенно переминается с ноги на ногу у нашего стендса. Время от времени, чувствуя, что мешает, он отходит шагов на двадцать, но какая-то неодолимая сила снова и снова влечет его назад. А мы, члены официальной советской делегации на втором фестивале молодежи ФРГ, увлеченные развертыванием экспозиции, поничала и не замечаем странного посетителя. И тогда он не выдерживает, застенчиво улыбаясь, говорит по-немецки: «Я местный житель, антифашист— еще с войны. Простите, что не представляюсь,— для меня это может обернуться неприятными последствиями. Можно мне взять на память плакат, посвященный XI фестивалю на Кубе? Ведь он отпечатан в Москве, не так ли? Для меня это очень важно».

Нагруженный целым рулоном плакатов и фотографий, он, довольный, уходит, скороговоркой повторяя: «Данке шэн! Уходит, чтобы через полчаса вернуться опять, уже с приятелем: советский стенд притягивает их, точно магнитом».

А у нас работы невпроворот. Мы только что приехали сюда, в Дортмунд. Уже вечер. А завтра утром вся огромная территория Вестфalenхаллена и прилегающих к нему парков и спортивных площадок оживет, зашумит, зааплодирует, засвистит, зашелестит и зашокает мокасинами и сабо— ярко, пышно, празднично откроется молодежный фестиваль, организованный Социалистической немецкой рабочей молодежью и марксистским студенческим союзом «Спартак». Можем ли мы не управиться с оформлением стендса, не доделать хоть какую-то мелочь?

Вещи с ходу, без размышлений были брошены на ящики с сувенирами; тут же, пластились полами по их деревянным бокам, нашли пристанище плащи и куртки: вся политическая

группа делегации, засучив рукава— в прямом и переносном смысле,— азартно крепят к серой холстине стендса, сотворенного в виде широченной буквы «ш», большие фотографии, повествующие о многообразной жизни советской молодежи.

Могучий «КрАЗ», преодолевая таежное бездорожье, везет домовые панели— строится новый поселок;

ослепительно белый поток бьет прямо в зрителя— есть еще одна тонна стали; проницательные глаза сквозь стекла очков устремлены на доску, исполненную формулами,— решена сложная математическая задача;

завис над насыщено тяжеленным проездом— рельсы со шпалами— вот-вот вступит в строй очередной участок БАМа;

заразительно хохочут на лесной поляне, у костра, девчата и парни: «Мы на славу потрудились и на славу отдохнем!»

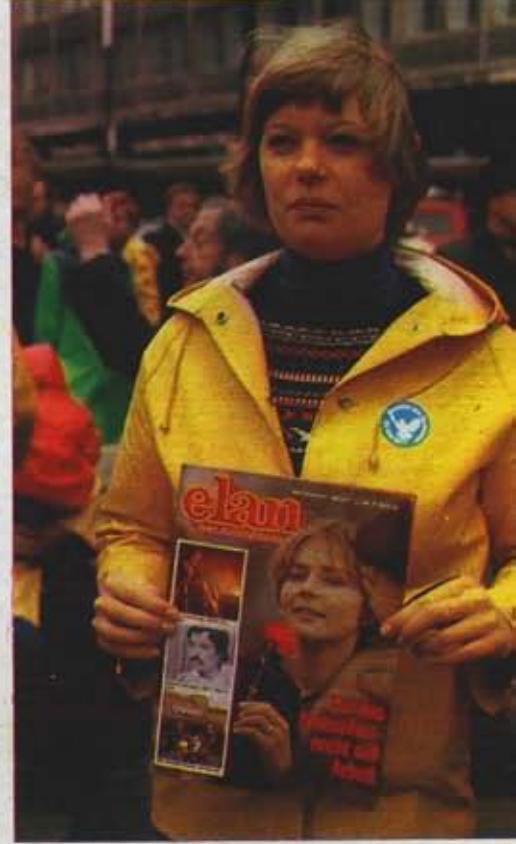
А над этими рассыпями документальных снимков, образуя некий воздушный фасад экспозиции, на тонких, неприметных для глаза струнах висят метровые цветные пластины. Два безупречно ровных, строгих ряда. Это тоже фотографии. И тоже, естественно, о нашей Родине. В центре— Владимир Ильин Ленин беседует с делегатами III съезда РКСМ. Репродукция из известной картины в окружении сотен фотодокументов о наших сегодняшних достижениях воспринимается как символ: все, о чем говорил Ильин, о чем мечтали вместе с ним комсомольцы двадцатых годов, сбылось. Люди доброй воли! Идите сюда, смотрите, нам есть что показать вам: сказка стала былью!

Заканчиваем работу далеко за полночь. Управились бы раньше, но в середине вечера представители зарубежных делегаций— они приехали из 42 стран мира— были приглашены на встречу с руководством СНРМ и МСС «Спартак». Он благодарит всех, кто принял

Небольшое помещение с составленными в один ряд столами и простыми деревянными стульями. Конусообразные абажуры на длинных шнурах свисают так низко, что высвечивают лишь гладь столешниц. Лица же гостей тонут в полураке и сигаретной дыму. Редеет пестрый частокол бутылок— с кока-колой, минеральной водой, лимонадом и знаменитым дортмундским пивом. Вокруг шумно и оживленно.

Неожиданно голоса разом стихают. И звучит только один. Он принадлежит Вольфгангу Герке— председателю Федерального правительства СНРМ. Он благодарит всех, кто принял

МОЛОДЕЖЬ ФРГ
БОРТСЯ
ЗА СВОИ ПРАВА.

приглашение участвовать в фестивале дружбы— самом крупном мероприятии западногерманской молодежи с 1968 года

Здесь необходимо сделать короткое отступление, чтобы напомнить: СНРМ был создан ровно десять лет назад, 5 мая, в 150-ю годовщину со дня рождения Карла Маркса. Учредительный съезд в Эссене провозгласил: «СНРМ является марксистской организацией рабочей молодежи, которая заявляет о своей верности идеям К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина». Отсюда вытекают и задачи СНРМ: пропаганда идей марксизма-ленинизма, сплочение прогрессивных сил в борьбе за демократизацию общественной жизни страны, за осуществление прав трудящейся молодежи, против империализма, милитаризма, реваншизма.

— Наш фестиваль,— продолжает между тем Герке,— это фестиваль международной солидарности. Мы гордимся тем, что будем приветствовать Луис Корвалан. Нам необходимо упрочить демократическую мысль в стране, и мы просим товарищей из социалистических государств шире рассказывать о своих успехах— это поднимет и укрепит дух нашего юношества. Нет сомнения в том, что молодежь планеты может внести свой вклад в дело мира. Пусть тепло нашего фестиваля преодолеет океанские просторы и будет приятно XI Всемирному фестивалю в Гаване!

Когда часа через два, закончив работу, мы покидаем зал номер 4, где среди десятков других разместился наш советский стенд, на улице моросит противный, совсем осенний дождик. Май для этих краев выдался необычно холодный. Стоим тесным кругом вместе с болгарскими и чехословакскими друзьями— ждем автобус, чтобы ехать в отель. Все смертельно устали, ежатся под водяной пылью, притопывают ногами, пытаясь согреться, и... шутят. Над собственной усталостью, над дрянной погодой, над запропастившимся куда-то автобусом и над тем, что придется лишь символически: на календаре уже 13 мая— первый день фестиваля.

«ХОХ-ДИ-ИНТЕР-НАЦИО- НАЛЕ-ЗО-ЛИ-ДА-РИ-ТЕТ!»

Утром, вернувшись в «свой» зал, прикидывали: да, здесь спокойно можно бегать стометровку со спринтерской скоростью, не боясь врезаться в стенку. Да и ширина его, пожалуй, побольше 50 метров. Только сейчас нужно быть спланистом, чтобы пройти—не пробежать!—бесконечным лабиринтом стен, принадлежащих различным молодежным организациям из множества стран. А рядом расположены еще три крытых павильона, правда, поменьше, и в них тоже стены, стены, стены. «Патриарх» же всего этого зеркального комплекса, раскинувшегося на 30 тысячах квадратных метров и вмещающего одновременно 46 тысяч зрителей,—Вестфalenalle, где в течение двух дней без перерыва будут идти концерты профессиональных и самодеятельных артистов.

Четвертый зал—зал международной солидарности—уже гудит пробудившимися ульем, переливается разноцветьем транспарантов, позунгов, плакатов, пестрит национальными одеждами, гомонит разногуко и весело. Тысячи молодых, и не только молодых, людей вливается во все двери и ворота зала, неторопливыми и хаотичными ручьями обтекают стены, задерживаются у импровизированных прилавков: какие только сувениры на них не красуются! От гончарных изделий, творимых на глазах у покупателя, от недорогих экзотических украшений, от вышивок застежками орнаментами, курток и кофт, от белых с черными мазками отрезов материи (у стендов ООП—Организации освобождения Палестины) до наших расписных деревянных ложек и птичек-свищулек, самоварчиков и пластинок.

Постепенно массы людей стягиваются к просторной высокой сцене, на которой выступает чилийский ансамбль «Килалаун». Это музыкальный пролог к митингу солидарности с народом Чили, борющимся с фашистской хунтой. Через полчаса к сцене уже невозможно пробиться.

И вдруг, точно взрезанная ножом, толпа разваливается надвое: по образовавшемуся проходу идет невысокий человек со знакомым до мельчайших черточек лицом—Луис Корвалан! Его сопровождает Председатель Германской коммунистической партии Гертберт Мис.

Слова приветствия и благодарности за поддержку, обращенные Генеральным секретарем Компартии Чили к участникам фестиваля, тонут в овациях. Зал дружно, воодушевленно, на одном дыхании скандирует: «Хох-ди-интер-нацио-нале-зо-ли-ди-ри-тет!»—«Да здравствует международная солидарность!»

Один за другим подходят к микрофону ораторы.

Представитель ВФДМ: «Народ Чили переживает трагедию. Тысячи людей подвергаются преследованиям, содержатся в тюрьмах. Хунта представляет опасность распространения фашизма по Латинской Америке. ВФДМ и входящие в нее организации будут последовательно проводить мероприятия, направленные против этого».

И опять гремит под высоченными сводами:

—Хох-ди-интер-нацио-нале-зо-ли-ди-ри-тет!

Руководитель делегации ВЛКСМ, член ЦК ВЛКСМ, первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии Иван Гуцу: «Разрешите мне от имени ЦК ВЛКСМ, 38-миллионного Ленинского комсомола, членов нашей делегации приветствовать вас, организаторов и участников фестиваля молодежи ФРГ, поздравить СНРМ с 10-летним юбилеем и пожелать ей новых успехов в дальнейшем укреплении организаций, сплочении всей прогрессивной молодежи ФРГ в борьбе за коренные интересы молодого поколения. Юбилей СНРМ совпал со знаменательным событием в жизни всех миролюбивых сил континента—в эти дни в ФРГ с официальным визитом находился Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. Мы глубоко убеждены в том, что результаты визита внесли важный вклад в укрепление мира, углубление процесса разрядки, прекращение гонки вооружений и разоружение... Наш митинг собрал тех, кто, начиная с трагически памятных дней сентября 1973 года, активно участвует в международной кампании солидарности с борьбой народа Чили против фашистской диктатуры Пиночета. Выражая чувства юношей и девушек Советского Союза, который в борьбе с фашизмом потерял 20 миллионов своих сыновей и дочерей, делегация Ленинского комсомола заявляет с трибуны этого митинга о горячей солидарности с чилийскими демократами, с партиями Народного единства и их молодежными организациями. Мы поддерживаем инициативу ВФДМ начать новую всемирную кампанию солидарности «За жизнь и свободу молодых «исчезнувших» чилийцев». Ленинский комсомол обращается к прогрессивной молодежи мира с призывом добиваться от правительства

своих стран не признавать чилийскую хунту и не сотрудничать с ней, еще теснее сплачивать ряды против фашизма в Чили и других странах мира!»

—Хох-ди-интер-нацио-нале-зо-ли-ди-ри-тет!

Представитель Союза коммунистической молодежи Кубы: «Мы рады передать этому фестивалю, всем прогрессивным молодежным организациям ФРГ привет от революционной Кубы! XI фестиваль не только даст возможность обменяться мнениями, но и будет способствовать объединению наших усилий в борьбе против фашизма, империализма, расизма. Наша революция выдержала экономическую блокаду благодаря помощи социалистических стран».

—Хох-ди-интер-нацио-нале-зо-ли-ди-ри-тет!

Представитель СНРМ: «Наша делегация недавно побывала в Чили, и мы видели: люди читают стихи Пабло Неруды! Дух народа не сломлен. Корвалан стал символом патриотических сил Чили!»

На стене, за почетным президиумом митинга, висит большой красочный плакат: кричащие лица юношей и девушек; их волосы—точно красные языки пламени и надпись: «Победа через единство!». Сейчас кажется, будто они скандируют вместе с залом: «Народ, который един, никогда не будет побежден!». «Чили должна быть свободной!»

Митинг окончен. На сцену в живописных национальных костюмах поднимается ансамбль «Либерасьон Американо» («Освобождение Америки»). Свой концерт артисты начинают песней о Корвалане.

И вот так насыщенно, плотно, скжато, без пауз помчется фестивальное время: митинг будет сменяться концертом, артисты будут уступать место ораторам. И это, наверное, правильно. Молодежь азартна, она остро реагирует на такие злободневные слова, как «разрядка», «разоружение», «нейтронная бомба», «мир», «свобода», «запрет на профессии», «бездействие», «неофашизмы». Молодежь понимает: фестиваль—это прежде всего политика. Но фестиваль—это еще и праздник. И разжимаются гневно скжатые кулаки, светлеют лица. Этим ребятам и девушки хорошо вместе—они едини в главном. И то ту, там раздается смех. Молодость имеет право на радость.

В середине дня к советскому стендзу в сопровождении других товарищей подходит Председатель ГКП Гертберт Мис. Коренастый, плотный, с крупной головой, неброско одетый, он не выделяется среди окружающих его людей. С удовлетворением осматривает стенд. Г. Мис говорит: «В последнее время произошло несколько чрезвычайно важных и радостных событий. Состоялся съезд ВЛКСМ, на котором с конструктивными предложениями по вопросам разрядки и разоружения выступил товарищ Л. И. Брежнев».

Да, мысли, высказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым, заставили задуматься всех здравомыслящих людей планеты. «Обеспечить прочный, устойчивый мир—в этом цель нашей внешней политики, таких ее важнейших принципов, как мирное сосуществование, разрядка международной напряженности... Вместе с другими миролюбивыми силами нашей планеты Советский Союз прилагает активные усилия к тому, чтобы не допустить создания нового, особо антигуманного средства массового истребления—нейтронного оружия. Наша позиция в этом вопросе проста и радикальна: пока не поздно, достигнуть соглашения, соответствующих государствам о взаимном отказе от производства этого оружия. И пусть человечество будет раз и на всегда избавлено от его появления... Анализируя обстановку в мире, мы приходим к твердому убеждению, что настало время подумать о полном прекращении дальнейшего количественного и качественного роста вооружений и вооруженных сил государства, обладающих крупным военным потенциалом, и тем создать условия для последующего их сокращения».

—Визит Леонида Ильинича в ФРГ,—продолжает Г. Мис,—сразу же оказался в центре внимания мировой общественности. Выступление высокого гостя по телевидению, в котором он рассказал о сегодняшнем дне СССР, о его миролюбивых планах на будущее, изложил позиции Советского Союза по кардинальным международным проблемам, произвело глубокое впечатление на моих соотечественников».

Товарищ Г. Мис имел в виду, в частности, и такие преисполненные искренности строки из выступления Леонида Ильинича: «...Миролюбие нашей политики—не эффективная поза, а сама суть нашей жизни. В этом—гарантня неизменности и стабильности международного курса СССР, цели которого, думаю, ясны, понятны и близки каждому: мир, разоружение, безопасность народов... Теперь... задача состоит в том, чтобы достигнутые договоренности воплотились в реальных дела, в реальные совместные усилия на международной арене».

«Не могу не подчеркнуть,—сказал в заключение Г. Мис,—что я и мои товарищи очень довольны встречей с Леонидом Ильиничем Брежневым, на которую мы пригласили и своих молодых коллег—руководителей СНРМ и МСС «Спартак». В. Герке и Б. Ландфельд».

А вокруг бурный людской водоворот Он в постоянном движении, но молодежь успевает увидеть и услышать все, что ее волнует. Задержаться там, где ей интересно: и у нащей экспозиции, и у стендза «Коммунистической молодежи Греции», с которого смотрят Маркс и Ленин, и у афганского стендза: Ленин выступает на III съезде РКСМ: и у плаката с портретом Виктора Хара, и у огромного транспаранта, прикрепленного к балкону. В защиту свободы и демократии, за распуск эсэсовских союзов, против реабилитации нацизма!; и у тревожных плакатов, взывающих на всех языках: «Запретить нейтронную бомбу!» и у кубинской пальмы с познаменем XI Всемирного фестиваля.. Успевает молодежь перекочевать и от одной эстрады к другой, не упустив ничего любопытного, успевает включиться в стихийно возникший на улице или в одном из павильонов танец, похлопать на жалеющему голосовых связок менестреля, принять участие в спортивном состязании—например, в фигуристом катании.. на мотоциклах, поклевать местный шашлык или острое, аппетитно пахнущее мясо по-турецки, приготовляемое на глазах у проголодавшихся, и ту же с пылом вступить... в политический диалог!

В скользких десятках таких диалогов, бесед, дискуссий—официальных и неофициальных участвовали члены советской делегации! И Иван Гуцу, степенный и неторопливый внешне, но эмоциональный, темпераментный по характеру, любящий и умеющий непринужденно переключать внимание собеседников с серьезной темы на шутку, и ответственный работник КМО СССР Виктор Васильев, свободно ориентирующийся в сложных нюансах внутриполитической жизни ФРГ; и Наталья Киселева—отделница Московского домостроительного комбината № 3, депутат Гагаринского райсовета, лауреат премии Ленинского комсомола; и Павел Машаракин—зам. начальника механосборочного цеха «Уралмаш», делегат XVI, XVII и XVIII съездов комсомола, восемь лет представлявший в Бюро ЦК ВЛКСМ рабочую молодежь страны...

К Наташе и Павлу у хозяев фестиваля особый интерес: еще бы, совсем молодые, а за плечами у каждого такая серьезная общественная работа. Вот и высматривают у ребят с пристрастием об их житейских путях, дорогах. Тоненькая, миниатюрная Наташа, еще не привыкшая к иностранной аудитории, рассказывает о себе, заметно смущаясь, но с тихим достоинством. Окончила ПТУ, была комсоргом цеха, потом членом комитета ВЛКСМ комбината; работает в комсомольско-молодежной бригаде, которая подхватила почин заслуженного строителя РСФСР И. П. Демина—«Большой объем—меньшими силами»: только за I квартал их дружная четверка, работающая за положенного по штату, пятого члена бригады, перечислила в Фонд мира и ХI фестиваля 250 рублей.

Паша Машаракин—по-прежнему, побойчее, успел поездить по свету, говорит уверенно и громко, с гордостью за родной и знаменитый «Уралмаш». Пришел на завод рабочим, без отрыва от производства закончил Свердловский институт народного хозяйства, получил диплом инженера-экономиста. К 60-летию ВЛКСМ комсомольцы и молодежь завода изготавливают 60 сверхплановых чугуновозов. Предприятие работает и на внутренний рынок, в частности прокатывает фермы мостов для БАМа, и на внешний—например, на Кубе, стране XI Всемирного фестиваля, отличной зарекомендовала себя буровые установки и экскаваторы. А вообще продукция завода идет в 80 стран мира. Так-то вот...

Для нас в биографиях Киселевой и Машаракина нет ничего необычного, а их сверстники с Запада изумленно покачивали головами—дивились «быстрой карьерой». Дивились в Дортмунде, Киле, Гамбурге, Эльсвоне, Ганновере—всюду, где побывала позже наша делегация, где Наташа и Павел провели множество разговоров—по душам.. И всюду заladногерманской молодежи видела открытые лица и доброжелательные улыбки посланцев советского рабочего класса, чувствовала мозоли на их крепких руках, закаленные трудом. Мирный трудом... А ради этого стоит ездить даже за моря и океаны. Вечером в гигантском Вестфalenalle, в который по утверждению устроителей фестиваля, набилось 35 тысяч зрителей, состоялся праздничный концерт. А перед его началом, бурно встреченным собравшимися, выступил Луис Корвалан.

Он гневно заклеймил маневры хунты, которая, прикрываясь, точно маскалатом, амнистии, рассчитывает отвлечь внимание от зверств, чинимых над патриотами фашистскими секретными службами. Ни Чили, ни мир никогда не позволят хунте снять с себя ответственность за происходящее в стране.

Пройдет немного времени,—заявил Л. Корвалан,—и диктатура Пиночета будет свергнута. Народ Чили победит благодаря собственной борьбе и международной солидарности, как победил вьетнамский народ, как победят палестинский народ и народы Южной Африки!..

И Вестфalenalle ответил громоподобным: «Да здравствует международная солидарность!»

А потом был концерт. Концерт, который шел всю ночь.

Мы идем ночным, давно затихшим Дортмундом. Перемигаются огни реклам, витрин, светофоров. На улицах ни души. Объяты сном аккуратные подогнанные один к другому, точно с цветной картинки сошедшие дома. Хорошо, что хоть сейчас можно без спешки взглянуть в черты незнакомого и красивого города. Местные жители называют Дортмунд зеленым оазисом. Рурский ландшафт: 49% территории—парки, сады, городские рощи. И это очень важно, ведь Дортмунд—индустриальный город, экономический и торговый центр Вестфалии. А кроме того, крупнейший город Европы по производству пива. Так что, как говорил нам обер-бургомистр Г. Зимтлебе, городским властям приходится постоянно помнить о совмещении тяжелой промышленности с охраной окружающей среды. Наша гордость—общирные розариум, где выращивается 2650 сортов роз!

В Дортмунде много различных учебных заведений, театров, музеев. Есть и исторические памятники: это главная церковь города—Рейнольдцирхе (XIII век); в 1959 году на ее органе с 72 регистрами давал концерт Альберт Швейцер; и церковь святой Марии (XII век) со знаменитым алтарем работы местного мастера Конрада...

А на календаре опять уже давним-давно значится следующий день...

«НАВЕРНОЕ, Я РОДИЛСЯ ОЧЕНЬ РАНО...»

Они как опавшие осенние листья—желтые, оранжевые, красные, коричневые... Сотнями низеньких палаток усеяны зеленые островки газонов с уже подстриженной первою травой. А между палатками еще большее разноцветье ковриков, спальных мешков, просто одеял—со всех концов страны приехала молодежь ФРГ на фестиваль-78, и, конечно, никто не бронировал ей мест в отелях (да и где взять деньги?!) устраивались кто как может, в том числе и в павильонах и под открытым небом. Большинство улеглось лишь под утро и сейчас сладко спасывается, выставив почти детские мордахи из нейлоновых мешков и пакетов из палаток. Двое безмятежно устроились под самой сценой четвертого зала—на них обрушивается лавина электрозвуков, а им хотят что! Крепок сон в юности.

Лавируя между лежачими, сидящими, стоящими молодыми людьми, пробираемся к временно сооруженной открытой эстраде, с которой летят чеканные строки Бертоята Брехта: «Марш левой, два-три... Музыкальные группам нет числа, они сменяют друг друга, но одно остается неизменным—политическая направленность их репертуара. Вот на подмостки выходит грустный бородатый гитарист и, задумчиво перебирая струны, поет: «Наверное, я родился очень рано, поэтому и не могу найти свое место в жизни, спеть свою песню. Но я спою ее в будущем. Вот только когда оно придет...»

Действительно, когда? Юное поколение ФРГ ищет ответы на тревожащие его вопросы.

Уильям Ш.—рабочий из Киля, 18 лет: «Полгода назад я стал безработным. Приехал сюда подискутировать: что надо сделать, чтобы покончить с безработицей?»

Ида М.—учительница, владеет несколькими языками, 23 года, член СНРМ: «После окончания института работала всего три месяца, потом родился малыш, долго болел; сейчас не могу найти работу—ведь на меня распространяется закон о запрете на профессии; муж получает очень мало, поэтому живем в деревне—в городе жить не по карману».

Гиза Р.—преподаватель обществоведения в католической школе, 25 лет, член ГКП: «Я—частливница, директриса из милости взяла меня на попечительство».

Волнующих проблем множество—и внутри- и внешнеполитических. Поэтому так горячо участвует молодежь в десятках одновременно происходящих в разных местах митингах, трибуналах, дискуссиях, форумах: «За право на труд», «Против запрета на профессии», «Наука для барышни или для человека?», «Налево—и что дальше?» (в ФРГ очень много мелких, но скандальных, «левачающих» группок, в том числе маоистских и троцкистских), «Положение иностранных рабочих в ФРГ», «Свободу народам Юга Африки!», «Свободу узникамтонской десятницы!».

На фестиваль приехали и выступили перед молодежью известные западногерманские

артисты и писатели — Дитер Зюверкюп, Дитрих Киттнер, Франц Иозеф Дегенхардт, Петер Шютт... Выставили свои работы художники и фотографы — профессионалы и любители. Неодинаков уровень их мастерства, но однаково стремление откликнуться на животрепещущие проблемы современности. Блистательно выполненный плакат, на котором изображен оскалившаяся военным промышленником — вместо зубов два ряда нейтронных бомб; полосатая рубашка и галстук «в звездочку» не оставляют сомнений в его национальной принадлежности.

А вот две фотографии. На одной — сплошь заляпанная шпрингерскими газетами человеческая фигура; голова, как в баюхоне, в «Бильд-чайтунг». На второй — человек разрывается на себя плотную завесу из газетных полос. Этой аллегорией студент педагогического института, член ГКП Рюдигер фон Бремен выразил свой протест против лживой буржуазной пропаганды.

Где-то в середине дня среди множества фестивальных новостей вдруг проскальзывают слухи, что кучка фашистующих молодчиков пытается разгромить стенд «Спартак». Попытка провалилась: налетчики получили мгновенный отпор со стороны ребят из СНРМ и МСС. Об этом ничтожном инциденте не стоило бы и упоминать, если бы спустя два дня «Альгемайн-чайтунг» не вывернула его шиворот-наизнанку, представив громил в виде агнцев божьих, этаких бессинко пострадавших пай-мальчиков. И больше о фестивале — ни слова!

Позже мы узнаем, что на дальних подступах к фестивальному действу были остановлены маоистские группы. Потом сами увидим четверку рокеров, возлежавших на траве под солнцем. В черных тужурках, увешанных цепями, они старались выглядеть устрашающе, но на всякий случай вели себя смирненько, что называется, не рыпались...

В конце дня все потянулись к гигантскому «караваю» — Вестфalenхалле — на заключительный концерт и закрытие фестиваля.

Еле-еле находим свободные места на самом верху. На двух сценах зала-исполина поочередно выступают рок-группы. Стократно усиленные мощными динамиками, голоса исполнителей и музыка оглушают. Ощущение таинственное, будто поют и играют прямо в твои уши.

Кресел в партере нет — равная площадка. И на ней сотни отбивающих ритм, прыгающих, кричащих ребят и девушек. Шесть цветных прожекторов выхватывают из темноты и дымы то одного, то другого певца. В коротких паузах между выступлениями «партер» плюхается на лежащие здесь же, на полу, одеяла, пледы, спальные мешки...

Но вот круглосуточно крутившееся колесо музыкальной программы фестиваля останавливается. Начинается заключительный концерт. Тут уж нет ничего похожего на джазовые пассажи — национальные мелодии, политические песни, классика. И зал преображается, повинувшись магии подлинного искусства.

Рапсодия Листа в исполнении Венгерского ансамбля — и одухотворенно засветились лица тысяч слушателей. Виртуозно исполненные, начинаясь сарказмом политические песни Дитера Зюверкюпа — и зал восторженно хохочет и аплодирует.

И вдруг совсем необычное для этих стен: народный казачий ансамбль песни и пляски «Донцы!» Длинные вышитые платья, гимнастерки и шаровары с лампасами, казачьи пики — и закружилась по сцене вокально-хореографическая композиция:

Как за Доном, за рекой,
под зеленым дубом
расставалась казачка
с парнем черночубым.

Лихая, задорная песня 20-х годов немедленно вызывала ответную реакцию: заулыбался, захлопал в такт Вестфalenхалле. А наши артисты, не давая зрителям насытиться вспышками неожиданным представлением, уже выводят, наслаждаясь мужские голоса на женские, игровую «Пчелочку златую» и сразу же, без малейшей паузы, точно вплываются в напевную, хороводную: «Деревня, деревня, четыре двора...»

Зал чутко реагирует на внезапную смену мелодий: бурно врывается хлопками в бойкую, задиристую и послушно умолкает, всем сердцем внимая плавной, лирической...

А ведь перед 35-тысячной аудиторией — лютительский ансамбль. Он существует при районном Доме культуры города Серафимовича Волгоградской области. И профессиональный артист в нем лишь один — художественный руководитель Александр Кумков, окончивший культпросветчице. Остальные — люди разных профессий: Юрий Быков работает в ДК, помогая Саше руководить хором, Валентина Доровская — фельдшер, Светлана Лапина — преподаватель техники, Мария Павлович — агент Госстраха, Алексей Точинкин — шофер, Евгений Аболонин — студент техникума, Николай Колесников — каменщик, Владимир Брикман — инженер, Сергей Остан-

ков — плотник... За три года Саша сумел заново создать танцевальную группу и расширить ансамбль с 30 до 80 человек, а главное — сколотить дружный коллектив, который быстро стал популярным в области.

И вот сейчас в награду за мастерство Вестфalenхалле низвергает на ансамбль водопад аплодисментов и восхищенных взглядов...

Итоги фестиваля подводят председатель правления МСС «Спартак» Беате Ландеффельд. Масштабы молодежного форума, говорит она, превзошли самые смелые ожидания. Если в фестивале-76 участвовало 80 тысяч человек, то теперь — в два с половиной раза больше! А буржуазные средства массовой информации ни словом не обмолвились о фестивале-78!

Зал встречает это известие негодующим и вместе с тем торжествующим ревом: замалчивают — значит, опасаются!

ПРАЗДНИК ДВУХСОТ ТЫСЯЧ

По узкой деревянной лестнице поднимаемся на самый верх небольшого здания, где разместилось Федеральное управление СНРМ. Усаживая нас за маленький столик, чтобы выпить по чашечке кофе, Вольфганг Герке показывает на стеклянную часть крыши и смеется: «Здесь когда-то была голубятня, но это не мешает нам работать».

Поблагодарив комсомол за участие и помощь в проведении фестиваля, Герке говорит:

— Это была главная акция в рамках подготовки к XI Всемирному фестивалю в Гаване, и мы рады, что она превратилась в грандиозный праздник нашей молодежи — в фестивале участвовало более 200 тысяч человек. Состоились десятки митингов, дискуссий, форумов. Не перечесть всех бесед у информационных стендов. И повсюду чувства, эмоции лились в нашу сторону. Я трезво оцениваю ситуацию, но скажу, что влияние СНРМ и МСС растет. Конечно, и с теми, кто пришел на фестиваль, еще надо работать — многие, увы, пока далеки от нашей политики. Теперь задача местных организаций — встречаться с ними, не прерывать связей.

Особо хочу остановиться на определяющем для нас событии — визите товарища Л. И. Брежнева. Подписанные документы — Совместная декларация и Соглашение о развитии и углублении долгосрочного сотрудничества СССР и ФРГ в области экономики и промышленности — свидетельствуют о том, что наши страны нашли общий язык по целому ряду кардинальных вопросов. И, главное, не было расхождений в том, что политическая разрядка должна быть дополнена разрядкой в военной области. Визит Леонида Ильича поставил те задачи, которые надо решать совместно. В Декларации есть такие строки: «Весьма важно, чтобы идея лучшего взаимопонимания, взаимного уважения и большей взаимной благожелательности укоренялась и углублялась в сознании людей обоих государств. Это особенно относится к молодежи, которая никогда не должна пережить того, что испытали предшествующие поколения». Вот какая ответственная роль отводится сегодня молодым в деле укрепления мира на Земле.

Визит имел такой резонанс, что даже наши недруги отметили это. Штраус в бундестаге сказал, что глава Советского государства — человек мира.

После визита правительство окружило нас улыбками, ибо наша партия удостоилась такого контакта.

Теперь представьте, какое колоссальное значение имеет для нас тот факт, что руководители СНРМ и МСС «Спартак» — единственные из всех молодежных руководителей ФРГ — участвовали во встрече с товарищем Л. И. Брежневым! И мы будем использовать это в работе с молодежью, в частности при дальнейшей подготовке к XI Всемирному фестивалю в Гаване.

Надеюсь, друзья, увидеться с вами на Кубе. Так что не будем прощаться...

ГАМБУРГ, ТАРПЕНБЕКШТРАССЕ, 66

Три аккуратные ступеньки, строгие стеклянные двери... Мы входим в Дом-музей Эрнста Тельмана, вождя немецкого пролетариата, видного деятеля международного рабочего движения, плененного коммуниста.

Знакомимся с его соратником по борьбе Альбертом Фридриксом. Высокий худой человек с седыми волосами откашивается:

— Мне не надо говорить вам, советским людям, кем был Эрнст Тельман. Это наша молодежь не находит о нем в учебниках по истории ни строки... И все же мне хочется поделиться с вами тем, что я видел сам, что вынес из непосредственного общения с Тельманом, ведь я знал его с 1900 года...

У Тельмана, человека, жившего для народа, родители были мелкими буржуа. И хотя он ходил в класс для особо одаренных детей,

отец не хотел давать ему образование: «Я оставил тебе наследство». Но Эрнст не был согласен с этим, и все деньги, получаемые от родителей, тратил на книги. В итоге отношения с отцом обострились настолько, что 16-летний подросток ушел из дома. Днем он искал работу грузчика в порту, а ночевал в парке. Тельман не просто видел тяжелую жизнь рабочего класса — он испытал ее на себе: был и докером и кочегаром на корабле. В 17 лет он вступил в социал-демократическую партию, активно работает в профсоюзах. Интересно, что Тельман, призванный в армию, был демобилизован уже через 7 месяцев — якобы по болезни. На самом деле опасались его «разлагающего» влияния на солдат. В первую мировую войну Тельман попал под трибунал... за пособничество противнику: кормил французских детей.

Ряд лет я работал вместе с Тельманом. Как-то приложил к нему, а его жена говорит: «Он всю ночь читал Ленина». Смотрю, рядом с книгой «Государство и революция» лежит стопка исписанной бумаги. «Ты исписал больше бумаги, чем в самой книге», — сказал я. Тельман схватил листы и затряс ими в воздухе: «Я должен, понимаешь, должен переложить это для немцев!» У него вообще был принцип — все объяснять массам. Он считал необходимым ходить в кабинки — слушать языки простого народа, проникаться его заботами и волнениями. Собранные факты он использовал потом в выступлениях. «Когда собирается много людей, никогда не говорите над их головами», — наставлял он нас. У него была излюбленная манера — во время митингов указывать на кого-то пальцем. Это сильный прием: каждому кажется, что указывают на него. И если человек кивал, Тельман произносил: я говорю тому, кто стоит сзади тебя. Если же кто-то болтал, он кричал: иди на мое место и скажи, если есть что сказать. И зал хохотал. Создавалась впечатление, что Тельман все видит и все слышит. А после выступления он мог схватить за плечо любого: «Ну, ты понял, о чём я говорил?»

Как председатель компартии, Тельман постоянно предупреждал о фашистской опасности, идейные и экономические корни которой он видел в капиталистическом строе. Под его руководством партия предпринимала все меры для создания единства действий рабочего класса с тем, чтобы предотвратить открытую фашистскую диктатуру.

3 марта 1933 года в результате предательства Тельман был арестован. В последний раз мы увиделись с ним недели через две — в тюремном дворе: меня арестовали тоже. Тельмана выводили гулять, а я возвращался с прогулки. Я закричал: Эрнст! Тельман вскинул и все слышит. А после выступления он мог схватить за плечо любого: «Ну, ты понял, о чём я говорил?»

Тельмана посадили в одиночку, а вокруг, даже выше и ниже, были пустые камеры, и он не мог ни с кем перестукиваться. Но, несмотря на это, действующие в подполье коммунисты наладили с ним постоянный контакт. Его слова «Гитлер — это война» и предсказание военного поражения германского империализма оказались пророческими.

18 августа 1944 года фашисты убили Тельмана в Бухенвальде. И тут же распространяли слух, что он погиб при бомбежке лагеря англо-американскими самолетами. Но это была ложь. В случайно найденной записной книжке Гимлер в первиче дел, которые тот намеревался согласовать с Гитлером 14 августа, под пунктом 2 значилось имя Тельмана. И тут же уже другими чернилами результат согласования: «Необходимо уничтожить...»

Альберт Фридрикс умолкает, заново переживая бывшее... Потом медленно говорит:

— Этот мемориал — единственный в ФРГ. Официальные власти не признают Тельмана, у нас нет даже улиц его имени. И тем, что совсем недавно оно прозвучало во всех газетах, мы обязаны Леониду Ильичу Брежневу, который побывал в нашем музее. После этого резко усилился и поток посетителей, особенно из школ. Раньше же учители не водили сюда детей — боялись увольнения. А вот вчера пришел целый класс...

На стенах висят фотокопии записи, сделанной товарищем Л. И. Брежневым в Книге почетных гостей. Сама она находится в хранилище. Не очень рассчитывая на успех, прошу показать ее. И через десять минут мы все склоняемся над большой книгой, раскрытой на нужной странице:

— Меня наполняет глубоким волнением посещение дома, где жил товарищ Эрнст Тельман, большой друг Советского Союза, выдающийся сын немецкого народа, борец за мир и идеалы коммунизма.

Советские коммунисты выражают горячую солидарность с продолжателями дела Тельмана.

7 мая 1978 г. Л. Брежнев.

Наша группа, участнившая в фестивале молодежи ФРГ, оказалась первой официальной советской делегацией, побывавшей в музее Э. Тельмана после Леонида Ильича Брежнева.

Литературный глобус «Смены»

Индия

Маданлал ДИДИ

Луч красоты

Дыханье красоты, как солнца луч,
В открытое окно души мой ворвалось,
И, покоряясь веянию весны,
Надежда алой розой в сердце запылала.
В сиянье лунного прелести твоей
Душа опалом драгоценным засверкала.
Сама любовь явилась предо мной.
На кудри красное набросив покрывала,
И эта вся земля теперь мою стала.

Мохан СИНГХ

Первый шаг

Посвящается Юрию Гагарину

Эту Гаруду из стали
Руки мощные взнудзали,
И на ней умчался Вишну
В горний мир дорогой вышней.

Дрожь ее упругих крыльев
Гонит вихри звездной пыли,
И ее железный ход
Сотрясает небосвод.

Сын Земли явился в космос,
Разорвав его молчанье,
Сквозь покровы вечной тайны
Он ворвался в мирозданье.

Сын Земли, дитя родное
Каждой матери на свете,
Стал он близким небу, солнцу,
Каждой солнечной планете.

Нет лица у этой ночи,
Нет ни контуров, ни теней,
И к ее порогам черный
Ни путей и ни ступеней
Не было до тех мгновений,
Когда наш землянин гордый,
Гарудой взнесен железной;
Окружен, смело, твердо
Сделал шаг по трассе звездной.

СУКХБИР

Портрет

Его лицо землистого оттенка,
И нет на нем других цветов и красок.
Но этот цвет — ведь это цвет земли!
Ворвался в себя все отсветы вселенной.
В нем все: и цвет мечты, и блеск луны,
Сиянье неба на рассвете,
И бледное горение заката,
Порханье птиц, сверканье песен,
И даже переменчивые всплески
Волны на утренней заре и на вечерней,
И многие другие сочетанья
И ярких и погашенных тонов —
Цвет сна, и горя, и веселья,
Всего, что дарит нам земля.
Но на лице землистого оттенка
Не пропадает никакой окраски.
И взор направлен лишь на землю,
Взор бесцветных глаз.
А ведь из этой же земли
Рождается и лотос...
Но это не цветок земли пред нами,
Нет, это не цветок —
Самой землею порожденный
Пред нами труженик земли,
В себя вобравший все ее цвета,
В себе несущий все ее оттенки.

Перевела Наталья ГУСЕВА.

* Гаруда — мифическая птица, носившая на спине бога Вишну.

ФАРВАТЕР

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены».

Kогда этот номер журнала попадет к читателям, «Адмирал Нахимов» — один из семи советских кораблей, везущих делегатов и гостей XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, будет пересекать Атлантику.

Мы не успели бы сделать репортаж об отплытии корабля в этот номер, но нам помог представить торжественные минуты прощания с берегом экипаж судна, с которым мы познакомились за два месяца до рейса «Адмирала Нахимова» на Кубу.

Итак, на мачтах шелестят флаги расцвечивания, сияет солнцем оркестровая медь, берег алеет транспарантами, на которых слова напутствия участникам Всемирного фестиваля молодежи и студентов, тем, кто сейчас стоит на верхней палубе корабля. У каждого из них в руках цветы или флаги с эмблемами фестиваля. Счастливцы, они слегка возбуждены и чуть-чуть грустны, как это всегда бывает с людьми, покидающими родную землю.

Но вот фанфары поют «прощание с берегом», и капитан корабля Николай Антонович Соболев, одетый в белоснежную парадную форму с золотыми шевронами на рукавах кителя, подает команду с ходового мостика: «Отдать швартовы». Судно берет курс на Атлантику.

Но сначала «Адмирал Нахимов» проходит Босфор, один из красивейших проливов Европы, соединяющих Черное и Средиземное моря. Босфор особенно впечатляющ ранним утром, во время восхода, когда шпиши минаретов пронзают легкую дымку тумана, а солнце светится над Стамбулом фантастически огромным оранжевым шаром. Затем Мраморное море, которое так прозрачно, что брошенная в воду монета отчетливо видна на десятиметровой глубине. Цвет моря чаще всего бирюзовый, но в непогоду вода мгновенно становится фиолетовой, почти черной. Дальше Дарданеллы, Эгейское море, Греческий архипелаг, справа остаются берега Сицилии.

Средиземное море в это время года всегда спокойно, и пассажиры «Адмирала Нахимова» почти наверняка видели там лениво покачивающихся в тридцати—сорока метрах от борта тюленей. Наконец, Гибралтар — своеобразные океанские ворота, и сам Атлантический. Любителям морской фауны скучать не приходится: то стремительная черная тень акулы несетя вдоль борта, обгоняя судно, то вдруг на самом горизонте взметнется вверх фонтан и из воды на мгновение покажется голова кита, похожая на валин. К сожалению, любители акульей рыбалки вынуждены сдерживать эмоции: расписание движения корабля слишком плотно, стоянок в открытом океане нет, а на ходу ловить бесполезно. Зато едва судно войдет в южные широты, как стаи серебристых летающих рыб сами атакуют иллюминаторы. Нет гарантии, что пассажиры, забывшие потушить в каюте на ночь свет, не обнаружат утром на своей постели «улов», достаточный для плотного завтрака.

в Тихом... Кстати, по поводу штормов ни самим пассажирам, ни их близким и родным, оставшимся на берегу, беспокоиться нет оснований. Во время почти двадцатидневного плавания корабль будет сопровождать приятных, слегка освежающих пас-кат. Но даже если внезапно и нагрянет шторм, то едва ли он оставит о себе неприятные воспоминания: «Адмирал Нахимов» обладает прекрасными мореходными качествами, очень осторожна и доста-точно маневрен.

Вместе с Соболевым мы совершили экскурсию в машинное отделение корабля, где старший меха-ник Герман Константинович Юркин, перекрывая голосом рев паровых турбин, с гордостью и неж-ностью рассказывал о достоинствах каждого агрегата. Но только пройдя вдоль одного из сорока-метровых гребных валов и услышав, что диаметр винтов «всего-навсего» 6 метров, мы наконец поняли, откуда берутся силы, приводящие в дви-жение этот огромный плавучий дом, своими раз-мерами не уступающий современному многоэтаж-ному жилому зданию.

Можно было бы немало рассказать о людях, работающих на судне, о тех, кто в той или иной степени отвечает за мореходность и безопасность корабля, здоровье и настроение его пассажиров, о тех, кто прокладывает курс и следит за исправно-стью корабельного оборудования, о тех, кто стремится сделать путешествие приятным, интерес-

СЕРВИС «ПО-НАХИМОВСКИ».

ЧАС СОЛНЦА.

РЕЙСЫ МИРА

ным, незабываемым. Но это значит рассказать о трехехах с лишним членах экипажа—борзопроводницах, конегарах, штурманах, матросах, радиостох, музыкантах, офицерах, поварах, врачах—словом, представителях всех судовых специальностей. Сделать это практически невозможно. Но мы со всей ответственностью заявляем, что каждый из них—испытанный моряк, несмотря на то, что возврат большинства членов экипажа не позволяет называть их инвалидами. Вот, к примеру, секретарь комсомольской организации судна Валерий Кравцов. Мы заставили его в роли правой руки капитана, старший помощник был в отпуске. Валерий отвечал в ройсе почти за все и, как признает капитан, оказался на высоте не только в том, что касалось порядка на судне, но и в вопросах мореплавания, а также во время труднейшей швартовки (было и такое) в Судакском порту. У второго помощника и это 29 лет за плечами—кругосветка, два рояса в Гавану. Несколько страниц личного дневника заполнены

экзотическими названиями иностранных портов, в которых он бывал. Валерий, как и все эти товарищи, большой энтузиаст своего судна и может без устали рассказывать о его достоинствах.

Впрочем, в этом легко убедиться самому, совершив хотя бы короткое путешествие по палубам и салонам «Адмирала Нахимова». Палуба коснуться из них предназначена для тюков судна три—для его хозяина. Здесь можно прятаться в тени и сидеть в шоколадных шоколадах, плавать в бассейнах, можно танцевать и любоваться золотым солнцем, кружить, испытывать, покорять, есть специальные залы. Конечно, в юных скротах танцевать приятнее, но открытым воздухом в носовой части корабля склоняется пятая палуба и каюты, на которой выгуливаются одноголовые кайдзы либо вновь пассажиры судна, а на корме—такие. На подъемных санках и гоночном катке четырех берегов в трех ресторанных залах и обстановке которых отличают салоны высококлассных яхт, можно катастрировать, покорять, испытывать, можно плавать и заниматься спортом, в библиотеке, в хиппи-шоу, в кинотеатре или в бассейне, кухни, где кондитерские мастера создают настоящий кулинарный рай, где плавают машины-моруны и следят за квотами...

Кухня на «Адмирале Нахимове» вообще традиционно хороша. В этом легко убедиться, заказав любое из предлагаемых блюд. За качество и внешний вид каждого из них, будь оно из французской, болгарской, грузинской, кубинской или любой другой кухни, головой отвечает бессменный директор службы судового питания Василий Васильевич Лило.

И все-таки мы не рассказали еще об очень многом. Например, о службе добрых услуг и потрясающем по широте музыкальном репертуаре корабельного оркестра, о книжных киосках и магазинах, о судовом телеграфе, интереснейших лекциях и диспутах, о морских празднествах и конкурсах. Уверены, что пассажирам «Адмирала Нахимова» просто не хватит на все времени. Но, конечно же, они по достоинству оценят главное—атмосферу праздника и дружелюбия, которую экипаж судна гарантирует каждому своему гостю. Это тоже традиция.

Коллектив корабля не раз становился инициатором многих добрых начинаний. Например, черноморские круизы. Придумал их Соболев, и экипаж единогласно поддержал капитана. Было это около двадцати лет назад. Железнодорожный транспорт и автомобили к тому времени заметно потеснили морскую пассажирскую службу, и в каждом рейсе по Черному морю половина кают на судах пустовала: пассажирские лайнеры загружались солью и консервами. Экипаж «Адмирала Нахимова» выговорил себе право устраивать четырехчасовые стоянки в черноморских портах и объявил первый туристический круиз. Экскурсии пассажиров по городам на первых порах водили сам капитан и его помощники. Скоро на «Нахимов» стало невозможно купить билет. А теперь морской туризм едва ли не самый популярный вид отдыха.

Или, скажем, «рейсы мира». Несколько лет назад комсомольцы корабля пришли к капитану с предложением организовать морское путешествие по Черноморью с заходом в города и порты, защитники которых покрыли себя неувядаемой славой в годы Великой Отечественной войны. Вполне естественно, Соболев проголосовал «за». В Севастополе, Одессе, Новороссийске, Керчи все свободные от вахты члены экипажа и пассажиры «Адмирала Нахимова» сходили на берег и колонной шли к местам, где сражались с врагами советские воины. Участники боев рассказывали о подвиге своих товарищей, а потом на братские могилы героев возлагались венки и цветы. Инициатива экипажа корабля была поддержана всеми пароходствами страны. Обо всем этом рассказывают стенды в одном из салонов судна, там же удостоверение, выданное экипажу как коллективному члену Фонда мира, почетные дипломы и грамоты, которыми отмечен вклад экипажа «Адмирала Нахимова» в дело защиты мира, в укрепление международных связей. И в том, что судно идет в Гавану, на международный форум молодежи, есть глубокая символика: на борту корабля плавут полпреды мира.

Счастливого плавания! Семь футов тебе под килем, «Адмирал Нахимов».

ошли вторые сутки, как мы в Хартуме. Ждем самолет на Аддис-Абебу. Скучаем. Сидеть в гостинице надоело, но перспектива разгуливать по городу в сорокаградусную жару никого не вдохновляет. Мы словно приклеились к кондиционерам и с удовольствием вспоминаем, как еще вчера мерзли, покидая морозную, заснеженную Москву.

Мы—это шесть врачей-преподавателей, направленных на работу в Эфиопию. Седьмой я. Выполняю сразу несколько функций: и переводчика, и врача, и даже преподавателя, хотя еще учусь на последнем курсе медицинского факультета Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Молодая республика Эфиопия, практически оставшаяся без специалистов, особенно остро нуждается во врачах. Как потом мы узнаем, в некоторых госпиталях вообще нет ни хирургов, ни терапевтов, а обслуживающий средний медицинский персонал не в состоянии оказать необходимую помощь больным и раненым. Мы понимали, что предстоит нести двойную нагрузку: не только читать лекции студентам-медикам, но и лечить местных жителей.

...Наконец-то покидаем немилосердно прокаленный солнцем Хартум и из ада попадаем в поистине райскую страну. Страну «тринадцати месяцев весны», как любят говорить эфиопы о своей родине. И вправду, Эфиопия, расположенная на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, сохраняет постоянную температуру воздуха—примерно градусов два-

ТРИНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В

Из дневника студента

Петр ГОНЧАР,
студент Университета
дружбы народов
имени Патриса Лумумбы.

дцать пять. И сезон дождей, начинающийся в июле и длиящийся до середины сентября,—одно из самых приятных времен года...

— Почему именно тринадцать месяцев?—любопытствуя я.

Встречающий нас коллега-эфиоп, видимо, привык к таким вопросам, он объясняет, что в эфиопском календаре двенадцать месяцев состоят из тридцати дней, ну, а дни, что остаются, включаются в последний—тринадцатый.

Поселились на территории госпиталя. К работе приступили сразу же. Наши специалисты назначены заведующими отделениями: хирургического и терапевтического. На одного врача приходится до ста больных. Но мы не унываем. Понимаем, как необходимы здесь.

СЕГОДНЯ был сумасшедший день. Вернее, день и ночь. Заметил, что представление о времени смешалось не только у меня. Ребята говорят, что нормальный режим—когда ночью спят, а днем работают—постепенно забывается. Привычным становится работать сутками, выкраивая час-другой, чтобы прикорнуть где-нибудь в закутке, на свободной кушетке.

К нашему госпиталю ведет только одна дорога. Ее хорошо видно из операционной. Широкая, изломанная горным ландшафтом, она пропадает среди холмов, чтобы совершенно в неожиданном месте появиться снова, и кажется, обломки дороги небрежно разбросаны вокруг. По этой дороге нам несет больных. Именно несут, перекинув через плечо, словно тюк. Иногда больного кладут на деревянный каркас, обтянутый шкурой, и двое мужчин доставляют его в госпиталь. Обычно в деревнях Эфиопии больным считается тот, кто не только не может ходить или сидеть, но и вообще уже не подает признаков жизни. И вот только в этом случае родственники решаются показать его врачу.

Рабочий день окончился. Местная операционная команда уехала домой. Я стоял у окна и видел, как к госпиталю, не спеша, часто останавливаясь, видимо, отыхая, двигалась группа людей. Они шли плавно, как при замедленной съемке в кино, то скрываясь, то медленно выплывая из-за холмов, и я, как зачарованный, смотрел на них, совершенно забыв, что санитары

уже уехали, врачи тоже вот-вот уйдут. А ведь тому человеку, которого сейчас несут, необходима экстренная помощь. Наконец, осмыслив происходящее, я помчался возвращать операционную команду. Наши еще были на месте. И все завертелось...

Крестьяне поставили кровать, на которой лежала молодая, раненая серпом женщина, в вестибуле и начали обстоятельно рассказывать о произшествии. Медсестра на плохом английском пересказывала мне подробности ссоры этой женщины с мужем и что за этим последовало. Оказалось, женщину несли к нам двое суток. За это время ее кишечник вышел наружу, его кое-как прикрыли листиками... То, что она не умерла по дороге, было чудом.

Темные глаза сестры от испуга и возмущения казались больше обычного.

— Они просят делать операцию при них,—кинула она в сторону крестьян.

— Нет уж, дудки,—сказал я по-русски. Видимо, выражение лица у меня было соответствующее, потому что сестра не стала переспрашивать, а, сохранив мою интонацию, что-то сказала им по-амхарски.

Срочно готовились к операции. Я старался держаться спокойно, не волноваться. К счастью, крупные сосуды не были повреждены, но метра полтора кишечника пришлось удалить.

Операция закончилась во втором часу ночи. Родственники терпеливо дождались результата в коридоре.

Я сел в глубокое кресло, удобно вытянул ноги, закрыл глаза и словно провалился в темноту. И тут же меня крепко встряхнули. Оказывается, я проспал целый час.

— Раненого привезли. Проникающее ранение легкого и задето сердце,—подталкивая меня в спину, говорил на ходу хирург.—Да проснись же...

На операционном столе лежал парень лет двадцати. Любой момент мог оказаться для солдата последним. В этом госпитале до нас работали специалисты из Соединенных Штатов. И, как нам рассказали наши коллеги, американцы в подобных случаях ограничивались только обработкой раны. Считали, если выживет, так выживет, ну, а в противном случае... И когда мы начали оперировать грудную клетку, это стало сенсацией для местных медиков.

СВАДЬБА.

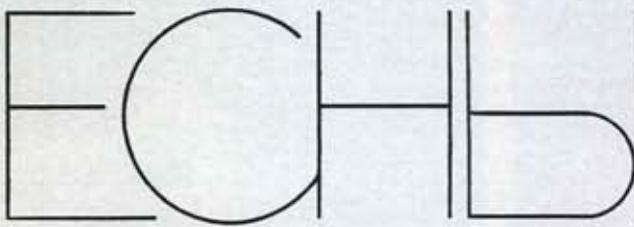
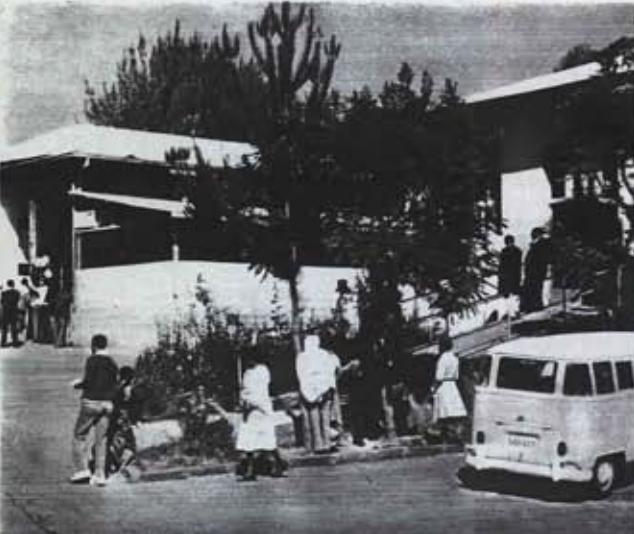
Пожалуй, сегодня одна из самых счастливых ночей работы в Эфиопии. Мы спасли людей, которые не выжили бы, если бы не наша помощь. Думаю, я вправе это сказать. Ведь у того парня было ранено не только легкое, но и сердце. И мы сделали все возможное, чтобы он жил.

Ребята решили не расходиться по домам. Не имело смысла.

Из-за гор выкатывалось солнце. На ярко-голубом небе уже повисли черными точками орлы, лениво паря или готовясь к утренней охоте. Слышалась привычный гадеж птиц, которых здесь множество. Они чувствуют себя настолько свободно, что, когда к ним подходишь совсем близко, не вспархивают пугливо, а не торопясь, солидно отходят, недовольно

ВИД НА ЭФИОПСКУЮ ДЕРЕВНЮ.

НОВОЕ ЗДАНИЕ ГОСПИТАЛЯ В АДДИС-АБЕБЕ.

косясь в нашу сторону. Иногда крестьяне даже просят европейцев приехать в деревню и пострелять диких гусей, которые мешают выращивать урожай. Обычай в Эфиопии запрещает убивать птиц, может быть, потому, что они прилетают сюда зимовать со всех концов света, а гостеприимство не принято нарушать.

Сестра приготовила нам чёртовски крепкий кофе. Мы мужественно пьем. Ведь в девять утра у нас лекция по хирургии. Необходимо быть в форме. Затем обход пациентов. Ну, а потом, видимо, все повторится...

МНОГО случаев запущенности больных. Ясно, что нужно не только лечение, но и профилактика заболеваний. Решили обсудить проблему с доктором по организации здравоохранения Игорем Ивановичем Косаревым.

Он всегда нам помогал: в организации учебного процесса, в анализе заболеваемости. В последнее время Косарев занимался разработкой лекций по медицинской этике. Первые лекции уже были прочитаны. Как переводчик, я присутствовал на них и, как без пяти минут врач, смог оценить огромную работу Игоря Ивановича в этой области. В Эфиопии, где чрезвычайно велико влияние религии, приходится считаться с местными обычаями. А мы сталкивались с ними ежедневно. И когда на прием приходила женщина, с ног до головы увешанная всевозможными амулетами, принимали этот маскарад как нечто само собой разумеющееся. И часто бывало жаль, что местный этикет запрещает спрашивать об амулетах. Чего только не навешано на женщине: и зубы, и кожаные мешочки, как я случайно выяснил, от дурного глаза, и пучки волос... И все это никогда не снимается, иначе сила амулета, как считают, пропадает. А ведь больную надо осматривать...

Косарев помог нам организовать профилактику лечения. Теперь каждую пятницу выезжаем в деревни на обследование населения. Не только осматриваем крестьян, но часто тут же даем лекарства, делаем прививки. Затем обходим дома и учтываем детей, узнаем, как они питаются, чтобы предупредить многие болезни.

Я ходил по домам, переписывал детей.

Живут эфиопы в небольших круглых гаджах. Это

хижины, остав которых составляют врытые в землю шесты, обмазанные глиной и навозом. Сверху хижины покрыты соломой. Внутри — очаг, где готовится пища. Труб в таких хижинах нет, и дым свободно выходит через крышу. Над крышей каждого гаджа — обязательный навес, на котором спит сторож. Дежурят, как правило, по очереди взрослые члены семьи.

Каждый дом огорожен естественным забором из кактусов, и попасть внутрь трудно. К тому же одолевали собаки. У крестьянина главная ценность в хозяйстве — осел. И вот на одного осла целая свора собак-сторожей. Попасть в такой дом трудно, надо беречься, чтобы не искасали собаки, не исцарапали кактусы. Главное, конечно, в ином — в том, чтобы хозяйка впустила в дом. Мужчин в деревнях днем нет, они работают в поле. А женщины неохотно вступают в разговоры с незнакомыми мужчинами.

Догадался приглашать с собой председателя кабала — представителя местной деревенской власти.

— Эй, — кричал он, стоя возле колючего забора и заглушая хрюканье лай собак, — хаким пришел!

Хаким — это доктор. Магическое слово, которое открывает все двери. И поэтому радушные хозяинки безгранично. Вводят в гаджо, угощают молоком, старушки предлагают выпить катикала — самодельную водку. И невозможно отказаться — самым большим неуважением считается пренебрежение гостеприимством.

Медицинский осмотр на местах подтвердил наше предположение — многие крестьяне даже не подозревают о своих заболеваниях. В особых случаях, когда необходима госпитализация больного, мы выписываем ему направление на бесплатное лечение. В здравоохранении после революции были проведены реформы, и бедный человек теперь мог попасть в больницу, не платя денег.

У нас много таких больных.

РЕШИЛ съездить в деревню Фалаша. Говорят, она славится на весь мир национальными статуэтками, которые делают из глины. Но поездка в Фалаша сорвалась. Не успел выйти за территорию госпиталя, как встретил приятеля-эфиопа Текле Мариам. Он пригласил на свадьбу друга. Я стал отказываться: неудобно являться без приглашения. Но он объяснил мне, что если кого-либо приглашают, то гость вправе привести с собой еще двоих: родственников или друзей. Побывать на свадьбе показалось соблазнительным, и, решив, что Фалаша от меня не уйдет, я согласился.

Все гости были одеты в национальные одежды: в домотканую белую материю. И я в который раз отметил, как красивы эфиопы. Особенно девушки — высокие, стройные. Дождавшись выхода из церкви жениха и невесты, мы уехали за город. Там уже заранее были построены щалаша из камыша. Мы с Текле Мариам вошли в самый большой, предназначенный для почетных гостей. В полурамке щалаша — свет проникал только через два входа — виднелись накрытые столы. И в центре, на возвышенностях, стоял стол с пификами. Вскоре появились две маленькие девочки в ярко-оранжевых платьях, со свечами в руках. За ними шли жених и невеста и их свидетели. Разыгрывался спектакль, который повторяется из поколения в поколение, где всем отведены свои роли.

На свадьбе я был единственным европейцем и первым советским человеком, с которым встретились здесь эфиопы. Понимал, что вызываю не меньший интерес, чем жених с невестой. Старался все делать так же, как и эфиопы. На радость Текле Мариам, ел руками. Не сказал бы, что это удобно, как меня уверял друг. Хотя, конечно, все дело в привычке. Вскоре подали основное блюдо эфиопов — дора-ват. Как оказалось, в него кладут в одинаковой пропорции мясо и красный перец. Увы, я поздно понял способ приготовления дора-ват. Отправив в рот целую пригоршню этой адской смеси, я долго не мог понять, где я вообще нахожусь. После этого восхитительного блюда во рту жгло еще дня два.

Неназойливо, но с огромным интересом эфиопы расспрашивали о Советском Союзе. Эфиопия долгое время находилась в изоляции, поэтому мне приходилось отвечать на совершенно нелепые, с моей точки зрения, вопросы. Меня уверяли, что в России нельзя без специального разрешения купить холодильник или телевизор, а уж машину покупают только с позволения правительства. И лишь в одном я не смог переубедить гостей. Они слыхали о Пушкине, знают, что Пушкин был как-то связан с Эфиопией и что он гениальный поэт. А если так, то Александр Сергеевич, конечно же, — эфиоп.

Наша беседа была прервана. Внесли только что зарезанного и освежеванного барана. Ловко взвалив тушку на голое плечо, молодой эфиоп обходил гостей. Каждый отрезал облюбованный кусок мяса и тут же съедал его. Я знал, что подобное блюдо вызывает множество болезней, но понимал, что отказом смогу обидеть и хозяина и гостей. Выручил меня Текле

Мариам. Объяснил, что у нас не принято есть сырое мясо. И я был спасен.

Когда с едой наконец-то было покончено, появился певец. Сначала он пел о женихе и невесте. Выслушав о себе много лестного, жених достал банкноту и передал ее свидетелю. Тот подошел к певцу, плонул на бумажку и с силой прилепил ее к его лбу. Певец, воодушевленный наградой, с еще большим рвением стал распевать, расхваливая качества жениха. Затем добрался до гостей, выискивая в них такие неземные добродетели, о которых, я думаю, раньше они и сами не подозревали. Форма выплаты гонорара оставалась прежней.

Приближался комендантский час. Пора было возвращаться. По дороге домой я спросил у Текле Мариам, платили ли выкуп за сегодняшнюю невесту.

— Конечно, — ответил он. — Ведь это обычай. Но если у нее не будет детей, ее вернут родителям.

— И снова надо копить деньги на выкуп новой жены?

— Нет, зачем же, жену отдают, а калым забирают обратно.

Вот оно что. Теперь я понял, почему к нам часто обращались молодые женщины, прося, а часто и скандала, чтобы мы удостоверили, что они могут иметь детей. Но ведь в данном случае врач обязан сказать правду...

ВСЕ утро просидел в библиотеке. Просмотрел гору литературы. В готовый уже материал по хирургии, написанный врачом-преподавателем, вносил все новое, что появилось за последнее время в периодике. Мы считали, студенты должны знать различные направления, существующие в медицине, и ссылка в лекциях на отличия от нашего советского метода лечения необходима.

Перед началом занятий мы с Игорем Ивановичем Косаревым вслушали, на два голоса, «репетировали» лекцию. Игорь Иванович читал, старательно выговаривая английские слова, а я внимательно следил за произношением.

— Не придирайся, — не выдержал Игорь Иванович.

— От неправильного произношения теряется смысл.

После паузы Игорь Иванович, скорее для себя, примириительно говорит:

— Не будем забывать, что английский и для эфиопов не родной язык. И в самом деле не поймут.

Лекция проходила, как всегда, бурно. Я стоял рядом с Косаревым на кафедре и еле успевал переводить вопросы студентов.

В аудитории не было обычной тишины, которая бывает, когда студенты только конспектируют; а вопросы задают в конце занятий. Каждая лекция в Эфиопии напоминала семинар для преподавателей. Это объяснялось просто — будущий врач-эфиоп не может ограничиться узкой специализацией: стать, скажем, только хирургом или терапевтом. Ведь после окончания колледжа придется работать в деревне, а там он будет единственным врачом. Поэтому необходимо знать как можно больше...

Вопросы ссыпались на нас со всех сторон. И все же я успевал запоминать почти все вопросы, непроизвольно сортируя их по темам: терапия, психиатрия, акушерство... Отмечал, что больше всего интересует студентов. Пригодится для других занятий.

Мы лечим больных. Днем и ночью. Лечим грипп, проказу, язву желудка, малярию.

Но мы не только лечим. Мы считаем, что наши задачи шире. Неизмеримо шире. Мы передаем свой опыт. Готовим национальные кадры врачей. А это — самое главное в сегодняшней Африке: формирование национального рабочего класса, формирование национальной интеллигенции. Мы, интернационалисты, думаем о будущем независимой, свободной и счастливой Эфиопии.

У НАС праздник. Новорожденного мальчика-эфиопа мать назвала Владимиром — в честь советского доктора Владимира Николаевича Калякина. У женщины рождались мертвые дети, и, уже потеряв надежду, она пришла к доктору Владимиру. Вспоминая разговор с Текле Мариам после свадьбы, я понимал, что Владимир Николаевич спас не только жизнь ребенка...

Родственники эфиопки с утра осаждают госпиталь. Приводят друзей и просто знакомых показать хакима Владимира. А у нас приподнятое настроение, собираемся бежать в магазины покупать подарки роженице и крестнику. Приехала жена Владимира Николаевича, просит, чтобы ей показали мальчика, названного в честь мужа.

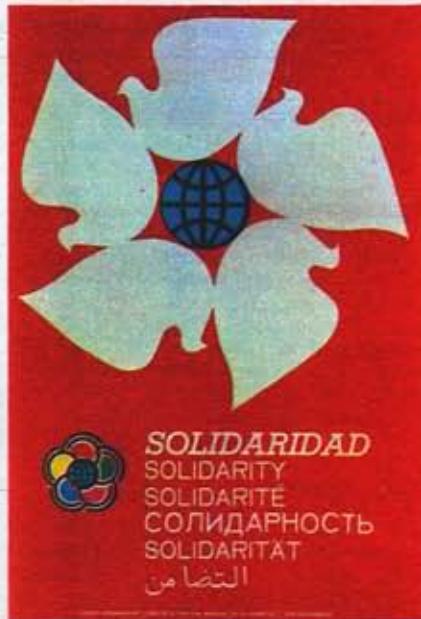
И только Владимир Николаевич, кажется, спокоен. Впрочем, он всегда оставался таким — даже в первое, самое трудное время, когда эфиопы отказывались от госпиталя и предпочитали лечиться у знахарей. Сколько мы затратили сил, чтобы разрушить недоверие и предрассудки местных жителей, чтобы заставить поверить в искусство советских врачей!

И такое время настало.

Владимир ВЕРНИКОВ,
корреспондент «Известий»
в Гаване,
специально для «Смены».
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

ВГаване сейчас дождь—такое время года. И день открытия XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, яркий, солнечный, тоже, возможно, вдруг омрачится набежавшими тучами, и прошумит ливень, который умоет и венчозеленую листву пальм, и красные цветущие фрамбояны, и белое кипение магнолий, и оранжевое цветение тропических цветов на клумбах каждого двора, каждого свободного участка земли. Вряд ли стоит говорить, как такой пестрый орнамент украшает город—Гавана переливается всеми цветами радуги, вбирая в себя сочность красок всех пяти континентов земли.

ЮНОСТЬ КУБЫ.

С чего же начать? Рассказ об этом прекрасном и необычном городе, словно шагнувшем на берег своими небоскребами, в лазоревом воздухе Мексиканского залива, начну с истории. Выкрашенный в яркие цвета, он похож на современный, созданный по законам нашего века город-новостройку. На самом деле это вовсе не так: основанная в шестнадцатом веке, Гавана испытала на себе влияние едва ли не всех стилей—испанского и французского барокко, неоклассицизма, модернизма и эклектики XX столетия.

Впрочем, может быть, именно это смешение всех мод и тонов и придало ей своеобразное выражение, тот колоритный аромат, который делает Гавану неповторимой. Я не раз задумывался, в чем же ее притягательная сила, почему еще с детства одно только название этого города воспринималось в ореоле романтики.

— Гавана не похожа ни на один город мира,—говорит главный архитектор столицы Марио Кайола.—И дело даже не в памятниках—своегообразных ориентирах для туристов, хотя, скажем, без нашего обелиска Хосе Марти на площади Революции город многое бы потерял. Город—великолепный ансамбль, который создается каждым домом, каждой улицей. Мне кажется, Гавана тепла и уютна. Вместе с тем она строга и элегантна, особенно в центральном районе Ведадо, и по-кубински шумна и разного-лоса в своей старой части...

Площадь Революции. Здесь пройдут главные торжественные акты фестиваля, здесь тысячи юношей и девушек со-

всех концов планеты впервые встретятся с молодежью Кубы. Это будет началом фестивальных празднеств. И поэтому нелишне вспомнить историю главной площади столицы, которая отразила в себе историю Кубы.

Вот она, перед нашим взором,—площадь Революции. Какая ширь! Даже трудно найти сравнение, чтобы пояснить, как много вместила, как много вобрала она в себя, в свои объятия, в свой незаконченный круг, обрамленный зданиями и бесконечными улицами, вливавшимися в нее, словно реки в океан!

Одно могу сказать точно: миллион человек дышат здесь легко и свободно. Не только потому, что здесь не бывает тесно и сотням тысяч людей. Но и потому, что это площадь народа, площадь единомышленников.

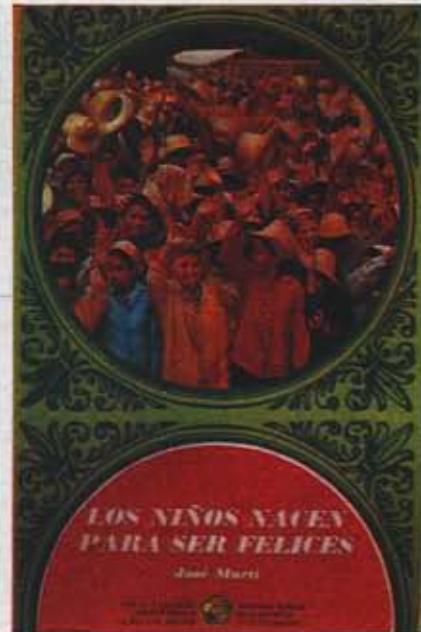
Но не всегда так было. Эта площадь знала и другие времена, ибо родилась она не после победы революции, а задолго до нее. И название у нее было другое, хотя беломраморный мыслитель Хосе Марти, болевший за судьбы Америки, давно уже стал здесь привычен и необходим.

Архитекторы задумали площадь с размахом и фантазией. Она должна была напоминать своей строгостью и классической законченностью великолепные храмы Афин, стать своеобразным акрополем Америки, центр которого увековечил бы память и славу Хосе Марти. Сам же монумент намеревались укрыть решетчатой крышей, круглый год улавливающей солнце. Однако от этого проекта к началу строительства мало что сохранилось—уже не хватало пространства, необходимого для осуществления этого замысла, кроме того, появились здания, нарушающие гармонию первоначального проекта. И все же

ребристый белый обелиск, облицованный десятью тысячами тонн белоснежного мрамора, доставленного с острова Пинос, поднимался постепенно все выше и выше, пронзая голубое небо, а вокруг его стального каркаса монтировали крутоую винтообразную лестницу в 500 ступеней. Площадь менялась на глазах—за обелиском появилось помпезное здание Дворца правосудия, напротив—бетонная коробка министерства средств связи, автовокзал, Национальная библиотека. Но лишь когда в 1957 году перед обелиском установили 18-метровую статую сидящего в раздумье Хосе Марти, площадь приняла нынешний, законченный вид.

Однако церемония торжественного открытия ее так и не состоялась. В то время кубинскому диктатору Батисте уже было не до торжеств: в горах Сьерра-Маэстра набирала силу Освободительная армия Фиделя Кастро, и гражданская война охватывала все новые и новые районы Кубы.

ПЛАКАТЫ ФЕСТИВАЛЯ.

ры, придающих столице неповторимый облик. Но преобладают здесь все же небольшие особняки, построенные в испанском стиле, с изысканными разноцветными террасами и садиками. В этих садиках белые и бледно-розовые магнолии, душистые лаконии и тропические кустарники.

Сегодня уже трудно представить се-

бе, что каких-то два десятка лет назад хозяевами этих красавцев особняков, владельцами многоквартирных домов были американские или кубинские богачи. Это они превратили когда-то Гавану в город сомнительной репутации. Это они допустили, что имя антильской жемчужины было запачкано и осквернено. На широких проспектах, в барах и ресторанах этой кучки богачей было действительно весело. А город прятал невидимые с роскошными пляжами грязные лачуги, тонущие в рабочих кварталах, где жили 60 тысяч безработных, где было больше миллиона неграмотных. Город не выдавал насиженные моллюски, глаза на них и детей. Вокруг роскоши и разгула скрывали нищета и уродство.

Сюда лежит на Маринере становятся собою люди. Гаванцы наблюдают за восходом солнца. Бензопланы под звездами утомлены уходят в океан. Постепе-

ние лучи его пробегают по воде, и наступает ночь.

Здесь, в тропиках, нет вечера и вечерней зари в нашем обычном понимании: скрылось солнце — и сразу приходит темная, прохладная ночь.

Гавана строится — это заметно повсюду. Однако самая впечатляющая иллюстрация размаха жилищного строительства — новые районы столицы

Первая зона новостроек — это Аламар и восточная часть города, где сейчас стоят 4—5-этажные дома, но будут заселяться и 20-этажные. Там трудятся в основном так называемые микробригады: коллективы предпринятий, объединившиеся для строительства жилья, создают группы строителей из своих рабочих и служащих.

Аламар — целый город, где живет несколько десятков тысяч семей, это новые больницы, фабрики, кинотеатры. Ежегодно здесь вступают в строй тысячи новых квартир. А в Аламаре живут также давние шелесты о море и подводные почты, относящиеся к эпохе Эммануила Стеско и нововведенных транспортов.

Второй зоной являются новые Альмины центры. Здесь видны гигантские гаражи, парки 10—20-этажных домов, здесь же висят синие вывески из алюминия главные столицы. Проект это создали кубинские инженеры и архитекторы, и строиться оно будет необычайно необычно: стращения станут как бы напоминать об очаровании этого города.

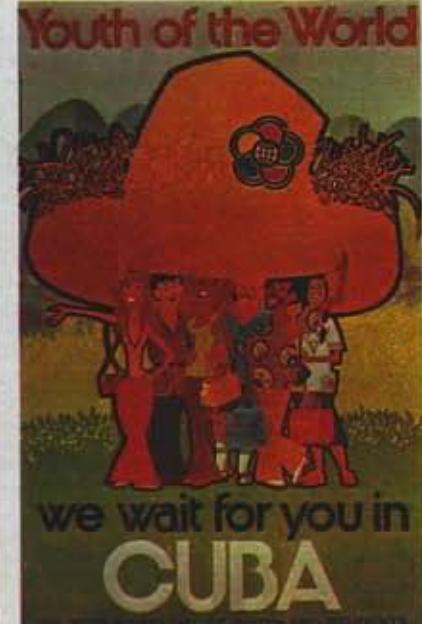
вниз. Контуры обновленного центра уже намечаются.

— Думаю, что потомки не помнят нас недобрым словом за то, что строим мы сегодня, — говорит Марио Кайола, — потому что все это в стиле города, его характере.

Главный архитектор подошел к окну и распахнул его. По бульвару Прадо, освещенному старинными фонарями, торопились на премьеру в национальный театр балета нарядно одетые люди: в этот день танцевала знаменитая Алисия Алонсо, и «лишний билетик» спрашивали за несколько кварталов.

Словно парящим в воздухе казался подсвеченный прожекторами старинный капитолий, в котором сейчас разместилась Академия наук Кубы.

Трубный клик очередного судна, входившего в порт, возвестил об окончании его трансатлантического рейса. Недремлющее око знаменитого маяка на старой крепости Эль-Морро скрещеными, словно гигантские шлаги, лучами посыпало свои сигналы судам, торопящимся в Гавану.

Левее, в Рыбной гавани, построенной с помощью СССР, приткнулись к причалу уставшие трудаги-траулеры — с них выгружался улов.

Из соседнего промышленного района Регла доносилось обычное, тяжелое дыхание марта металлургического завода имени Хосе Марти.

Свыше трех четвертей кубинской индустрии, не считая производства сахара, находится в Гаване. Это предприятия и тяжелой, и перерабатывающей, и легкой промышленности, это судоверфь, заводы цветных металлов, стекловары, авторемонтный имени Кубино-советской дружбы, обувная, текстильная, табачная фабрики, молоко- и мясокомбинаты.

Начнется праздник солидарности молодежи планеты, борющейся за мир, дружбу и прогресс, неподалеку от центра Гаваны. Здесь, в рабочем районе, расположен стадион Эстадио Латиноамерикано, вмещающий 50 тысяч зрителей. Здесь выступал Фидель Кастро, провозглашая национализацию предприятий. Именно на зеленом поле этого стадиона произойдет торжественное открытие XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Мы засиделись почти до полуночи. И расходились до домов, когда уже опустились улицы.

Над городом висела влажная, теплая ночь. Белый двухмиллионный город засыпал на короткое время, чтобы ранним утром, вместе с восходом солнца, торопливо вынырнувшего из-за Мексиканского залива, вновь стать к станкам, варить сталь, учиться, кормить людей и — самое сейчас главное — доказывать свое право называться столицей XI Всемирного фестиваля молодежи.

Завидная и почетная обязанность!

СОЛИДАРНОСТЬ ПРОФИНА ГАВАНЫ

Эгон КРЕНЦ,
кандидат в члены
Политбюро ЦК СЕПГ,
первый секретарь ЦС ССНМ.

Специально для «Смены».

Девять летних дней в конце июля и начале августа 1973 года кипело многоцветье фестивальных красок на улицах Берлина. Пять лет уже прошло со дня закрытия XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине, где представители молодого поколения из ста сорока стран мира поклялись крепить единство, бороться за мир, за прекращение агрессии, за торжество принципов мирного сосуществования. Пять лет прошло с тех пор, как наша Берлин передал фестивальную эстафету столице первой социалистической страны на американском континенте — красавице Гаване. Но и сегодня в Берлине, так же как и во всех городах и селениях Германской Демократической Республики, слово «фестиваль» слышится на каждом шагу. Многие из участников движения МММ пять лет назад еще носили пионерские галстуки, но именно они выступили за год до открытия XI фестиваля молодежи и студентов в Гаване с предложением подготовить каждому молодому человеку свой подарок фестивалю.

Что представляет движение МММ? Буквы эти расшифровываются просто: «ярмарка мастеров завтрашнего дня».

Двадцать лет назад на территории знаменитой Лейпцигской ярмарки открылась первая выставка «Мастеров завтрашнего дня». С тех пор эмблема этого движения свободной немецкой молодежи — три буквы «М», тесно переплетенных между собой — стала известной не только в ГДР.

На двадцатой юбилейной выставке, проходившей на той же Лейпцигской ярмарке, было представлено около двух тысяч работ — все лучшее, что создали почти три миллиона участников движения МММ. Экспонаты юбилейной выставки интересовали не только молодежь, с ними тщательно знакомились ученыые, руководители предприятий и различных отраслей народного хозяйства. Представители Лейпцигской международной ярмарки в шутку пожаловались мне, что выставка МММ по популярности может вскоре затмить саму ярмарку. «У нас же на одну букву «М» больше», — отшутился я, в свою очередь. Но если серьезно, XX республиканская выставка «Мастеров завтрашнего дня», отразившая широкий размах движения МММ и высокий уровень представленных работ, подтвердила.

Рисунок Херберта Биддрупа сделан специально для фестивального номера «Смены».

ЭСТАФЕТА СОЛИДАРНОСТИ

что молодежь все больше приобщается к борьбе за высшие научно-технические достижения на предприятиях, в кооперативах и в учреждениях.

Но движение МММ преследует не только технические задачи. Приобщать молодежь к творческой производительной деятельности, способствовать совершенствованию ее знаний и мастерства, развитию ее способностей и навыков, направлять ее усилия на овладение научно-техническим прогрессом, конечно, уже само по себе немало. Но движение МММ к тому же еще способствует социалистическому и коммунистическому воспитанию личности, помогает становлению людей мыслящих и действующих в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. В единстве классового воспита-

ния и достижения высоких экономических результатов и заключается сегодня особое значение движения мастеров завтрашнего дня в деле коммунистического воспитания молодого поколения. Это единство еще раз наглядно проявилось в дни подготовки к Всемирному фестивалю в Гаване, к открытию которого все участники движения МММ приготовили свои трудовые подарки.

Мы стремимся, чтобы работы молодых новаторов стали еще конкретнее, еще более приближенными к нуждам их родных предприятий, цехов и бригад. И для этого есть все основания и возможности. Производственные планы предприятий, в особенности планы по науке и технике, распределяются сейчас среди непосредственных исполнителей. Все эти задания немедленно доводятся

до бригад и других молодежных творческих коллективов. Тем самым гарантируется, что участники движения МММ намечают для себя важные с народнохозяйственной точки зрения цели.

В будущем году нашей республике исполнится 30 лет. Вся молодежь страны идет навстречу этому славному юбилею с лозунгом: «Наша любовь, наши знания, наши дела — нашей социалистической родине ГДР». Образование ГДР стало поворотным пунктом в истории немецкого народа.

Достижения сил прогресса бесспорны, но империализм еще сохраняет свою реакционную сущность, не прекращая попыток повернуть вспять колесо истории, разжигает глеющие очаги напряженности. Реакция постоянно выступает против разрядки, за гонку вооруже-

ний, еще одним доказательством чего служит опасная игра снейдеронной бомбой. Интересы человечества требуют умножения наших совместных действий против врагов мира. Мы должны способствовать тому, чтобы завоевания революционных и прогрессивных сил стали неизбежными. Молодое поколение мира несет огромную ответственность за будущее планеты.

Мы, члены Союза свободной немецкой молодежи, солидарны со всеми, кто борется против фашизма и расизма. Это один из главных принципов демократической молодежи, ярко проявившийся в дни Берлинского фестиваля. Молодость мира, я уверен в этом, готова еще раз подтвердить этот принцип в столице социалистической Кубы на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Габриэль Гарсия МАРКЕС,
писатель, президент национального подготовительного фестивального
комитета Колумбии.
Специально для «Смены».

Я-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПТИМИСТ

По нашей просьбе корреспондент Агентства печати «Новости» в Мексике Владимир Травкин встретился с живущим сейчас в этой стране известным колумбийским писателем Габриэлем Гарсией Маркесом и попросил его поделиться с читателями «Смены» своими мыслями по поводу XI фестиваля молодежи и студентов в Гаване.

— Я тесно связан с фестивалем,—сказал Гарсия Маркес.— Все началось с того, что меня избрали президентом подготовительного фестивального комитета Колумбии. Сначала это был просто почетный пост, но потом я поехал в Колумбию, принял участие в работе комитета, начал общаться с ребятами, и дело закончилось тем, что я стал действительным, активным президентом. Мне интересно знать этих молодых людей, наблюдать, как они думают, как ведут себя, как оценивают жизнь. И у меня сложилось впечатление, что они во многом лучше нас, лучше, чем мы были в их годы.

— Как вы оцениваете роль молодежи в современном мире вообще и в Латинской Америке в частности?

— Видите ли,— улыбается Габриэль,— я считаю себя профессиональным оптимистом. Я всегда очень надеялся и надеюсь на молодежь. Я лучше понимаю тех, кто младше меня, чем моих сверстников. Мне сейчас пятьдесят, и я гораздо лучше понимаю сейчас двадцатипятилетних. Наверное, когда мне будет пятьдесят пять, я буду еще лучше понимать двадцатипятилетних. Думаю, что общение с молодежью — это форма самозащиты против старения и смерти. Поэтому и персонажи моих книг живут до ста лет. Я, повторяю, настроен очень оптимистически, когда речь идет о роли молодежи. Стало уже прописной истиной то, что будущее зависит от молодых, но, добавлю, оно будет в их руках, когда они уже не будут так молоды. И я верю, что мир будущего будет лучше, чем наш мир, верю, что мои дети лучше меня. У меня двое парней. Я вспоминаю себя в их возрасте и думаю, что был немного взрослеем их, но и условия, формировавшие меня, были иными. И я часто говорю им: разница между вами и мной в том, что у меня не было известного отца, а у вас есть... Нас было шестнадцать братьев, и с двенадцати лет, когда я получил стипендию, чтобы учиться, я практически рассчитывал только на себя. В такой стране, как Колумбия, и на том социальном уровне, на котором мы находились, можно было жить, только почти дословно следуя лозунгу «спасайся, кто может». Так я тогда думал: если я здесь останусь, то я пойду ко дну вместе с этой посудиной. Тогда я начал защищать себя сам. Естественно, такая жизнь способствовала более быстрому взрослению.

Но я начинаю думать вот о чем... Вопрос в том, хорошо ли это — быть более взрослым. Это довольно спорное дело. Все-таки мне кажется, что мои дети и друзья моих детей, поколение моих детей — в известной мере лучше нашего. Я нахожу, что они имеют более ясное представление о жизни, они более реалистичны, но не теряют при этом и необходимого идеализма. И в политическом смысле они много лучше нас.

Если же говорить о Латинской Америке, то я считаю, что есть очень важное явление, оказавшее огромное влияние на формирование этой политической ясности и определенности. Это кубинская революция. Интересно, что недавно один мой друг спросил меня: какую политическую позицию занимал бы ты сейчас, если бы не произошла революция на Кубе?..

Писатель замолкает на минуту и продолжает:

— Я думаю, что это самый интересный вопрос, который мне когда-либо задавали в жизни. Я думаю, что в литературном смысле я делал бы, наверное, то же самое. А что касается поколения моих детей, то я

уверен, что кубинская революция стала важнейшим фактором формирования их сознания.

— Габриэль, вы много раз бывали на Кубе, жили там. Что вы думаете о кубинской молодежи?

— Кубинская революция — это революция молодых. Фидель Кастро начал политическую борьбу в школьные студенческие годы. Это пример поколения, которое начало очень рано. И доказательство этого в том, что те, кто руководит сейчас Кубой, молодые люди. Раулю Кастро еще нет и пятидесяти, а Фиделю — лишь немногим больше. Да и самой революции не исполнилось еще и двадцати... То есть, если и есть молодое поколение, имеющее право сказать, что оно достигло коренного изменения общества, то это кубинцы, молодые кубинцы, прошедшие через революционную войну, добившиеся победы революции.

Но и те, кто пришел после, — это тоже очень важное и интересное поколение, интересное для нас, друзей Кубы, которые не живут на Кубе, но часто бывают там. Мы прекрасно видим, как отличается это поколение, сформированное революцией, от молодежи других латиноамериканских стран. Какая ясность суждений, какая уверенность, какое, наконец, здоровье! Прекрасная молодежь.

Возвращаясь к началу нашего разговора: замечательно, что этот фестиваль проводится на Кубе, что его хозяевами станут представители первого поколения кубинской революции — юноши и девушки, родившиеся в годы революции, совершенно новое поколение.

— Это поколение строит социалистическую Кубу, это поколение с оружием в руках борется за свободу, оказывая братскую помощь народам Африки. Вы написали серию репортажей о кубинцах — в Анголе. Пожалуйста, несколько слов об этом.

— Каков средний возраст этих кубинских интернационалистов? Двадцать лет... Я их знаю, я был с ними... Об этом говорилось очень много. Я знаю, как трудно было удовлетворить желание множества добровольцев, стремившихся принять участие в сражениях на стороне патриотов Анголы. В западной печати появилось много спекуляций о том, почему кубинцы стремились в Африку: одни утверждали, что они едут туда, потому что нет другой возможности путешествовать, кроме как подвергаясь опасностям войны, другие — что это форма протеста против существующей на Кубе системы, форма бегства из неугодного общества, бегства от реальности, с которой нельзя ужиться. Враги Кубы пускались во все тяжкие. Но я был в Анголе и говорил там с кубинскими добровольцами. И у меня нет ни малейшего сомнения, что подавляющее большинство этих бойцов отправилось туда, движимое чувством интернационализма. Это интернационалистское сознание, настоящее, искреннее и новое для нас в Латинской Америке, поистине поразительно. Это лучшее, что отличает кубинскую молодежь, самая яркая ее черта. И они продемонстрируют ее на фестивале.

— Вы принимали участие в подобных форумах молодежи раньше?

— Я был на фестивале в Москве. Я придало большое значение фестивальному движению, потому что это дает возможность встречаться, разговаривать, обмениваться мнениями, «путешествовать» из одной страны в другую, не выходя за пределы одного города. Я помню, как в Москве мы в один день ходили на спектакль болгарской драмы, в другой — на представление чешских кукольников, в третий — на концерт японского танцевального ансамбля, в четвертый — на аргентинский фильм. Я подружился там со многими. И эта дружба продолжается и сейчас. Поэтому я — за фестивали вообще и за фестиваль на Кубе особенно.

По просьбе редакции материалы специального номера «Смены» подготовили корреспонденты АПН Владимир КАТИН, Владимир ДОБКИН, Андрей ПРАВОВ, Виктор КОРОЛЕВ, Владимир ТРАВКИН.

Литературный глобус «Смены»

Чехословакия

Йозеф Шимон — молодой чешский поэт, имя которого входит сейчас в первый поэтический ряд Чехословакии. Стихи Шимона любимы чехословакской молодежью, широко публикуются в печати. Молодой поэт еще и организатор литературного процесса. Он заместитель главного редактора профсоюзного издательства «Праце».

Стихи И. Шимона на русском языке публикуются впервые.

Йозеф ШИМОН

Выход в космос

Этот выход не для баловней сласти и лени.
Здесь на орбиту выходят к солнцу в соседство.
Человек становится метрономом Вселенной.
И она отзывается на бой его сердца.

Но прежде, перед тем как огнем полыхнули клюзы
И пространство взревело от гнева и боли,
Было необходимо совершить революции,
Отбросить ангелов крылья и выиграть войны.

Нет, теперь человек не отступит никак.
Загудели секунда в секунду, жару выдыхая, органы.
И от перегрузки сердце скималось в кулак.
А потом приоткрылись галактики-океаны.

И орел закружился в сполохах ракетных огней.
И запел, торжествуя, на скале Прометей.

Ребенок

Малыш — человечек с коробкой пастели.
Малыш — существо для вопросов глубинных.
Пытается вызнать почти с колыбели,
Как лава вулкана становится глиной.

Ребенок, а полон желаний безмерных.
И если Вселенная даст им судьбу,
То он обернется травою бессмертной,
Узорной и нежной на чистом лугу.

Коррида

Чуть вспыхнуло лето Мадрида,
И сразу — коррида, коррида.

Тесней от людского притока.
А женщины ярки, приложки.
Они, словно перстни Востока,
Идут к белизне моей кожи.

Шатаюсь быком в восхищении
И думаю о похищении.

Когда ж уладу, измучась,
На арене посередине мира,
Дети ухо мое получат
В качестве сувенира.

С ветром

Безразличный к богам, ошибкам и сплетням,
Я целую тебя под ветром.
Весь из жажды кругого замеса,
Которая никому не известна,
С ветром я породнен.
С ветром я возвращаюсь, ночью ли, полднем,
Без жестов, оваций, имен
И, как птица в коронах молний,
На восходе — исходе времен.

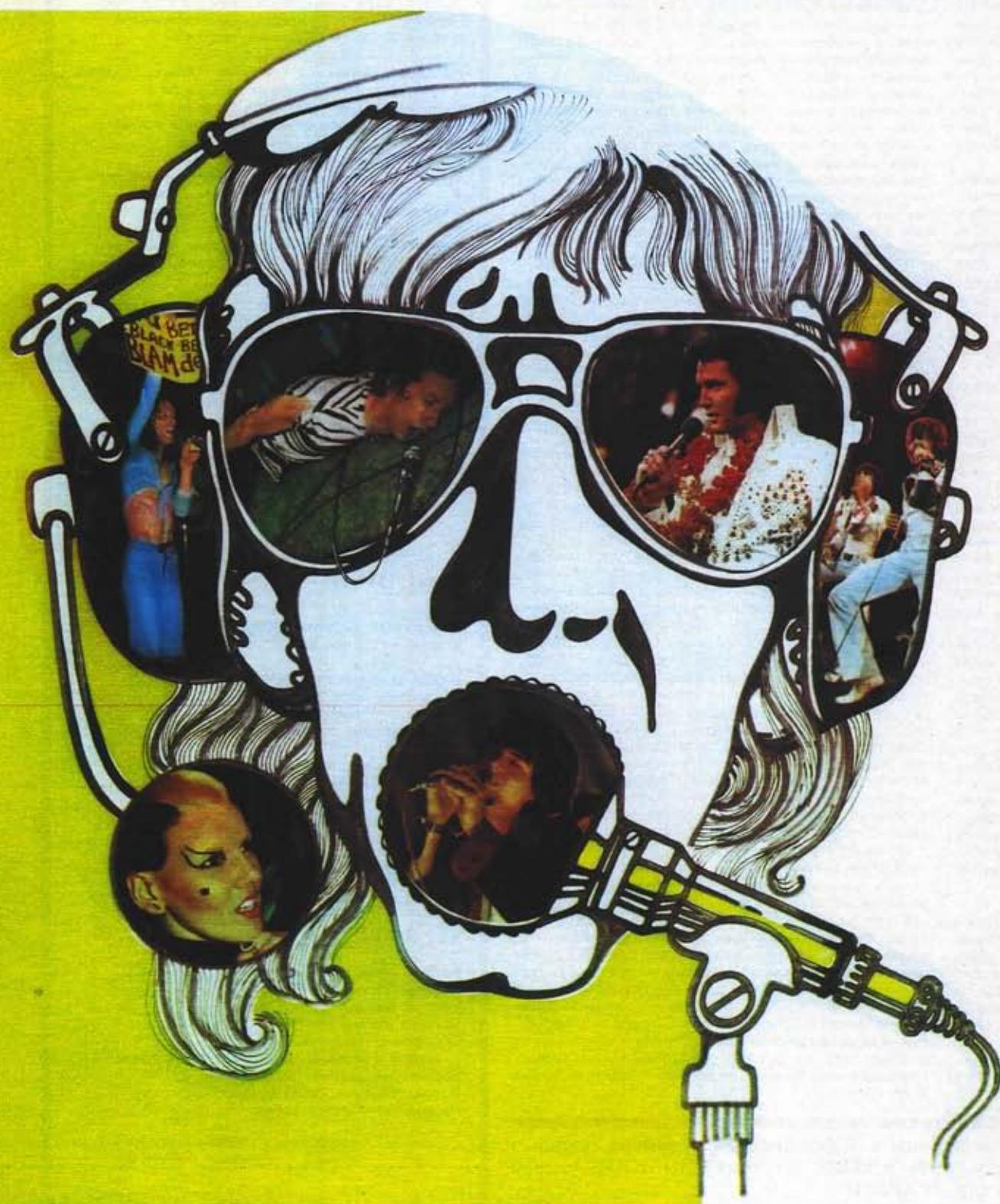
Авторизованный перевод с чешского
Николая ВОРОНОВА.

Антигуманизм буржуазной культуры

МУЗЫКА ПРОТИВ МОЛОДЕЖИ

ОГЛУШИТЬ, ОСЛЕПИТЬ, ЗАПУТАТЬ

Людмила ГЕРАСИМОВА

Леди и джентльмены — «Роллинг Стоунз»!

Семнадцать тысяч зрителей, собравшихся в одном из крупнейших залов Торонто, замирают в предвкушении чуда.

Наступает полная тишина, и в ту же минуту Мик Джаггер, звезда и идол современной поп-музыки, выбегает из-за кулис с микрофоном в руках и начинает петь: одна, другая, три песни подряд. Зал грохочет, окончания песен не слышно.

Неожиданно певец кладет микрофон на пол и начинает танцевать. На нем — белый костюм «пастушка», перевязанный в талии красным кушаком, на шее — красная косынка. На голове школьная фуражка, на плечи небрежно наброшена ученическая куртка.

Посредине эстрады, кроме целой батареи колонок, усилителей и двух динамиков, подвешено на тросах гигантское зеркало. В нем отражаются огни огромных прожекторов, освещавших радиальным светом эстраду и фигуру солиста.

Внезапно Джаггер срывается с головы шапку, сбрасывает куртку, развязывает шарф и вступает в дуэт с гитаристом

К ЕДИН

Песня из репертуара
Франца Йозефа
ДЕТЕНХАРДТА

«ГОД СВИНЕЙ»

Смердит,
Смердит
Свинья туша,
Прессуя воздух городов.
И гибнет город
От удушья
В немой прогорклости
Годов.
Будь проклят, зритель
Безмятежный!
Застанет смерть тебя
Врасплох.
Свою подушку
Нянчит нежно
Ты до погибели готов.
Так не сиди безвольный
Дома.
Встает заря.
И ты вставай!
Иди бороться в катакомбы.
К единству братьев
Поднимай.

Перевод
Владимира КОТЕЛКИНА
и Владимира ХАРИТОНОВА.

И. МУЗЫКА ЗА МОЛОДЕЖЬ

Китом Ричардом, выступающим как бы в роли инструментального «alter ego» солиста.

Смена освещения — и новые песни. Джеггер неистовствует. Он объявляет балладу «Недостойная любовь». Голос его чист, он подобен мягкому звуку акустических гитар в аккомпанементе. Внезапно артист прерывает песню и исчезает в темноте. Два гитариста играют как сумасшедшие. Тем временем Джеггер за кулисами пьет пиво, поправляет одежду, а затем вновь выскакивает на сцену, в свет юпитеров, и с ходу включается в концерт.

В следующих песнях — вновь «классический» Джеггер. Он поет, растягивая слова и звуки, в сопровождении гитары Ричарда и барабанов Чарли Уоттса. Наконец «Ночной бродяга». Мик — в котелке «а-ля Чаплин». Короткое соло на губной гармошке. От пения он переходит к мелодекламации, шепчет, кого-то передразнивает, указывает пальцем, грохает. Темп падает. Джеггер сквозь зубы цедит отдельные слова, крадется, падает на колени, затем срывается с себя кушак и отбивает ритм. Публика вскакивает с мест. Лес поднятых рук, крики «браво»... Толпа назлектизирована до

предела. Ансамбль тут же начинает следующий номер — известный блюз Чака Берри. Джеггер в очередном пароксизме: он хлопает, боксирует, приседает, срывает микрофон, подпрыгивает, его руки трепещут, словно крылья подстреленной птицы. «Спасибо», — произносит он. И вновь — безумство рок-н-ролла.

Зажигается свет, весь зал срывается с мест, танцует, хлопает, что-то кричит. Секундные перерывы — лидер представляет своих музыкантов. Все? Нет, конечно. Крайне усталый, согнувшись почти пополам, Кит Ричард наигрывает следующую вещь. Мик Джеггер магнетизирует публику своим металлическим голосом. Толпа затевает горячечный танец. Мик берет вазу с цветами и начинает разбрасывать розы, затем вся ваза летит в публику. Поклон, воздушный поцелуй. В уголках его рта — не то усмешка, не то гримаса. Он быстро уходит за кулисы. Музыка стихает.

Вот так, в обстановке массовой истерии, проходят почти все концерты одной из самых популярных групп мира — «Роллинг Стоунз». Ощущение такое, что и не концерт это вовсе, а бой быков, и тореадор обязан выйти победи-

телем. Что ж, и тут и там — великолепно организованный и прекрасно разыгранный спектакль. А кто быки?

На сей раз все обошлось. Но вот 6 декабря 1969 года в штате Калифорния во время выступления ансамбля в непосредственной близости от сцены на глазах многотысячной толпы был зарезан черный юноша Мередит Хантэр. Трагичен и тем более отвратителен этот случай еще и потому, что убийство было отснято на плёнку операторами, нацелившими на сцену свои камеры. Причем никто и не пытался помешать преступлению. Напрашивается вопрос: кто виноват? Артисты? Одурманенная наркотиками и алкоголем публика? Или — страшно подумать — музыка?

Однозначно на такой вопрос не ответить.

Вот уже почти два десятка лет бит-музыка — предмет яростных споров. Спорят о ее эстетических и нравственных ценностях. Критика, общественность и часть публики, на которую, будто снег на голову, оглушительной лавиной свалился этот немыслимо громкий, кричащий, обескураживающе нахальный, отупляющий «рок», долгое время рассматривала его лишь как фе-

номен негативный и вредный. Речь шла как о вредности этой музыки с медицинской точки зрения, так и о ее неслыханной популярности, свидетельствующей о дурных вкусах молодежи. Вредность воздействия чрезмерно громкой музыки, выражавшейся в предельном числе децибел, на человеческий организм, и сейчас не подлежит сомнению. Однако в последние годы все реже можно услышать абсолютное отрижение «рок-музыки». Во многих странах исследователи современной культуры (в частности, музыки) стараются довольно тщательно проанализировать эволюцию и экспансию рока, его поразительную «живучесть» и социальные корни.

«Рок» возник как движение самодеятельное, непрофессиональное в узком значении этого слова. Это музыка молодого поколения, того поколения, которое отвергло и отвергает многие ценности буржуазного общества.

Молодежь протестовала против традиционной лицемерной морали, формы протеста были различны — одни шли в лагерь хиппи, другие присоединялись к борьбе рабочего класса.

Буржуазные идеологи напряженно искали выход, искали клапан, который

СТВУ БРАТЬЕВ ПОДНИМАЙ!

Видный общественный деятель ФРГ
поэт, писатель, композитор и исполнитель песен протеста

Франц Йозеф ДЕГЕНХАРДТ
отвечает на вопросы корреспондента «Смены» Владимира КОТЕЛКИНА.

ПЛАСТИНКА С ПЕСНЯМИ ДЕГЕНХАРДТА.

— Расскажите, пожалуйста, о своей семье, родителях, обстановке, в которой вы выросли.

— Родился я в южной части Рурской области в 1931 году. Кроме меня, в семье росло еще двое детей, которые воспитывались в строгого католических традициях. Отец был мелким банковским служащим. Хотя мое отчество пришлося на период господства в стране фашизма, в нашей семье поддерживался антифашистский дух. Дело в том, что отец принадлежал к тем немногочисленным кругам чиновничества, которые, несмотря на охвативший Германию национал-шовинизм, оставались в лагере противников нацизма. Эти взгляды он прививал и нам, детям. Отец мечтал, чтобы я выбрал карьеру католического священника, но его ожидания были обмануты.

При нацизме родители подвергались репрессиям. У нас в доме нередко проводились обыски. А моему двоюродному брату, тогда совсем еще мальчишке, за участие в группе Сопротивления целый год пришлось отсидеть в тюрьме... Кстати, эти впечатления юности я использовал в своем романе «Бикфордов шнур».

В тринадцать лет сел за парту. Потом продолжал учёбу в университете, выбрав своей профессией юриспруденцию. Правда, это вовсе не означает, что я отказался от юношеских планов. Я всегда хотел стать писателем, но писательским трудом прокормиться у

нас в стране трудно, поэтому мне требовался более надежный материальный источник. Так я стал адвокатом. Но уже тогда начал писать песни, вернее, стихи, и отправлял их в разные издательства, но они неизменно возвращались обратно. И вот однажды, работая над стихами, я вспомнил, что умею играть на гитаре. Стал сочинять песни на собственные стихи и исполнять их публично. Медленно, но верно мои песни пробивали дорогу к слушателям — так складывалась моя известность как автора и исполнителя.

Одновременно упорно работал над своим первым серьезным прозаическим произведением — романом «Бикфордов шнур», который в переводе на русский язык был опубликован в журнале «Иностранная литература» (№ 1 и 2, 1976 г.). Читатели уже успели познакомиться с моим вторым романом, «Пожарища». Продолжаю работать над третьим романом и, конечно же, не прекращаю сочинять песни.

— Расскажите подробнее о бурных выступлениях западногерманской молодежи в 1968 году, когда вам пришлось защищать в суде членов так называемой внепарламентской оппозиции.

— В 1968 году, получив высшее образование, я поступил ассистентом на кафедру Саарбрюккенского

позволил бы выпустить пар. Выход был подсказан во многом самой молодежью. Бунт был направлен в удобное и неопасное для буржуазного общества русло.

Всячески начинает поддерживаться и культивироваться музыка стиля рок-н-ролл — некая имитация революции в сфере культуры. А в обществе потребления музыка — один из самых охотно раскупаемых «товаров».

КОРНИ И ВЕТВИ ОДНОГО ДЕРЕВА

Популярная музыка конца 50-х — начала 60-х годов развивалась по своим законам. Хотя шоу-бизнес существовал уже много лет, на такие обороты он, пожалуй, прежде свою машину не запускал. На престол поп-музыки восходят совсем иные, чем прежде, «короли». Славе Элвиса Пресли могли бы позавидовать самые знаменитые теноры. У каждого времени — свои «идолы» и своя музыка. Для людей старшего поколения термин «популярная музыка» ассоциируется с большими танцевальными оркестрами 30-х годов, томными танго и спящими песнями Фрэнка Синатры и Бинга Кросби. Молодежь 50-х слушала концертный джаз и танцевала ча-ча-ча. Рок-н-ролловый бум, охвативший мир в эти годы и относящийся скорее к сфере танцевально-развлекательной, нежели к песенно-инструментальной, несмотря на длительный период успехов, был обречен на спад. Но вторжение рок-н-ролла на американскую музыкальную сцену было весьма бурным. Жанр этот привлек широкие массы молодежи своей spontaneitatem, простым, острым ритмом и, конечно, необычной исполнительской манерой Билла Хэли, Чака Берри, Элвиса Пресли. Феноменальный успех последнего объясняется прежде всего тем, что пел он не просто для молодежной аудитории, а как бы от ее имени. В своей первоначальной форме рок явился провозвестником эры «новой музыки», которой суждено было стать «звуковым выражением длинноволосой генерации».

Основным потребителем рок-н-ролла были подростки, чья духовная жизнь формировалась под сенью «холодной

войны» и «маккартизма». Лишь немногие американцы проявили стойкость, не поддавшись давлению официальных доктрина. Демонстративная лояльность, антикоммунизм, скепсис, эрозия духа и чувств, социальная разобщенность — эти явления стали нормами жизни и, естественно, находили свое отражение в произведениях искусства. И только младшее поколение, еще не столкнувшееся в полной мере с деятельности общественных институтов, оказалось в значительно меньшей степени затронутом конформизмом. Молодежь не захотела принять мировоззрение старших, а вместе с тем и их музыку, считая ее бегством от действительности. Но не зная, что противопоставить «отцам», растерялась. Это новое поколение, стремясь к самоутверждению, пыталось изобрести свою форму искусства, позволяющие проявить самостоятельность, независимость от воли старших. Зреющий в молодых стихийный и наивный протест и нашел свое эмоциональное воплощение прежде всего в ритмах рок-н-ролла. Но очень скоро интересы и энергия молодежи, ее стремление к действию были умело переведены на другие, соседние рельсы, на тот путь, что вел в тупик.

ФЕНОМЕН «БИТЛЗ»

Сегодня мы уже достаточно ясно представляем себе ту роль, которую сыграли «Битлз» в развитии современной поп-музыки. Преодолев жанровые границы, сковывающие творчество, молодые английские музыканты упростили гармонию песен, но в то же время подняли сам жанр на более высокий профессиональный уровень, и это нашло свое выражение в богатстве их позднейших аранжировок. Совместив, казалось бы, несовместимое, они образовали новые направления: «рок-барокко» (стилизация старинной музыки), «рага-рок» (синтез рока и индийской музыки), ввели в свою практику методы, позаимствованные из арсенала электронной музыки.

У «Битлз» появились многочисленные подражатели. Битломания, которую вскоре окрестили «молодежной революцией в поп-музыке», охватила весь

мир. Своеобразная лирика мелодий и самобытная поэтика песен ансамблей, коммуникативность их участников давала моментальную возможность зрителю-слушателю отождествлять себя с кумирами.

Песни многих бит-ансамблей в те годы посвящены в основном проблемам социального характера. Обличением пороков капитализма и страстью стремлением к миру пронизаны песни ансамблей «Кинкс» и «Дорс». Популярность завоевывают группа «Энималз» и ее лидер Аллан Прайс, в частности, его песни из фильма «О, счастливчик», прошедшего и на наших экранах. Любимец американской молодежи становится Джоан Баэз, о которой «Смена» рассказывала в 1973 году. Огромную популярность приобретает исполнитель песен протеста Боб Дилан, создавший новый стиль — фолк-рок, поэт, бунтарь, автор целого ряда острых политических песен, к сожалению, увы, эволюционировавший в том направлении, которое устраивало власть имущих. Дилан сегодня уже не бунтарь и пророк. Меланхолия слышится в звуке его гитары, безразличие — в куплетах баллады. «Я все послал подальше», — поет он. «Заблуждения молодости» называет он и свою прошлую деятельность.

«Битлз» стали серьезнее относиться к текстам своих песен, пытаясь в них философски осмысливать окружающую действительность с позиций своего современника. Это неизбежно должно было привести их к созданию песен протеста. Они сочиняют песню «Власть народа», название которой говорит само за себя.

После распада квартета его участники продолжают еще активнее, чем прежде, создавать песни протеста. Джон Леннон написал цикл песен в защиту мира, в том числе «Дайте миру шанс». Исполненная впервые автором и оркестром «Пластик Оно Бэнд» на митинге в Торонто, эта песня стала гимном вьетнамского моратория 1970 года.

Пол Маккартни создает песню «Верните Ирландию ирландцам», разоблачающую политику Лондона в Ольстере. Ринго Старр сочиняет «Безмолвное возвращение домой» — о солдате, вернувшемся из Вьетнама в свинцовом гробу.

Но это было позже. А тогда, в середине 60-х, ажиотаж вокруг новой музыки достиг апогея. Казалось, будто молодежь сошла с ума. Стремительный рост числа бит-ансамблей привел к возникновению целой мощной отрасли «развлекательной индустрии». Расчетливые дельцы неожиданно нашли общий язык с «отбившимися от рук» молодыми людьми. Колесо большого бизнеса закрутилось с небывалой энергией. Коммерчески выгодной оказалась мода на бунтарство, на протест, даже на «революцию», как ее понимали исполнители «революшн-рок». Но отсутствие реальной политической платформы не позволило бит-рок-музыке стать важной организующей силой американского молодежного движения. И это помогло буржуазным идеологам направить молодежную музыку в определенное политическое русло с анархическим уклоном, а затем и создать своеобразную субкультуру, вернее, антикультуру.

МУЗЫКА... УБИВАЕТ?

Непривычное, прямо-таки парадоксальное сочетание слов. Тем не менее в них заключена доля горькой правды. Трудно себе представить, чтобы в оперном театре или в академическом концертном зале слушатели, потрясенные музыкой, падали в обморок или умирали от разрыва сердца. Сегодня подобные случаи не редки на концертах популярных рок-групп. Все чаще встречаются в прессе описания различных психологических трюков, с помощью которых рок-звезды создают себе успех у доверчивой аудитории, часто состоящей из одних подростков. Даже такой примитивный трюк — певец или музыкант стоит на сцене под ослепительным лучом прожектора, в то время как зал тонет в темноте — способен загипнотизировать публику. Слушатель «подготовлен» — начинается его психофизическая обработка.

Почти все рок-группы стремятся во время исполнения увеличить силу звука до предела, рассчитывая на максимальный «эффект восприятия». В районе 90 децибел музыканты уже перестают себя слышать — сплошная какофония. Включается мигающее цветное освещение

Антигуманизм буржуазной культуры

университета, намереваясь стать преподавателем права. Но затем раздумал, потому что эта работа казалась мне скучным занятием, оторванным от реальной жизни. И вот в эти мои раздумья о будущем ворвались события 1968 года, когда по стране прокатилась волна бурных студенческих демонстраций. Их участники предстали перед судом за «нарушение порядка». Положение молодых людей усугублялось тем, что очень немногие адвокаты желали связываться с «бунтарями». Во-первых, потому, что здесь трудно было что-либо заработать, а во-вторых, правительство с большим подозрением относилось к тем служителям Фемиды, которые брались за столь щепетильные, по сути, антиправительственные дела. Мое решение шло вразрез с мнением многих моих коллег. Как я уже говорил, мне не хотелось оставаться на университете кафедре, вместе с тем, как молодому адвокату, мне было интересно попробовать свои силы в вызвавшем всеобщий интерес процессе, где я мог оказать реальную помощь моим юным друзьям и товарищам. Судьба молодых людей сложилась по-разному. Одни были оправданы, другие, несмотря на усилия адвокатов, были брошены за решетку.

— Можно ли утверждать, что в 1968 году был ваш первый контакт с молодежью в широком смысле этого слова?

— Нет. Я ведь учился в университете и по сей день широко общалась со студенческой молодежью. Советским читателям, наверное, интересно будет узнать, что в период борьбы в ФРГ за подписание так называемых восточных договоров в антрактах моих сольных концертов молодежь по моему призываю ставила подпись под обращением к правительству в поддержку этих важных международных документов, в немалой степени подготовивших созыв Общеевропейского совещания в Хельсинки.

— Вот я держу в руках несколько долгоиграющих пластинок с напечатанными вами балладами. Прокомментируйте, пожалуйста, основные песни.

— Песня «Ванька-встанька» записана в 1963 году. Тогда я был совсем индифферентен к политике — иное интересовало и заботило меня. Я был членом социал-демократической партии, сочинял в общем далекие от политики стихи, которые игнорировали реальные проблемы тех лет. Меня и моих коллег по искусству волновала в основном «частная проблематика»: самосозерцание, воспевание сугубо индивидуальной «свободы личности» вне ее общественных связей — вот что характеризует тот период моего песенного творчества. Особенно это находит свое выражение в песне «За бокалом вина», «герои» которой наслаждаются добрым старым вином, за смакованием которого незаметно проходит жизнь.

— Но уже в этих, на первый взгляд, сугубо бытовых песнях прорывается критическое отношение, отрицательная оценка современных общественных отношений в ФРГ.

— Только в этих песнях пока еще отсутствует четкая политическая перспектива.

— Как мы иногда говорим, в песне нет четкого политического адреса.

— Да, так, наверное, точнее. Мы жили тогда словно во сне. Время Аденауэра — мрачная пора реакции, застой в общественной жизни, просто нечем было дышать. И в этой обстановке многие замкнулись в себе. Затхость западногерманского бытия заслонила от нас на какой-то период политическую перспективу. Что касается меня, то до тех пор я не читал Маркса и Ленина. То было время жесточайшего антикоммунизма в ФРГ, который в какой-то степени

затронул всех нас, ибо в наших мыслях было много наивного. Такое состояние, по крайней мере лично для меня, закончилось с появлением так называемых пасхальных маршей, популярной в ряде стран Запада формой протеста общественности против ядерного оружия. В ФРГ они родились на волне борьбы против перевооружения страны. Я участвовал в этом движении своими песнями. И вот тогда я снова оказался в контакте с коммунистами, которых знал еще мальчиком во время войны. Эти мужественные люди частенько бывали у нас дома — ведь я вырос в квартале, где жило немало коммунистов, часть из которых позднее погибла в концентрационных лагерях, но некоторые дожили до семидесятых годов. И вот благодаря беседам с ними у меня на многое открылись глаза. Именно в тот период гамбургская организация СДПГ исключила меня из партии, используя в качестве предлога мои выступления за укрепление контактов между социал-демократами и коммунистами в борьбе против нацизма.

Я взялся за глубокое изучение произведений Маркса и Ленина — в результате все обрело реальный смысл и цель. Этот сдвиг в мировоззрении самым кардинальным образом сказался на моем творчестве.

Запомнилась слушателям песня «Тони Къяво» о бесправном рабочем-итальянце, затравленном в мире капитала. О более четких взглядах на проблематику отношений между классами свидетельствует баллада «Когда рассказывает сенатор» — пародия на мифы о наших капиталистах. К этой же серии разоблачительных песен принадлежат «Пустынныя поля» — вызов милитаризму и военным монополиям.

— В западногерманской печати нередко упоминается баллада «Матушка Матильда»...

— Эта песня написана в ту пору, когда, по сути, я уже стал коммунистом. Героиня баллады — старая коммунистка матушка Матильда, которая владеет

ние — и создается некий гигантский генератор ритмических импульсов, который, воздействуя одновременно на все чувства беззащитного «любителя музыки», оказывает ни с чем не сравнимое влияние на его поведение, взвинчивает до предела психику, а порой приводит к нервным и сердечным припадкам. Известны и смертельные исходы.

Идолы рок-музыки и их закулисные «руководители» хорошо изучили средства, с помощью которых можно не только привлечь публику, но и довести ее до фанатического экстаза, до массовой истерии. И если далеко не каждый взрослый пассивно проглатывает крючок ядовитой приманки, то в подростковой аудитории дело обстоит проще. Хрупок духовный мир 15-летнего, податливого его психика, обострены чувства. Он чист и простодушен в неподдельной любви к своему кумиру. Он ждет от него взаимности или хотя бы понимания. Он готов на все...

И вот тут-то срабатывает механизм идеологической западни, расставленной буржуазными «ловцами душ». Приводятся в действие невидимые рычаги массового одурачивания молодежи. Газеты, радио, телевидение смакуют частную жизнь той или иной рок-звезды, ее туалеты, стоящие бешеными денег, ее практически, сделанные руками самых модных парикмахеров, количество автомобилей, названия любимых напитков. У поклонников разгораются глаза, их уже не интересует, о чем поет кумир, какая музыка звучит. Они откровенно признаются, что идут на концерты не слушать, а лишь видеть своих кумиров. Пережить массовый психоз. Хотя бы в мечтах пережить приключение.

Особенно отчетливо это видно на примере «роллерманн», «осмондманн» и им подобных психозов, самых крупных после «битломании». Шотландская группа «Бэй сити роллерз», не отличавшаяся ни особым новаторством исполнения, ни музыкой, разве что уже полуза�отой простотой одеяний а-ля «свой парень», сумела в кратчайший срок непостижимым образом завоевать сотни тысяч юных «фэнзов»¹, заставить

¹ «Фэны» — жаргон: фанатичные поклонники рок-звезд.

кабачком, расположенным у заводских ворот. Бастующие рабочие собираются в кабачке для обсуждения планов борьбы за свои наущенные права. Заводчики и фабриканты в ярости стремятся избавиться от столь нежелательного для них места собраний забастовщиков; городские власти под предлогом строительства шоссе планируют снести кабачок, но это им не удается. Тогда банда неонацистов устраивает в кабачке погром, однако, объединив усилия, рабочие изгоняют громил. Сюжет баллады не вымыселный, он взят из реальной жизни тогдашней ФРГ. В моей песне события, развернувшиеся вокруг, казалось бы, малозначительного факта — существования приграничного кабачка, — становятся символом пролетарской солидарности.

— У вас немало песен, сюжет которых взят из истории международного пролетариата. В этих балладах также проходит красной нитью идея пролетарской солидарности.

— Таких песен у меня много. Например, «Сакко и Ванцетти», «Анджела Дэвис» и другие.

Песня об Анджеле Дэвис возникла под воздействием всемирной кампании за освобождение мужественной американской коммунистки. Впервые я исполнил эту балладу на митингах солидарности в Эссене и во Франкфурте-на Майне. Сакко и Ванцетти близки мне, ведь то, что произошло недавно с Анджелой Дэвис, очень напоминает события 20-х годов вокруг двух американцев итальянского происхождения. Только тогда политические противники были достаточно сильны, чтобы справиться с рабочими вожаками. А вот Анджелу Дэвис спасли от тюрьмы удалось — и в первую очередь благодаря международной солидарности трудящихся. Поэтому обе баллады преподносятся мною во взаимосвязи, это как бы две незабываемые страницы истории борьбы рабочего класса. Сила пролетариата в сплоченности его рядов.

их поклоняться не раздумывая. Это уже не скромные «битлы», перевернувшие мир музыки. Здесь иные цели, иные приемы. Успех «роллерсов» — Энди Кэссиди, братьев Осмонд и им подобных — прямо пропорционален количеству жертв на их концертах.

Сегодня на выступлениях «Роллинг Стоунз» льется кровь, летят гранаты со слезоточивым газом, появляются раненые и убитые. Но популярность их не только не падает, но все возрастает. Неисчислимое количество связанных с ними общественных скандалов, афер с наркотиками, однако это не роняет их в глазах светской элиты, напротив, знакомство с ними «престижно» даже для коронованных особ. С самого начала запиравши общество своими песнями и поведением, «Стоунз» превозносили наркотики и восхищали насилие, что было на руку тем, кто с их помощью стремится усилить душевное смятение западной молодежи, отвлечь ее от активного участия в общественной жизни и классовой борьбы.

Словом, «Роллинг Стоунз» в буквальном смысле «дети своего общества», этого общества, которое, утратив подлинные ценности, переживает духовный кризис и ничего не может предложить разуверившейся во всем молодежи.

ГИБЕЛЬ «БОГОВ»

18 сентября 1970 года в одном из лондонских отелей был обнаружен труп замечательного негритянского музыканта, 25-летнего Джимми Хендрикса, звезды рок-музыки. Причиной смерти было употребление чрезмерной дозы снотворного. Вместе с Хендриксом ушел и некий образ, восхищавший миллионы массы западной молодежи, образ взбунтовавшегося человека, затерянного в современном мире и не находящего взаимопонимания с обществом.

Спустя две недели мир поп-музыки потрясла смерть «королевы рока» Дженис Джоплин, следующей жертвы наркотиков. Знаменитым было ее выражение: «Лучше десять лет прожить на полном накале, чем 70 засесть у телевизора». Она не прожила и этих десяти лет.

Несколько раньше погиб талантливый Джим Моррисон.

Гибель «богов» американской рок-музыки не только потрясла всех, но и вызвала жаркие споры о взаимосвязи рока и наркотиков.

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Расцвет рок-музыки пришелся на период господства в молодежной среде идеологии «новых левых».

В 70-е годы движение «новых левых» практически распалось — и в результате тонких идеологических диверсий и грубых репрессий со стороны правящего класса и в немалой степени из-за дальнейшей беспроспективности, осознанной участниками этого движения. Политическая неграмотность, отсутствие ясных целей, прочной теоретической платформы превратили благородное в своей основе движение в заурядный анархический бунт.

Мода на бунтарство оказалась для многих весьма прибыльным бизнесом: ныне лишь единицы хотят с помощью музыки и песен изменить мир, более практические извлекают из этого личную выгоду.

Все это, конечно, закономерно для развития рок-музыки, созданной мелкобуржуазной молодежью и отразившей все подъемы и спады ее бунта.

Поп-музыка последних 4—5 лет несколько отличается от той, что так гипнотизировала молодежь в 60-х годах. Сегодня она усложнилась и упростила одновременно. Супергруппы начинают уступать место отдельным певцам или инструменталистам, суперконцерты начинают терять популярность, поскольку появились дискотеки и соответственно музыка «диско» (исключительно танцевальная); наиболее популярные ансамбли предпочитают выпускать альбомы, выводящие их на то или иное высокое место в «хит-параде».

Событием 1976 года стало повальное увлечение народной музыкой Ямайки — «рэгги». Влияние ее можно заметить в творчестве самых популярных рок-звезд — Кэти Стивенса, Пола Маккартни, Эрика Клэптона, «Роллинг Стоунз». Все они играют или пытаются

играть «рэгги». Одновременно с «рэгги» на арене поп-музыки выступил так называемый «панк-рок». Что это такое? «Панк» на сленге означает весьма приблизительно — «отщепенец», «хулиган». Названия подобных групп говорят об их музыке и отношении к миру и обществу: «Проклятые», «Удар», «Секс пистоли» и так далее. И это движение родилось в Великобритании. Члены ансамблей происходят из самых бедных районов Лондона. Там коренятся ростки бунта, которым эти молодые люди, как и их бывшие сверстники 15 лет назад, пытаются шокировать общество. Они одеваются, как тогдашние «битники», и стрижка у них несусветная, но музыка их довольно утомительна и исполняется на расстроенных инструментах — конечно же, преднамеренно.

Индустрия грамзаписи, несомненно, один из культурных и экономических феноменов последнего времени. Ежегодно сотни пластинок поступают в радиостудии, проталкиваемые туда руками предусмотрительных специев рекламы, которые делают все, чтобы встиснуться в первую десятку самых популярных дисков. Ежегодно до 5000 альбомов громоздятся на полках магазинов грампластинок. Впервые в своей истории музыка сделалась развлечением номер 1. Поэтому ничего удивительного, что в такой ситуации все крутится вокруг музыки и пластинок.

Сегодня большинство фирм грамзаписи взяло на себя роль организаторов гастролей ансамблей и солистов поп-музыки. Мощная машина шоу-бизнеса обладает самой современной звукозаписывающей аппаратурой, огромными финансальными возможностями. Но эти люди сегодня с беспокойством смотрят в будущее. Каким будет «завтра»? Квадрофония, видеокассеты? Рок или Бах? Что будет с супербоевиком завтрашнего дня?

Один из видных американских музыкальных критиков еще несколько лет назад выразился примерно так: «Рок не умрет до тех пор, пока будет приносить доходы. Время, когда деньги перестанут плыть, будет часом испытаний для этой музыки и ее подлинной жизненной силы».

Резон в этих словах есть немалый.

— Расскажите о публике, которая приходит на ваши концерты.

— Должен сказать, что это не только молодежь, среди слушателей есть и пожилые. В основном эти люди придерживаются одинаковых со мной политических взглядов. Мы их называем в ФРГ левыми, левыми по своим убеждениям. Таких людей в стране с каждым годом становится все больше и больше. Все мы, исполнители социально острых песен, — Дитер Зюверклюп, Ханс Дитер Хюш, ансамбль «Фло дз Колонь» — ощущаем себя представителями антиимпериалистической культуры, которую мы призваны еще больше и активнее развивать на своей родине — в Западной Германии. И чем успешнее мы будем работать, тем больше, я считаю, принесем пользы демократическому движению.

— Что вы думаете о политической песне как средстве воздействия на умы слушателей?

— Ответ на этот вопрос я начал бы с вопроса: а существует ли вообще неполитическая или аполитичная песня? Я убежден, что неполитических стихов просто нет в природе.

Правда, у нас в ФРГ есть популярные шлягеры — аполитичные на первый взгляд, они выполняют конкретную политическую функцию — отвлекать человека от размышлений о том, что для него действительно важно. Другими словами, даже неполитические песни несут в себе заряд политичности, то есть выполняют заложенную в них функцию.

Мой взгляд на политическую песню очень прост. Песня может ставить вопросы перед слушающим ее. Она способна политизировать публику. Песня — это как листовка. Мне лично очень дорога ставшая популярной среди демократически настроенной молодежи ФРГ моя песня «Год свиней», которая воспринимается как призыв к решительной борьбе за луч-

шее будущее. В песне используется известный в мировой истории и литературе образ катакомб, как символического места борьбы. Песня ставит своей целью пробудить апатичные и аполитичные слои молодежи, живущие только сегодняшним, безмятежным, на их взгляд, днем. Но это совсем не безоблачный день, ибо он омрачен и свойственными капитализму язвами и волнистыми нарушениями. Основного закона страны, такими, как «запреты на профессии».

— Было бы интересно услышать о главных проблемах западногерманской молодежи.

— Сейчас главная проблема в стране — безработица. Как известно, в стране 2 миллиона безработных. Без средств к существованию находятся 500 тысяч юношей и девушек, которые лишены самого главного, на мой взгляд, права — права на труд. Их энергия, молодость оказываются ненужными в обществе «всесобщего благоденствия». В этих условиях наша задача — демократов, коммунистов, литераторов — заключается в том, чтобы открыть молодежи глаза на то, кто виновен в этих социальных неустройствах, подсказать, как с этим бороться.

— Каковы ваши ближайшие творческие планы?

— Так уж получается, что мои творческие планы неизменно переплетаются с наиболее значительными событиями в общественной жизни страны. На меня большое впечатление произвела проходившая в апреле 1978 года международная встреча в Кёльне бывших узников концлагерей и лиц, преследовавшихся при нацизме. Она проходила под девизами: «Запретить профашистские организации Западной Германии», «Покончить с неонацистской пропагандой в стране». Все честные демократы призваны действовать страстно и энергично. Упустишь время — тогда уже ничего не изменишь.

ВО ЧРЕВЕ КИТА

РАССКАЗ

Рисунок Мариной ПИНКИСЕВИЧ

Э

та ночь была самой холодной за долгое время. Даже в снегу под открытым небом мы легче переносили холода. Может быть, по термометру мороз сегодня был и не сильнее, но мы воспринимали это так. Все мы слишком давно мерзли и вдобавок были голодны, а потому мороз пробирал нас до самых костей.

Стены, пол, даже потолок были выложены кафелем, и сквозь зловоние от покрывающей нас грязи отчетливо пробивался кисловатый запах, запах молока, масла и сыра. Мы ночевали в молочной. Рядом со мной лежал парень, который уже несколько дней тащился за мной, не завода разговора. Мы в то время вообще не были особенно разговорчивы. Мы совсем недавно попали в плен, и каждый должен был сначала в одиночку освоиться с этим.

Мой сосед, как и я, скорчился под своей шинелью и дрожал так сильно, что я ощущал пробиравшую его дрожь. Когда он начал уже стучать зубами, я толкнул его в бок.

— Если подложить одну шинель под себя, а другой укрыться, будет, наверно, лучше.

Он тут же поднялся, освобождая место для моей шинели. Мы легли на нее, а его шинелью укрылись, прижавшись друг к другу, словно влюбленные. Стало теплее.

— Как тебя звать? — спросил я. Мне казалось, что, лежа под одним одеялом, уместно задать этот вопрос.

— Вальтер, — ответил парень. — А тебя?

— Герман. Ты откуда?

— Вестфалия, — промычал он.

— Я из Гамбурга.

— Мне всегда хотелось побывать там... Слушай, может, повернемся?

Он был так же худ, как и я, и тоже не свыкся еще с лежанием на твердом полу. Пока мы укладывались поудобнее, я спросил:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Мне уже восемнадцать.

— Значит, ты счастливо отдался.

Полуобернувшись к нему, я спросил:

— Скажи, тебе тоже действует на нервы этот молочный дух? Меня он уже доконал. У меня такое чувство, что я не допил за свою жизнь по меньшей мере три тысячи литров молока.

— И не дей по меньшей мере десять центнеров сыра.

— Да, но мы все это еще наверстаем.

— Что? Три тысячи литров молока и десять центнеров сыра?

— Это и еще многое другое, — сказал я. — Молоко, и сыр, и колбасу, и масло, и яйца, и ветчину, и...

— Перестань. Ты что, хочешь в страну с молочными реками и кисельными берегами?

— Пусть называется как угодно. Лишь бы мне получить там все, чего я хочу.

— А тебе ничего, кроме жратвы, не хочется?

— Неплохо бы, конечно, и еще кое-что. Например, поразвлечься, и против девочек я тоже не возражаю. Только не прикасаться больше ни к чему, из-за чего можно попасть в такую вот беду.

Я заметил, что он приподнялся и оперся на локоть.

— Так? Значит, масло, молоко и любовь не могут довести до беды?

— Насколько мне известно, нет.

— Ага, — сказал он и снова улегся.

Я думал, он уже уснул, когда он начал вдруг рыться в своих карманах, а затем сунул мне под нос какую-то бумажонку.

— Можешь ты прочитать это?

— Каким образом? Здесь ведь темно, как у кита в желудке!

— Неважно, — сказал он. — Я знаю это наизусть. Слушай: Именем народа Вальтеру Хеммингу, родившемуся под Оsnабрюком 18.VII.1927 г., выносится следующий приговор: за многократное нарушение военно-хозяйственных зако-

нов, статья такая-то, за преступление против собственности НСДАП¹, статья такая-то, за активное пораженчество, статья такая-то, а равно за саботаж и оказание помощи врагу, статья такая-то, вышеупомянутый приговаривается в общей сложности к пяти годам заключения в каторжной тюрьме. Необычайная снисходительность приговора вызвана несовершеннолетием подсудимого, а также его незапятнанным прошлым...» И так далее.

Это было, как если бы он накинул мне на шею петлю и рывком затянул ее: я лежал под одной шинелью с каторжанином, с саботажником и притом здесь, во вражеской стране, во власти врага.

— Но это же неправда? — сказал я наконец.

— Ошибаешься. И если ты предпочитаешь лежать один, скажи прямо.

— Но как же ты...

— Ты хочешь сказать, не в каторжной тюрьме? Очень просто: они простили свою снисходительность еще дальше — позволили мне выкапывать мины на фронте, в виде испытательного срока. Теперь я буду отбывать его здесь.

— Но разве ты на самом деле совершил все, о чем говорится в этом приговоре? — Я все еще надеялся.

— Все как есть...

Я встал, он встал; я накинул на плечи свою шинель, он — свою; я присел на корточки, он опустился рядом.

Некоторое время мы оба молчали, затем он спросил:

— Хочешь послушать эту историю?

Я не ответил.

— Там будет про молоко, и про девушку, и про всякие развлечения — как раз то, что тебе нужно...

— Ну, ладно, рассказывай уж, — сказал я.

Городишко наш маленький, немногим больше села. Газовый завод, насосная станция, консервная фабрика, мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин, мельница по переработке древесины, две церкви, три школы, окружное управление и ратуша — вот почти и все. Да, еще два кинотеатра. А с недавних пор — авиабаза поблизости. Вот теперь уже и точно все.

Когда расставшись со школой, выбор у тебя небольшой. Можешь поступить в обучение к лавочнику или к ремесленнику. Если ты слишком туп для учения, ты идешь на одну из фабрик толкать тележку. Если же ты ленив или у тебя страсть к белым воротничкам, ты поступаешь на почту или на железную дорогу. Я стал строить колодцы. Работа эта совсем неплохая; без дела сидеть не приходится, потому что на окраинах у нас нет еще водопровода. К вечеру, правда, бываешь весь в грязи, но обычно это всего лишь песок и ил, которые легко смываются. Тебе это может показаться смешным, но первый год я всегда с гордостью вез на себе через город эту грязь, возвращаясь домой. С парнями из старших классов я местами не поменялся бы, ну и они со мной, конечно, тоже. Однако потом все стало иначе, я имею в виду не для старшеклассников, а для меня.

Не знаю точно, когда это случилось. Произошло это не сразу, не вдруг, а постепенно.

Обычно я, когда было возможно, старался проехать по нашей главной улице — здесь всегда было людно, здесь были кино и кафе, мы называли ее свадебным трактом. Напротив церкви, у входа в кафе Кайзера, было место наших встреч. Все в большинстве случаев бывали уже в сборе, когда я вылетал из-за угла на своем велосипеде, с инструментом на багажнике и грязный, как сам черт. Каждый раз ребята поднимали крик, требуя, чтобы я поторопился, — не знаю, впрочем, для чего, так как потом мы продолжали стоять на том же месте, но я в ответ всегда кричал, что сейчас вернусь, и действительно сейчас же возвращался.

Мать моя с восторгом смотрела, как я заливаю кухню водой и уплетаю ужин, точно меня две недели не кормили, а затем с грохотом съезжаю по перилам вниз.

Так было, пока не появились девушки. Прежде мы не знались с ними, разве что запускали в них снежками. Но однажды вечером, когда я был чернее нашего трубочиста Эдди, у входа в кафе Кайзера оказалось несколько девушек. Ребята при виде меня, как всегда, подняли крик, а девушки засмеялись. Было ясно, что смеются они надо мной.

Возвращался я страшно злой, тем более что девушки были старшеклассницами, а этих мы особенно не терпели. Я отпустил несколько колкостей, но ребята оказались не в форме — моих мячей никто не принял. Дочь нашего торговца велосипедами проехала по моему адресу, а другие глупо захихикали, и мои друзья засмеялись вместе с ними.

Одна девушка как-то выделялась среди остальных. Они называли ее Чарли, потому что фамилия ее была Чартрон. У нее была белокурая коса и большие зеленые глаза.

Я сразу заметил, что подруги молятся на нее и что мои друзья, обращаясь вроде бы ко всем, смотрят на нее одну. Она держалась с нескрываемым высокомерием и при ее внешности могла себе это позволить. Рассмешить ее было нелегко, да и тогда она не смеялась, как другие, а только улыбалась кончиком носа, если это вообще возможно.

Я был мастер отпускать шутки, и несколько раз мне удалось заставить ее сморщить кончик носа, но это было не больше, чем если бы кто-нибудь сказал: «Ничего, парень, неплохо!»

Поппи Майер, дочь булочника, пожелала узнать, чему нас учат. Она высправливала всех по очереди, точно выбирала себе мужа. Когда я сказал: «Строить колодцы», — она поинтересовалась, приходится ли мне иметь дело с канализацией.

— Ну, конечно, — буркнул я, потому что иногда нам действительно приходилось.

— Кошмар! — звонкнула она. — Вонь, верно, страшная?

Я сказал, что бывает по-разному, но хуже всего в пекарнях, потому что булочники едят слишком много хлеба.

Затем я пошел домой. Однако с того времени я стал все реже ездить по главной улице и постепенно вообще отказался от этой дороги.

И к кафе Кайзера я ходил, только когда там не было девушек.

Но однажды мастер послал меня в пригород к одному клиенту, чей электрический насос выбрасывал последнее время больше песка, чем воды. Клиент этот был прокурором² на мельнице по обработке древесины, и фамилия его была Чартрон.

Я не был уже новичком, и меня не послали бы, если бы порча была пустяковой, которую можно было устраниить, закончив работу еще до обеда, до окончания уроков в школе... Впервые за время своего обучения я пожалел об избранной профессии.

¹ Сокращенное наименование нацистской партии. (Прим. перев.)

² Доверенный фирмы. (Прим. перев.)

Жена прокурора оказалась вполне терпимой, хотя и запретила, когда я начал копать, но в этих случаях почти все женщины причитают, как будто сами они могут очистить картофель, не получив при этом шелухи.

Вскоре после часа девушка вернулась домой, и я понял, что все время ждал ее. Мне пришлось снять плиточное покрытие вокруг насоса, и я стоял по пояс в яме. Дверь была открыта. Девушка вошла, сказала «здравствуйте» и остановилась посмотреть на меня. Мы не виделись после того единственного вечера, но она держалась так, будто и его тоже не было.

— Слава богу, — сказала она, — теперь в нашем пудинге не будет песка.

— Что это такое — пудинг?

— Знаю, знаю, — отпарировала она, — мужчины едят на десерт только хлеб с отрубями.

— Да, — сказал я, — от булочника Майера.

Я не мог видеть, улыбнулась ли она кончиком носа, — я не видел ее лица, я видел только подол ее тонкой присущенной юбки и загорелые ноги. Свет, падавший в открытую дверь, золотил их, и я мог бы пересчитать на них все волоски. И на солнце просвечивала через юбку образованная бедрами пирамида.

Я вылез из ямы, сказал что-то насчет обеда и поехал домой. Еда имела такой вкус, точно и у нас был поврежден насос.

Когда я вернулся, она сидела в саду над своими уроками. Она кивнула мне, и я стал копать дальше. Но все чаще я выглядывал наружу, чтобы посмотреть на нее, на ее спину под белой блузой, на ее косу, на ее руки и ноги. Мать ее прошла в сад, кинув мне на ходу несколько приветливых слов. Я слышал, как Чарли сказала, что им дали глупое задание по стилистике. Например, спрашивается, что неправильно в предложении «Они притворялись, будто не знают себя», а что тут неправильного?

— Не представляю, — сказала мать. — Может быть, надо сказать не «знают», а «знали». Но лучше спроси вечером у отца.

— Вечером у меня стенография.

— Ну, тогда не знаю, — сказала мать и ушла.

Я подождал, пока затихнут ее шаги, и крикнул:

— Не «себя», а «друг друга»!

Она обернулась.

— Как так?

Я сел на край ямы и объяснил:

— Очень просто! Речь ведь идет о том, что оба притворялись, будто один не знает другого, а не себя. Себя каждый знает. Они же притворялись, что не знают друг друга.

— Блеск! — сказала она. — Я так и напишу.

— Пожалуйста!

Спустя некоторое время, когда я давно уже вернулся в свою яму, она крикнула:

— Откуда тебе это известно?

— Что?

— Ну что — «себя» и «друг друга»?

— А-а, ну я иногда читаю...

— О-о! — сказала она и на этот раз засмеялась вслух.

Я в своей яме тоже засмеялся.

Часа через два она отнесла свои вещи в дом, вернулась и тут же ушла совсем, бросив мне на прощание:

— Чюсс!

Вечером у меня было какое-то странное состояние, я как будто заболевал гриппом или ангиной. Меня бросало то в жар, то в холод, у меня пропал аппетит, я не находил себе места. Я хотел почитать, но каждую минуту вставал и шел в кухню взглянуть на часы.

Наконец, так около девяти, я швырнул книгу в угол дивана и вышел. Мать крикнула мне вдогонку, чтобы я надел пиджак — похоже, собирается дождь, но я не стал возвращаться: я был рад, что обошлось без расспросов, а мать моя вечно опасалась неприятностей.

Курсы стенографии помещались в средней школе, и в связи с наступлением этого запретного часа занятия там должны были скоро кончиться. Я прошел в школьный двор и сначала забился в угол, чтобы меня не могли увидеть. Но отвратительная смесь специфических школьных запахов — сырого мела, воска для натирки полов и прогорклой бумаги от бутербродов — живо выгнала меня оттуда на середину двора, где я нашел укрытие под большим деревом. Дождь действительно начался, но это было приятно. Воздух наполнился ароматом влажных теплых листьев и влажной теплой земли.

Сообразив, что у школы есть еще другой выход, я обежал дом и стал так, чтобы ни в коем случае не пропустить ее.

Дождь все не прекращался, и постепенно я совсем промок, но из трех плохо защищенных окон школы еще пробивался свет.

Мимо меня прошли два солдата, отпустив обычное дурацкое замечание, что любовь, дескать, прекрасна. На секунду я задумался, действительно ли это любовь, но потом засмеялся в спину солдатам.

Свет в окнах погас, и все высывали на улицу, сразу подняв такий крик, точно не теплый дождь, а густая смола лилась с неба. Затем они повозились еще с зонтиками и плащами, дружно посмеялись над Бунге — это была их учительница — и наконец разошлись. Она направилась прямо в мою сторону, но заметила меня только, когда я пошевелился.

Это была страшная минута. Не знаю, что было бы, если бы она хоть чуточку усмехнулась кончиком носа. Но она только немного откинула капюшон своего плаща, чтобы лучше видеть.

— Ты что, хочешь еще подрасти?

Я сказал:

— Это ведь не солнечный дождь. — И мне в один миг стало ясно, что я ни при каких обстоятельствах не мог бы находиться сейчас ни в каком другом месте, что я должен был преодолеть любые расстояния, лишь бы попасть сейчас сюда.

— Не пройдешь ли немного со мной? — спросила она.

— Да.

Мы шли хохочущей улицей, перепрыгивали через лужи смеха или ступали прямо в них, слушали хмельной шепот дождя, ничего не говорили, были одни.

На углу, где дорога сворачивала через луг к ее дому, она расстегнула плащ.

— Мы можем укрыться им оба.

— Тогда и ты промокнешь.

— Я тоже хочу подрасти.

— Это ведь не солнечный дождь, — сказал я.

Она накинула плащ мне на плечи, и мы двинулись через луг. Воздух был пропитан ароматом склоненной травы, и даже дождь как будто издавал запах свежего сена. Мое плечо касалось ее плеча, и я при каждом шаге следил за тем, чтобы так было и дальше.

Посреди луга дорога была затоплена. Рядом, в канаве, находилась сточная труба.

— Подожди-ка, — сказал я и затопал по воде к канаве.

Отверстие трубы было забито травой. Я разбросал ее, и вода с шумом понеслась дальше. Я подставил руки под дождь, смывая травинки.

— Сейчас вода стечет, — сказал я.

Она подняла свой плащ.

— Ступай назад под крышу, следопыт!

Я подошел и стал рядом с ней, не смея пошевелиться. Дождь барабанил по нашему укрытию и врывался в наш смех, но мне казалось, что сердце мое стучит еще громче. Внезапно она прошептала:

— Они притворялись, будто не знают друг друга.

Первый раз после того, как мы отошли от школы, я посмотрел на нее. Лицо ее слабо мерцало в просачившемся сквозь тучи и преломленном дождем вечернем свете, оно было мокрое и прекрасное.

Я положил руку ей на грудь так осторожно и нежно, как дотрагиваются до мыльного пузыря. Это было первым и неповторимым соприкосновением с чем-то невозможным, немыслимым, как мокрый огонь.

Я потянул плащ так, что он упал на землю, и обхватил мокрой рукой ее узенькие плечи.

— СЕБЯ, — сказал я. — Теперь уже здесь должно быть СЕБЯ! «ОНИ БОЛЬШЕ НЕ ЗНАЛИ СЕБЯ»!

Ее губы имели вкус сладкого дождя и горького сена.

Потом она высвободилась.

— Пойдем, мне надо домой, следопыт, строитель колодцев.

Четыре дня я трудился над насосом ее отца, и все это время мы играли в старую игру, где белый подружный мельника и гордая принцесса не знают друг друга, пока светит солнце, но проводят вместе все ночи.

Потом мне пришлось работать в одной деревне, но по вечерам мы встречались с ней, и я всегда приносил ей что-нибудь. Потому что она не случайно в тот первый день упомянула о пудинге: она любила полакомиться, а какие тогда могли быть лакомства? Я попрошайничал для нее у крестьян, и они давали мне то, чего я хотел, потому что строителя колодцев найти было невозможно.

Однажды, провожая ее домой, я вспомнил, что в кармане у меня лежит для нее баночка меду. Я дал его ей, и она, поблагодарив меня, спросила:

— А когда же ты подаришь мне наконец цветы, следопыт?

Хотя я не понимал этого, потому что цветов у нее хватало и дома, я сказал, что она может получить их сейчас же, и, перепрыгнув через ближайший забор, опустошил половину клумбы.

Она испугалась и сказала, что здесь ведь живет руководитель районного комитета НСДАП.

— На что ему цветы? — спросил я и ткнул ей в руку букет.

— Пойдем, — прошептала она в испуге. — Если этот что-нибудь заметит, он спустит на тебя собак!

— Бедные собачки, — заявил я и помахал ракетным пистолетом, который из чистого бахвальства постоянно таскал в кармане своей спортивной куртки. — Раздастся бац, собачки — ах! — и полный крах.

— Разбойник! Похититель цветов, убийца животных, следопыт, поэт... Кто ты еще?

— Строитель колодцев.

Несколько дней спустя она впервые опоздала и тут же заторопилась обратно. Она сказала, что ей нужно вернуться домой. Ее двоюродному брату дали отпуск для поправки здоровья, и он приехал к ним; из приличия она должна оставаться сегодня дома, а может быть, и завтра тоже; и чтобы я на нее не сердился.

Она уже несколько раз говорила мне об этом своем двоюродном брате. Он был фенирихом¹, служил в авиации и был, кажется, настоящим героем. Он подбил уже четыре самолета — немало для фенириха!

Хотя под ложечкой у меня заныло, я сказал, что, конечно же, не сержуясь; мне это даже кстати, потому что я успею еще разок съездить в деревню. Она спросила, что мне в такое время делать в деревне, но я ответил, что она узнает об этом завтра, пусть только следит за нашим сигналом.

Иногда я оставлял какой-нибудь раздобытый для нее гостинец на камнях в той трубе, у которой мы стояли в свой первый вечер, а потом подавал ей сигнал. Ровно в половине восьмого, когда она шла в школу, а я ехал на работу, я перелезал через забор в сад к нашему соседу и поднимал на высокой мачте для флага белую тряпку — лоскут от старой нижней юбки моей сестры и потом еще несколько раз махал им.

Это доставляло нам огромное удовольствие: мы оба знали, что сигнал свидетельствует не только о спрятанном в трубе гостинце. Кусок нижней юбки был для нас символом из древних саг и сказок, несшим через луг древние слова: Я шлю тебе привет, я жду тебя, я люблю тебя!

Итак, она побежала домой к своим родителям и к своему кузену, а я отправился в деревню и раздобыл стакан сливок, настоящих сбитых сливок, из-за которых мне пришлось долго уламывать крестьянку. Я спрятал эти сливки в канаве, наполовину в воде, чтобы они наутро, когда Чарли пойдет в школу, были еще свежими.

На другой день я перелез с белым лоскутом через забор и взобрался на мачту. Однако там в это утро оказался уже другой флаг — государственный. Сначала я не понял, в чем дело, потому что день был не праздничный, не связанный с какой-либо памятной датой, никакая битва не была выиграна и ни у какого фюрера не было дня рождения. Но потом я вспомнил, что наш сосед частенько вывешивает флаги просто так. Он был директором газового завода и записным оратором, а с начала войны еще и начальником противовоздушной обороны города. Все знали, что в первую войну он получил высокий орден за то, что один взял в плен сорок французов. — И это при том, — всегда добавлял он, — что у меня была температура сорок.

Звали его Нееесе, и в нем осталось что-то от сорокаградусного жара и от ордена; никто не принимал его всерьез, но все боялись его, потому что он был большим человеком.

Как бы то ни было, сейчас на моей сигнальной мачте висел его флаг, а на камнях в канаве стоял стакан сливок, и Чарли ждала моего знака. Я снял государственный флаг и привязал на его место нижнюю юбку, а этот флаг временно повесил на куст крыжовника; я намеревался потом снова прицепить его.

Однако сделать этого я уже не смог. Как раз когда я собирался подать свой сливочно-любовный сигнал, я услышал резкий командирский голос. При других обстоятельствах это только позабавило бы меня: директор завода выгонял своих сыновей на утреннюю зарядку.

У него было три сына, Пауль-Фридрих, Пауль-Герхард и Пауль-Оскар, один здоровее и глупее другого. Время от времени старику что-то ударяло в голову, и тогда он заставлял их тренировать мышцы. Он гонял их по дорожкам сада, пока они не начинали задыхаться, а затем заставлял еще подтягиваться на перекладине, пока они не сваливались на землю, точно спелые груши.

И вот они затапали через кусты, а на крыжовнике валялся государственный флаг и на мачте развевалась разорванная нижняя юбка. Я, пригибаясь, обежал сад и, вскочив на свой велосипед, поехал на работу.

Вечером я впервые за долгое время возвращался домой по главной улице. Я понял, почему я выбрал этот путь, только увидев стоявшую в окружении моих приятелей у входа в кафе Кайзера Чарли. Она чуть заметно улыбнулась мне кончиком носа и тут же перевела взгляд на мои измазанные грязью резиновые сапоги. И еще я увидел рядом с нею фенириха, ее кузена. Он был высок и строен, и на щеке у него болтался желтый, как у летчиков, шарф, а на груди блестел железный крест.

— Придешь? — спросил Эдди, трубочист.

— Да, — ответил я. Это прозвучало жестко, и я вдруг почувствовал, что в животе у меня, там, где должен быть желудок, тяжело ворочается железный, с острыми углами ящик.

На мачте у Нееесе снова развевался государственный флаг, и моя мать сказала, что меня спрашивал какой-то незнакомый ей человек, который сказал, что зайдет попозже еще раз.

— Ты что-нибудь натворил?

— Нет, — сказал я.

Я умылся так, что едва не содрал с себя всю кожу, и, не поев, выскочил из дома.

Они все еще стояли на главной улице, и Чарли с ее кузеном — тоже. Фенирих рассказывал о своем первом сбитом самолете и руками изображал воздушный бой.

— На душе у меня кошки скребли, — сообщил он с откровенностью человека, имеющего за храбрость железный крест. — В тот день двое наших как раз не вернулись на базу. Но когда ты в воздухе, тут уж стреляй или умри! Он зашел мне в хвост и дал очередь. Я автоматически сминаливал и теперь уже сам зашел ему в затылок. Я дал залп, и он, перевернувшись, камнем пошел вниз... — Фенирих руками изобразил, как это было.

Мы внимали ему с восторгом, даже я. И Чарли. Она следила за его ртом, за его руками; она летела вместе с ним и вместе испытывала страх, а потом облегчение. И она смотрела на него, только на него, не на меня.

Я тихонько спросил, нашла ли она стакан, и она кивнула, но в следующую секунду снова уже была со своим кузеном, с этим героям. Так постепенно он сбил у нас на глазах все четыре самолета и затем посмотрел на часы.

— Скажите-ка, дети, не пора ли нам расходиться по домам? У вас ведь существует этот нелепый запретный час, не так ли?

Когда мы отмахнулись, он сказал:

— Ну ладно, пройдемся еще немного. А если что, вы скажете, что я как раз вербую вас в добровольцы. Смешные у вас полицейские. Вчера гуляем мы с Чарли по лугу, как вдруг подбегает один такой и спрашивает, сколько девочек лет. «Дядя», — сказал я ему и ничего больше. Только «дядя» — и все. Он закашлялся и мгновенно исчез. Умный оказался старик.

Все засмеялись, только мы с Чарли — нет. Она посмотрела на меня, но это был совсем короткий, быстрый взгляд, — она тут же отвернулась, сказав:

— Но сейчас нам все же лучше, пожалуй, разойтись.

Кузен повернулся к себе:

— Страх? Неужели ты можешь бояться, когда я с тобой?

Она не ответила, и он опять посмотрел на часы.

— Да, друзья, все-таки уже больше половины одиннадцатого. Пора и по домам!

— До половины одиннадцатого еще далеко, — почти прокричал я, так что все на меня оглянулись.

Фенирих поднес часы прямо к моим глазам.

— Это авиационные часы, сын мой; ход их так же точен, как движение звезд...

— Дерьмо это, а не часы! — закричал я. — Единственные верные часы — это на нашей церковной башне!

Друзья мои восторженно заорали, Чарли тупо посмотрела на меня, а ее кузен снисходительно спросил:

— И ты, конечно, можешь увидеть сейчас эти легендарные часы? — Он серьезно поднял глаза к темному небу.

— Я могу, — тихо произнес я и, вытащив свой пистолет, стрельнул в ночь ослепительную ракету.

Скользящей звездой взмыла она к церковной башне, осветила циферблать, стрелки которого показывали двадцать минут одиннадцатого, и, на миг замерев где-то очень высоко, стала медленно падать на землю. И, падая, она как будто писала в небе: предательство — вот что она писала, и любовь — писала она, и Чарли.

Башня, крыши, дома, вход в кафе Кайзера, вся улица лежали в слепящем свете. Перед мной было лицо Чарли. Я видел его так отчетливо, как никогда прежде. Я видел ее пылающие волосы, ее глаза, казавшиеся сейчас совсем черными, ее побелевший от ужаса нос, ее рот, такой сухой, точно его никогда не касались тяжелые капли дождя, точно к нему никогда не прижимались мои губы. Я видел ее лицо последний раз.

Потому что в суде я больше не смотрел на нее. Судья похвалил ее, назвав настоящей немецкой девушкой, так как она все им рассказала. И мне было стыдно.

Прокурор перечислил все: цветы из сада руководителя районного комитета, и мед, и сливки, полученные не по карточкам, и хранение оружия, и подачу сигналов через луг. Он снова пересказал всю историю, но она слышала совсем по-другому: в ней не было сена из канавы и школьного здания в саду, не было плаща, и солнечного дождя, и слова «следопыт»...

И фенирих похвалил судью — за то, что тот потащил меня в полицию. И директора завода он похвалил — за то, что тот доказал, что я осквернил знамя.

Они предъявили мне длинный счет, завершением которого явилась пущенная в ночное военное небо осветительная ракета. Все вместе составило пять лет каторжной тюрьмы, и это был еще мягкий приговор...

Он плотнее запахнул свою шинель и умолк. Воздух был пропитан теперь влажным дыханием спящих людей. Но в нем все еще висели тонкие нити молочного запаха. Теплее не стало: кафель слишком сильно промерз.

Я расстелил свою шинель, мы легли на нее и уснули.

Перевела с немецкого
Татьяна ГИНЗБУРГ.

¹ Курсант второго курса военного училища. (Прим. перев.)

посадочная полоса 08

ПОВЕСТЬ

Перевод Марии БОГДАНОВОЙ.

— расчетное время прибытия 05.05 по тихоокеанскому часовому поясу. — Бердек говорил со все возрастающим раздражением. — У меня полно работы, сэр... Мне придется так и сделать... Я еще позвоню вам. Я вам позвоню, как только появятся какие-либо новости... Да-да. До свидания. — Положив трубку, он с облегчением вздохнул и, повернувшись к Трелливиену, сказал: — Большое спасибо, что вы приехали, капитан. Вы уже все знаете?

Трелливиен поднял записи сообщений:

— Это все, что у вас есть?..

— Больше у нас пока ничего нет. Теперь вам нужно связаться с этим парнем по радио. Вы должны прямо с ходу ознакомить его с устройством самолета, дайте по радио указания, как заходить на посадку, и дай бог, чтобы дошло до этого, посадите с ним самолет на землю. Сможете?

— Я не умею творить чудеса, — холодно ответил Трелливиен. — Вы ведь понимаете, что у человека, водившего когда-то только истребители, шансы посадить четырехмоторный пассажирский самолет очень невелики. Если они есть вообще.

— Конечно, я знаю это! — взорвался Бердек. — Вы же слышали, что я говорил Бернарду. А у вас есть какие-нибудь другие предложения?

— Нет, никаких, — с расстановкой ответил Трелливиен. — Я просто хотел удостовериться, что вы осознаете, на что мы идем.

— Послушайте! — сердито закричал Бердек. — Там, наверху, самолет, набитый людьми, многие из которых при смерти, включая пилотов. Это самое ужасное бедствие, которое когда-либо терпел самолет. Это все, что я осознаю!

— Держите себя в руках, — спокойно произнес Трелливиен. — На крик далеко не уедешь. — Он взглянул на записи радиосвязи, затем поднял глаза на карту. — Предстоит очень тяжелое и рискованное дело. Мне бы хотелось, чтобы это было ясно всем.

— Ну, будет, господа, — сказал руководитель полетов. — Вы совершили правы, капитан, подчеркивая рискованность нашего решения. Мы полностью с вами согласны.

— Разве у нас есть выбор?! — вопрошающе воскликнул Бердек.

— Хорошо, — сказал Трелливиен. — Давайте начнем.

Он подошел к радиостанции.

— Можно прямо сейчас выйти на связь с 714-м?

— Да, капитан. Слышимость хорошая. Мы можем вызвать их в любое время.

— Ну, тогда давайте.

Радист включил передачу.

— Рейс 714. Говорит Ванкувер. Вы меня слышите?

— Да, Ванкувер, мы вас слышим, — раздался из усилителя голос Спенсера. — Продолжайте, пожалуйста.

Радист передал микрофон Трелливиену.

— О'кей, капитан, теперь уже вы.

— Алло, 714-й, — произнес он. — Говорит Ванкувер. Меня зовут Поль Трелливиен. Я старший пилот авиакомпании «Кросс-Канада». Я должен буду помочь вам вести самолет. Главное, не очень беспокоитесь. Со мной говорит Джордж Спенсер, не так ли? Я бы хотел услышать немного подробнее о вашем летном опыте. Говорите, Джордж.

Позади него нервно подергивалось лицо бедняги Бердека.

ГЛАВА VII

У Спенсера пересохло в горле, и он едва мог говорить. Наконец он откашлялся.

— Алло, Ванкувер. Говорит 714-й. Рад приветствовать вас, капитан. Но только с самого начала давайте не будем играть в прятки. Мы оба прекрасно осознаем возникшую ситуацию. Весь мой опыт полностью сводится только к вождению одномотор-

Продолжение. Начало в №№ 10—13.

— Скажи им, что все в порядке, — выговорил он. Его нервы были на пределе.

— Говорит 714-й. Мы продолжаем горизонтальный полет, — передала Джанет.

— Молодец, Джордж. Как только ты почувствуешь себя увереннее, попробуй сделать несколько поворотов, но не больше, чем на два-три градуса. Ты видишь указатель поворота? Он почти прямо перед тобой, чуть правее.

Трелливиен говорил, закрыв глаза, чтобы лучше представить себе расположение приборов в кабине. Открыв их, он обратился к оператору связи:

— Вот что. С этим парнем у меня предстоит большая работа, но все-таки мы уже должны начать подготовливать прием самолета и посадку, пока еще в запасе много времени. Свяжитесь с диспетчером обзорного радиолокатора, хорошо? И дайте мне поговорить с ним.

Очень осторожно Спенсер вытянул левую ногу и повернул штурвал. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем самолет отреагировал на его движение, и силуэт авиагоризонта сдвинулся с нуля. Затем он попробовал проделать то же самое в другом направлении. Но на этот раз реакция самолета была слишком резкой. Взглянув на указатель скорости полета, Спенсер с ужасом заметил, что она упала до 180 узлов. Он тут же двинул штурвал вперед и со вздохом облегчения заметил, что скорость постепенно стала подниматься к 210. Да, ему следовало бы быть более осторожным, пока он по-настоящему не почувствует самолет. Это совершенно ясно.

Джанет оторвала взгляд от панели приборов и спросила тихо:

— Ну как?

— Передай, что я сейчас пробую вести самолет вручную и совершаю небольшие повороты, каждый раз возвращаясь на прежний курс, — сказал он стюардессе.

Джанет передала сообщение.

— Мне, правда, следовало давно вас спросить об этом, — раздался голос Трелливиена. — Какая у вас наверху погода?

— Там, где мы сейчас, чисто, — ответила Джанет. — Только под нами облачность.

— Ух!.. Вам нужно было сказать мне об этом раньше. Послушайте, Джордж, нам придется ускорить обучение. Вы можете в любой момент попасть в полосу облачности и столкнуться с небольшими встречными потоками. Если это произойдет, надо, чтобы вы были к этому готовы. Ну, как самолет, слушается?

Спенсер, оторвавшись от приборов, бросил на Джанет беглый взгляд.

— Скажи ему, что это не самолет, а квашня какая-то, — процедил сквозь зубы Спенсер.

— Алло, Ванкувер, он говорит, что это квашня, а не самолет, — повторила Джанет.

На несколько мгновений напряжение в диспетчерской ослабло, и все с улыбкой переглянулись.

— Вполне понятно, что у вас создалось такое впечатление, — ответил Трелливиен. — Вы ведь пришли к небольшим самолетам. Потом, когда вы начнете делать большие развороты, он вам покажется еще более неподатливым, но вы быстро освоитесь.

Телефонист тихо прервал его:

— У меня на проводе диспетчер обзорного радиолокатора.

— Ему придется подождать, — сказал Трелливиен. — Я поговорю с ним, когда у меня будет перерыв.

— Хорошо.

— Алло, Джордж, — снова обратился к нему Трелливиен, — старайтесь не делать никаких резких движений, это вы могли себе позволить только на истребителях. Если вы повернете резко штурвал, то слишком сильно измените направление, и тогда не избежать осложнений. Ясно?

— Да, Ванкувер, понято.

— Теперь, Джордж, я бы хотел, чтобы вы почувствовали влияние изменения продольной балансировки на скорость. Сначала отрегулируйте режим двигателей так, чтобы скорость уменьшилась до 160. При этом сохраняйте строго горизонтальный полет. Но не прекращайте все время внимательно следить за скоростью. Она должна быть выше 120. Триммер руля высоты находится справа от вас у основания приборной доски, триммер элерона — под рычагами управления двигателями. Нашли?

Спенсер одной рукой проверил их расположение, одновременно поддерживая нужное направление полета.

— Все в порядке. Скажи, что я начинаю сбавлять скорость.

— О'кей, Ванкувер. Мы делаем все, как вы говорите.

Когда скорость достигла 160, Джордж занялся триммерами и вскоре дал знак Джанет, что все в порядке.

— Говорит 714-й. На указателе 160 узлов.

Трелливен сделал паузу, стаскивая с себя пиджак, и затем заговорил:

— Хорошо, Джордж. Попробуйте теперь направить самолет немного вверх, затем вниз. Действуйте штурвалом как можно осторожнее, как будто он из хрупкого стекла, и следите за скоростью. Помните, что она должна быть около 160 узлов.

Он отложил микрофон.

— Где диспетчер обзорного радиолокатора?

— Здесь.

— На каком расстоянии этот самолет войдет в вашу зону? — спросил Трелливен.

— Примерно в 60 милях, капитан.

— Тогда это нам еще не подходит, — сказал Трелливен отчасти себе, отчасти Бердеку. — Приходится только надеяться на то, что он продолжает двигаться в западном направлении. Однако в следующий радиосеанс надо будет проверить. Если он сохранил в общем-то прежнее направление, то мы сможем легко его скорректировать, как только он попадет в зону действия радиолокатора. А данные BBC нам очень при этом пригодятся.

— А нельзя ли направить его на привод?

— Сейчас у него и без этого забот предостаточно. Если я попытаюсь навести его на привод, то у него будет неразбериха с радио, надо будет менять частоту и всяческое другое. Лучше сейчас попытаться изменить направление полета на несколько миль и посмотреть, как у него это получится.

— Да, это имеет больше смысла, — согласился Бердек.

— Так мы и сделаем, — сказал Трелливен. — Я буду сам с ним разговаривать. Он уже привык ко мне.

— Хорошо, сэр, — отклинулся диспетчер обзорного радиолокатора.

— Как только он появится на вашем экране, вы начнете поставлять мне информацию, и в дальнейшем я буду полагаться на нее.

— Можете ли вы, — обратился затем Трелливен к связисту, — установить прямой телефон между нами и радиолокаторной?

— Мы займемся этим, — ответил тот.

— А как насчет захода на посадку? — спросил диспетчер обзорного радиолокатора.

— Будем пробовать тем же способом, — сказал Трелливен. — Как только он будет в вашей зоне и пойдет уже прямым курсом на аэродром, мы перейдем в башню. Там вы обо всем нам доложите, и мы решим, на какую полосу его сажать, и продумаем его заход на посадку.

— Да, сэр, хорошо.

Трелливен взял микрофон, но приостановился, так как его глаза встретили взгляд руководителя полетов, только что положившего телефонную трубку на рычаг.

— Внизу доктор Дэвидсон, — сказал он Трелливенну.

— Что он хочет сообщить?

— На основании тех сведений, которыми мы располагаем, он пришел к тому же диагнозу, что и врач на самолете. Сначала, правда, он подумал, что, может быть, это вспышка ботулизма.

— А это что еще за чертовщина?

— Очевидно, какое-то очень серьезное пищевое отравление. Можно ли будет связаться сейчас с тем доктором на самолете?

— Нет. Сейчас важнее заниматься пилотированием. Они пусть сами скажут, нужна ли им сейчас медицинская консультация. Я же не хотел бы рассеивать внимание Спенсера и отвлекать его от работы. Пусть Дэвидсон сидит здесь, и мы к нему обратимся, когда понадобится.

Трелливен заговорил в микрофон:

— Алло, Джордж Спенсер. Не забывайте, что ответная реакция самолета запаздывает. Не торопитесь и не дергайте штурвал. Вы поняли меня?

Наступила пауза. Затем:

— Да, он понимает, конец.

Спенсеру показалось, что Трелливен прочел его мысли. Ведь как раз за несколько минут до этого он двинул штурвал и, не почувствовав никакой реакции самолета, попытался снова отклонить штурвал от себя. И тут самолет, совсем незаметно снизившийся, внезапно начал стремительно падать. Джанет закусила нижнюю губу, чтобы не закричать. Стрелка указателя скорости ползла по кругу... 180... 190... 200... 220... Стараясь вернуть самолет в прежнее положение, Спенсер изо всех сил потянул штурвал на себя. Стрелка на указателе вертикальной скорости снижения дрожала где-то у края шкалы. Маленький силуэт самолета на авиагоризонте накренил левое крыло и угрожающе замер в этом положении. Стрелки высотомера стали стремительно откручиваться назад.

— Давай, железяка, давай! — закричал Спенсер, когда, наконец, самолет прореагировал на его усилия. Его глаза неотрывно следили, как все три стрелки высотомера,казалось, из последних сил начали возвращаться снова вверх, регистрируя постепенное увеличение высоты.

— Дело сделано! — с облегчением сказал Спенсер Джанет, совершенно забыв, что он чрезмерно отклонил руль.

— Скорость! Следите за скоростью! — воскликнула стюардесса.

Его глаза метнулись в сторону указателя скорости. 160... 150... 140... Но Спенсер быстро с этим справился, и корабль со стоном снова перешел в горизонтальный полет.

— Проклятье! Это ужасно! — пробормотал Спенсер.

Джанет все еще напряженно следила за показанием скорости — «160». Теперь все в порядке.

Дверь позади них распахнулась, и послышался голос Байarda:

— Что случилось?

Спенсер бодро ответил, не отрывая глаз от приборной доски:

— Извините, док. Я пытаюсь покороче познакомиться с самолетом.

— Но делайте это как-нибудь полегче, хорошо? Там и так дела очень плохи. А как вы справляетесь?

— Прекрасно, просто прекрасно, доктор, — ответил Спенсер, облизывая запекшиеся губы.

Дверь закрылась, и в это время в наушниках раздался голос Трелливена:

— Алло, Джордж Спенсер. Все в порядке?

— Все в порядке, Ванкувер, — ответила Джанет.

— Хорошо. Укажите ваше направление.

Спенсер посмотрел вниз.

— Скажи, что магнитный компас показывает 290. Я старался все время придерживаться этого курса.

— Очень хорошо. Так и продолжайте. Вы можете вдруг немного отклониться, но я вам скажу, когда надо будет выпрямить курс. А сейчас я хотел бы, чтобы вы попробовали управлять самолетом на малых скоростях, когда выпущены закрылки и шасси. Но ничего не делайте, пока не получите от меня инструкций. Ясно? Конец?

Джанет, поймав кивок Спенсера, попросила Трелливена продолжать.

— Алло, 714-й. Вначале сбавьте немного газ, и пусть скорость установится на 160. Зафиксируйте горизонтальный полет. Затем скажите, когда будете готовы к дальнейшему. Конец.

Спенсер выпрямился и бросил Джанет через плечо:

— Следите за этой чертовой скоростью. Вам все равно придется зачитывать ее вслух, когда пойдем на посадку, так что уже сейчас начинайте практиковаться.

— Стрелка на 190, — начала отсчитывать Джанет. — ...200... 190... Он сказал 160, мистер Спенсер.

— Знаю, знаю. Я как раз собираюсь сбавить немного газ.

Он взялся за рычаги управления двигателями и потянул их назад.

— Ну, как теперь скорость?

— 190, 180, 175, 165, 155, 150... Но это уже слишком мало!

— Я знаю. Ты следи! Следи!

Его рука нетерпеливо обхаживала, почти лаская, рычаги газа, ища нужное положение для заданной скорости. Глаза Джанет были прикованы к дрожащей стрелке указателя.

— 150, 150, 155, 160... установилась на 160.

Спенсер облегченно вздохнул:

— Уф! Наконец! Передай на землю, Джанет.

— Алло, Ванкувер. Наша скорость установилась на 160. Конец.

— Хорошо, 714-й. — В голосе Трелливена слышалось нетерпение, как будто это сообщение, по его расчетам, должно было прийти давно. — Теперь, Джордж, вам нужно выпустить закрылки на 15 градусов. Когда я скажу, поверните рукоятку до конца, при этом наблюдайте за указателем. Когда стрелка достигнет 15 градусов, переставьте рукоятку обратно. Но будьте очень внимательны. Закрылки выпускаются быстро. Все ясно?

Спенсер нащупал рукоятку.

— Подтверди, — сказал он Джанет. — Но, может быть, ты их выпустиши сама, хорошо?

— Мы готовы, Ванкувер, — сказала Джанет.

— Хорошо. Тогда приступайте.

Она приготовилась нажать на рукоятку, как вдруг ее всю передернуло от ужаса.

— Скорость! Она снизилась до 125!

Спенсер быстро взглянул на указатель. Отчаянным усилием он отжал штурвал от себя.

— Скорость! — закричал он. — Называй скорость!

Казалось, что их внутренности вот-вот вывернутся наружу из крена, в который вошел самолет. Джанет, почти припав к панели, продолжала зачитывать скорость:

— 135... 140... 150... 160... 170... 175... Вы не могли бы вернуть к 160?

— Я попытаюсь, я попытаюсь...

Он снова выровнял самолет и отрегулировал его положение так, что скорость наконец была укрученна и установилась на 160. Спенсер быстро провел

рукавом по лбу, не решаясь выпустить из рук штурвал, чтобы достать платок.

— Ну, что, теперь 160, верно?

— Да, теперь порядок.

Спенсер откинулся на спинку кресла.

— Давай немножко передохнем.

Ему удалось даже выдавить при этом что-то вроде улыбки.

— Теперь ты видишь, что я за пилот. Я бы мог все это предвидеть заранее.

— Нет, ведь это я должна была следить за скоростью. — Джанет глубоко вздохнула, чтобы утихомирить сердцебиение. — Мне кажется, вы все делаете великолепно.

Эти слова взводили Спенсера. Он втяхнулся и быстро, с несколько излишним жаром проговорил:

— Ладно, Джанет, давайте продолжим.

— Алло, Джордж, — раздался среди треска в наушниках голос Трелливена. — Вы уже выпустили закрылки?

— Мы как раз собираемся это сделать, капитан, — ответила Джанет.

— Подождите. Я забыл вам сказать, что когда выпущены закрылки, скорость начинает падать. Вы должны будете вернуть к 140.

— Ну, знаете! — взорвался Спенсер. — Очень любезно с его стороны предупредить нас об этом. Теперь мы уже без него знаем.

— Они там, внизу, тоже, наверное, жутко нервничают, — сказала Джанет. Она прекрасно себе представляла, что происходит сейчас в аэропорту.

— Спасибо, капитан, — сказала она в микрофон. — Мы начинаем.

При кивке Спенсера она отвела рукоятку до предела, в то время как Спенсер внимательно следил за шкалой.

— Достаточно. Теперь назад во второе положение.

С невероятной осторожностью он довел скорость до 140.

— Передайте ему, Джанет, что мы все сделали.

— Алло, Ванкувер. Закрылки выпущены на 15 градусов. Скорость — 140.

— 714-й, вы сохраняете горизонтальный полет?

Спенсер кивнул Джанет.

— Скажи, что да. Ну, более или менее.

— Алло, Ванкувер. Более или менее.

— Хорошо, 714-й. Теперь следующая задача — выпустить шасси. Тогда вы уже полностью будете иметь представление, как самолет идет на посадку. Попытайтесь не потерять высоту и сохранить скорость 140. Когда будете готовы, совершенно готовы — выпустите шасси. Скорость при этом может снизиться до 120. Но, возможно, вам придется все-таки увеличить режим двигателей, чтобы добиться этой скорости. Ясно? У вас есть какие-то вопросы? Конец.

— Проси его, — сказал Спенсер, — где включается управление шагом винтов и как насчет смеси?

При этом вопросе Трелливен бросил в сторону Бердека:

— А у этого парня мозги работают.

И продолжил в микрофон:

— Сейчас пусть это вас не беспокоит. Сосредоточьте свое внимание только на скорости. Она должна быть постоянной при выпущенных закрылках и шасси. Позже я вам дам полные данные для посадки. Конец.

— Передай, что все ясно, — сказал Спенсер. — Сейчас мы выпустим шасси.

Он с опаской взглянул на рычаг управления шасси, расположенный около его ноги. Он подумал, что было бы гораздо вернее не выпускать штурвал из рук. Поэтому он попросил Джанет:

— Послушай, я думаю, что лучше тебе заняться шасси. Ты же сможешь при этом продолжать зачитывать скорость?

Джанет согласилась.

— 130, 125, 120, 115... Слишком снизилась!

— Продолжай!

— 115, 120, 120... Установилась на 120.

— Ну, я ей еще покажу! — тяжело дыша, проговорил Спенсер. — Вот еще, недрогра!

Тут послышался несколько взвешенный голос Трелливена:

— У вас все в порядке, Джордж? Шасси должны быть уже выпущены.

— Так оно и есть.

— Тогда найдите три зеленых лампочки. Они должны показать, что стойки шасси встали на замки. Кроме того, в дальнем левом углу центральной приборной доски находится манометр. Его стрелка должна находиться в зеленой зоне. Продвигайтесь.

— Как там у нас? — спросил Спенсер.

Джанет посмотрела и удовлетворенно кивнула.

— Тогда передай ему это.

— Да, Ванкувер, все в порядке.

— И еще скажи, что это не самолет, а квашня или того хуже.

Рисунок Валерия СМИРНОВА.

— Алло, Ванкувер.

Пилот говорит, что самолет в руках хуже квашни.

— Ну, не волнуйтесь, это ничего. Теперь надо полностью выпустить закрылки, и тогда у вас будет представление, как самолет заходит на посадку. Вы скоро освоитесь. Сейчас делайте все точно, как я вам скажу. Выпустите закрылки полностью. Снизьте скорость до 110 узлов и выпрямите тангаж. Отрегулируйте режим двигателей, чтобы сохранить высоту полета. Затем я вам объясню, что нужно делать для сохранения высоты и скорости полета, когда будете убирать шасси и закрылки. Конец.

— Вы сказали 110, капитан? — нервно переспросила Джанет.

— Да, 110, Джанет. Делайте точно, как я говорю, и все будет в порядке. Вам понятно, Джордж?

— Скажи ему — да. Мы сейчас до конца выпустим закрылки.

Рука Джанет еще раз с силой нажала на рычаг выпуска закрылков, и скорость начала падать.

— 120, 115, 115, 110, 110...

От напряжения голос Спенсера немножко сел.

— Хорошо, Джанет. Передай ему, что все нормально. Боже, как тяжеловесна эта машина!

— Алло, Ванкувер. Закрылки полностью выпущены. Скорость 110. Мистер Спенсер говорит, что самолет стал еще более неподатливым в управлении.

— Джордж, все идет прекрасно. Мы из вас сделаем настоящего пилота. Теперь вернитесь в первоначальное положение и повторите все еще раз с некоторыми дополнениями, то есть воздушный винт, смесь, насосы... Хорошо?

— Опять! — простонал Спенсер. — Я не знаю, как я все это выдержу. Ну ладно, давай, Джанет.

— Мы готовы, Ванкувер.

— Хорошо. Теперь в обратном порядке: уберите закрылки до 15 градусов, а скорость верните к 120. Вам придется уменьшить немного газ, чтобы добиться этого. Приступайте.

Вглядываясь в полумрак кабины, он двинулася вперед, хватаясь за что попало, чтобы сохранить равновесие, но через два шага остановился, задохнулся от ужаса при виде Спенсера в кресле пилота и двух тел, распростертых на полу. Затем он с усилием отступил назад к порогу и, вцепившись руками в оба кояки, высунулся в салон.

Перекрывая творившийся там шум, раздался его истерический вопль:

— Он не пилот! Мы все погибнем. Мы сейчас разобьемся!

ГЛАВА VIII

Неоновые фонари, окутанные дымчатым сиянием, горели, отражаясь в мокром асфальте, у подъезда главного здания аэропорта Ванкувер. Обычно в такой ранний предрассветный час на площади царили безлюдье и тишина, изредка нарушающаяся какой-нибудь служебной машиной. Теперь же это место представляло собой совершенно иную картину. У поворота с основного шоссе к аэропорту стояла полицейская машина, развернутая к середине дороги. Синяя вспышка на крыше, не прекращая, давала предупреждающие сигналы. Тот транспорт, которому был разрешен въезд в аэропорт, тут же направлялся регулировщиком к месту стоянки: подъезд к главному зданию должен был быть всегда свободен. Некоторые из приехавших в аэропорт оставались еще какое-то время снаружи, тихо переговариваясь и переминаясь с ноги на ногу из-за ночного холода, следя при этом за появлением все новых пожарных и санитарных машин. Поблескивающий влажным глянцем красный грузовик аварийной службы вдруг оглушительно взревел и отъехал прочь. В наступившей после этого тишине сразу же послышались позывные какой-то передвижной радиостанции.

«Леди и джентльмены! Послушайте последние сообщения из аэропорта Ванкувер. Местная администрация заявила, что хотя самолет компании «Мэпл Лиф» пилотируется не очень квалифицированным летчиком, нет никаких оснований для паники. Были приняты все меры для оповещения населения в примыкающих к аэропорту районах. В данный момент спасательные службы города стягивают свои силы. Слушайте дальнейшие сообщения нашей радиостанции».

Забрызганный грязью «шевроле» резко затормозил у подъезда главного здания. Затем, круто развернувшись, он с визгом подкатил к стоянке и остановился. На левой стороне ветрового стекла виднелася красная наклейка «Пресса». Высокий седеющий толстяк в распахнутом спортивном пальто проворно вылез из машины и, хлопнув дверцей, заспешил к главному зданию. У входа он кивнул дежурному и быстро вошел внутрь.

Ловко обогнув двух молодых людей в белых халатах, он поиском глазами стол «Мэпл Лиф» компании и тотчас направился к нему. Там стояли трое мужчин. Один из них был в форме. Они что-то обсуждали, и вошедший приблизился к ним незамеченный. На него обратили внимание, лишь когда он дотронулся до плеча самого молодого из них. Тот обернулся и кивнул ему.

— Ну, как дела, Гарри? — спросил вновь подошедший.

— Я только что передал все, что успел разузнать, мистер Джессеп, — отозвался тот. — Это Ральф Джессеп из «Канадиэн Интернейшнл Ньюс», — сказал он служащему авиакомпании.

— Кто сейчас занимается прессой? — спросил Джессеп.

— Я думаю, что заявление для журналистов сделает скорее всего мистер Говард в здешнем пресс-центре, — сказал агент «Мэпл Лиф компани».

— Надо идти, — сказал Джессеп. Он взял молодого под руку и потащил его за собой.

— Редакция пришлет сюда фотокорреспонтеров? — спросил он.

— Да. Но тут быстротой не возьмешь: полно места для всех, даже для кинохроники.

— Хм. Напомни в редакции, чтобы они послали кого-нибудь для сбора возможного материала об эвакуации населения из домов, прилегающих к мосту. Они могут поручить тому же человеку занять позицию на границе летного поля, потому что, если он взберется на ограду, ему удастся сделать один-два стоящих снимка катастрофы. И убраться оттуда быстрее, чем другим. А что известно об этом парне, который ведет самолет?

— Какой-то Джордж Спенсер из Торонто. Это все, что мы знаем.

— Н-да... Редакция, я думаю, свяжется с нашими людьми в Торонто, и они раскопают о нем все. Теперь зайди платную переговорную кабину здесь, в регистрационном зале, и не вылезай из нее, что бы ни случилось. Пусть будет постоянная связь с редакцией.

— Хорошо, мистер Джессеп, но...

— Я знаю, знаю,—буркнул Джессеп,—но ничего не поделаешь. Если вдруг начнется ажиотаж у телефонных будок в пресс-центре, нам понадобится эта кабина.

С разевающимися позади него полами пальто он начал пробираться к пресс-центру. Там уже собрались несколько журналистов. Троє из них что-то обсуждали между собой, один болтал с машинистками, сидевшими за большим центральным столом. Еще двое газетчиков уже говорили в телефонных будках, расположенных по обе стороны комнаты. На полу в мокрых кожаных футлярах лежали фотокамеры.

— Ну,—произнес изврительно Джессеп,—зачем это вы сюда пожаловали?

— Привет, Джессеп,—поздоровался с ним одни.—Где Говард? Ты не видел его?

— Мне сказали, что он вот-вот появится.—Джессеп вытянулся из пачки сигарету.—Так кто что знает?

— Мы только что пришли,—сказал Стефенс из «Монитора».—Я попробовал запросить диспетчерскую, но меня послали к черту.

— Вы, ребята, не волнуйтесь,—посоветовал Джессеп, закуривая сигарету и сплюнув крошки табака.—Для утреннего выпуска вы уже опоздали, а для вечернего у вас полно времени, ну, конечно, если не будет специального дневного выпуска. Впрочем, тут сразу видно, кто больше всего суетится.—он кивнул на двоих за стеклянными дверцами будок, один из Канадиен пресс, другой из ЮПА.

— Перестань, Джес,—отрезал Стефенс.—Но-тому, если они из телеграфных агентств, то...

— Что вы ругаетесь! —вмешался Абрахам из «Пост-Телеграмм».—Сейчас, по-моему, надо всем вместе потребовать с их стороны каких-нибудь разъяснений. А то сюда скоро хлынет народ, и тогда особо не развернешься.

В этот момент в комнату вошел моложавый мужчина, держа в руках несколько листков бумаги. Все обернулись в его сторону. Это был Клиф Говард.

— Спасибо, что вы все-таки дождались,—сказал он.

— Да. Но, признаюсь, собирались было уже сми...—произнес Джессеп.

Двое газетчиков поспешно прервали свои телефонные разговоры и присоединились к остальным.

— Ну что там, Клиф?—спросил один из них. Говард посмотрел на Джессепа.

— Вы, я вижу, вроде меня, Джес, сюда прямо из постели,— отметил он, кивнув на виднеющуюся из-под пиджака Джессепа пижаму.

— Да,—коротко ответил тот.—Давай, Клиф, не тянни.

Говард взглянул на бумаги, затем на собравшихся вокруг него мужчин. Лоб его покрылся маленькими капельками пота.

— Хорошо,—сказал он.—Начнем. Самолет «Импресс» компании «Мэпл Лиф» был зафрахтован в Торонто, чтобы доставить сюда болельщиков на футбольный матч. При перелете из Виннипега в Банкувер оба пилота заболели. Сейчас самолет ведет один из пассажиров. У него нет опыта пилотирования самолетов подобного типа. Мы инструктируем его по радио. Этим занимается капитан Поль Трэлливен, старший пилот из «Кросс-Канада». Но администрация аэропорта считает целесообразным принять меры предосторожности и обезопасить близлежащие районы, и снять сюда дополнительные силы спасательных служб на случай аварии.

Наступила пауза.

— Ну, это все?—оворчал один из журналистов.

— Да. Боюсь, что это все, что я могу вам сообщить,—сказал Говард извиняющимся тоном.—Мы делаем все возможное, и я буду очень вам признателен, если...

— Побойся бога, Клиф, что это ты нам дал?—запротестовал Стефенс.—Ну, а как же так случилось, что оба пилота вдруг заболели?

Говард раздраженно дернулся плечами.

— Мы еще точно не знаем. Может быть, это приступ печенки или еще что-то. Мы вызвали сюда докторов, чтобы они были наготове...

— Послушай,—прервал его Джессеп.—Сейчас не время играть в прятки, Клиф. Уже просочилось столько слухов, что в них потонет любая ваша отговорка. Все, что ты сказал сейчас, в редакциях было известно еще до того, как мы сюда попали. Так что давай начинай сначала. Верны ли слухи об отравлении?

— Прежде всего я хочу, чтобы вы поняли, что все сказанное мною не может быть воспринято как официальное заявление со стороны аэропорта авиакомпании «Мэпл Лиф». Компания принимает надлежащие меры, чтобы самолет благополучно совершил посадку. Я, со своей стороны, постараюсь вас ввести в курс дела.—Затрещал телефон, но ни

один не двинулся к нему.—Согласно той информации, которой я располагаю, на самолете произошла вспышка болезни, которая, всего вероятнее, является пищевым отравлением. Конечно, мы предпринимаем...

— Вы имеете в виду,—кто-то прервал его,—что пища на борту самолета была заражена?

— На этот вопрос трудно сейчас ответить. Пока я могу вам сообщить лишь следующее, но я бы хотел, чтобы мои слова были верно поняты. Из-за тумана было задержано отправление самолета «Импресс» из Торонто, и он прибыл в Виннипег с большим опозданием, так что они не успели получить продукты от постоянных поставщиков авиакомпании. Им пришлось обратиться в другую фирму. Среди полученных продуктов была рыба, и какая-то часть этой рыбы, возможно, я повторю, джентльмены, возможно, была испорчена. Сейчас это выясняется государственной комиссией по делам здравоохранения в Виннипеге.

— А что за парень взялся вести самолет?—снова спросил Абрахам.

— Но прошу вас учтеть,—продолжал Говард,—что авиакомпания «Мэпл Лиф» всегда отличалась высоким уровнем санитарии. Это из ряда вон выходящее происшествие, которое может случиться, несмотря на самое строгое...

— Но кто сейчас ведет самолет?

— Наберитесь терпения и задавайте вопросы по очереди,—резко отпарировал Говард, как будто его завалили вопросами.—Экипаж на самолете один из наиболее опытных в «Мэпл Лиф». А как вы понимаете, это говорит о многом. Командир корабля — Ли Данинг, второй пилот — Питер Девинсон и стюардесса Джанет Бенсон. У меня есть все подробные данные...

— Это потом,—сказал Джессеп.—Мы посмотрим это попозже.

Еще два журналиста вошли в комнату и тут же присоединились к группе вокруг Клифа.

— А что же все-таки известно о том пассажире, который ведет сейчас самолет?—настаивал Джессеп.

— По нашим сведениям, второй пилот, а затем командир плохо себя почувствовали. Но, к счастью, на борту самолета оказался пассажир, который пилотировал раньше самолеты. Он взял управление кораблем на себя. Его имя Джордж Спенсер. Он много летал во время войны на небольших самолетах.

— Во время войны? Так это же сто лет назад!

— А какие типы небольших самолетов?—спросил Джессеп.

— «Спитфайр», «Мустанг». Самые разные.

— Постой! Это же истребители. Так, значит, он летчик-истребитель времен прошлой войны?

— В конце концов самолет есть самолет,—не сдавался Говард.—Кроме того, его инструктирует по радио капитан Трэлливен, старший пилот «Кросс-Канада».

— Но, черт возьми!—воскликнул пораженный Джессеп.—Ведь «Импресс» — четырехмоторная машина! И вы хотите сказать, что бывший военный летчик, который имел опыт пилотирования только одномоторных истребителей, сможет после такого огромного перерыва управлять многомоторным лайнером?

— Согласен, существует определенный риск,—допустил Говард.—И вот поэтому были приняты меры для эвакуации прилегающих к аэропорту районов. Конечно, положение чрезвычайно острое, но нет причин...

— Некоторый риск!—повторил его слова Джессеп.—Я сам когда-то немного летал, и я могу себе представить, что ждет этого парня. Давай еще, что о нем известно.

Говард развел руками.

— Что!—воскликнул Стефенс.—И это все, что вам известно о человеке, который пытается посадить переполненный людьми самолет? Сколько там на борту?

— Кажется, 59, включая экипаж. У меня есть список пассажиров. Если вы...

— Клиф,—мрачно произнес Джессеп,—если ты что-то от нас скрываешь...

— Я сказал вам, Джес, это все; что я знаю. Нам бы самим хотелось знать побольше. Судя по последним сообщениям, этот Спенсер справляется довольно успешно.

— Сколько времени осталось до катастрофы?—не унимался Абрахам.

Говард резко повернулся к нему.

— И не думайте об этом!—выговорил он.

— А что, если самолет упадет в воду?

— Это маловероятно, но полиция вызвала по тревоге все свободные суда, чтобы они были наготове. Я еще никогда не видел более тщательной подготовки...

— Хо, хо, ну, история!—воскликнул Абрахам и

нырнул в ближайшую телефонную будку, оставил дверь открытой, чтобы, набирая номер, он мог продолжать слушать.

— Клиф,—обратился к Говарду Джессеп с некоторой долей сочувствия к его положению в данной ситуации.—На сколько еще хватит там горючего?

— Я не знаю, но у них должно быть какое-то количество в запасе,—ответил Говард, освобождая узел галстука. Его голос звучал не очень уверенно.

Джессеп молча смотрел на него секунду-две, сузив глаза, и затем его вдруг осенило.

— Минутку!—выпалил он.—Если на борту произошло отравление пищевой, то ведь тогда могли заболеть не только пилоты?

— Послушай, Джес,—веско выговорил Говард.—Я знаю, эта информация подобна динамиту. Вы можете с ней сделать все что угодно. Но я надеюсь, у вас хватит благородства не использовать ее во вред нашим людям. Они работают как одержимые. Делается все, чтобы помочь тем, в самолете.

— Ты ведь нас знаешь, Клиф. Мы не станем делать во вред тебе. В каком состоянии находятся пассажиры?

— Некоторые из них уже заболели, но на борту есть доктор, который им оказывает посильную помощь. Стюардесса здоровья, и она помогает Спенсеру держать радиосвязь. Ну теперь, может быть, вам хватит?

— Отравление пищевое—очень серьезное дело,—безжалостно наступал на Говарда Джессеп.—Тут огромную роль играет время.

— Это верно.

— Если этих людей не доставят в скором времени в больницу, они ведь могут даже... умереть?

— Да, в общем-то так,—согласился Говард, скав губы.

— Но... но ведь это же событие чрезвычайного масштаба! А каково положение там сейчас?

— Ну, десять—пятидцать минут назад...

— Нет, так дело не пойдет,—вскричал Джессеп.—Несколько минут могут все изменить в таких ситуациях, как эта. Узнай, что происходит сейчас, Клиф. Кто руководитель полетов? Позвони ему или давай я, если хочешь.

— Нет, не сейчас, Джес, пожалуйста. Я же говорю, что они там...

Джессеп схватил Клифа за плечи.

— Ты же сам был репортером, Клиф. Ведь все равно, как бы ни кончилась эта история, она будет самой сенсационной в авиации за последние годы, и ты это прекрасно знаешь. Через час в тебя вцепится целая свора репортеров. Все будет забито ими. Телевидение, газеты, всякие там агентства... Ты сейчас должен пойти нам навстречу, если, конечно, ты не хочешь, чтобы мы сами стали всюду влезать. Достань нам последние сведения, и ты сможешь перевести немного дух, пока мы будем передавать их дальше.

— Хорошо, хорошо. И вы тогда успокитеесь?—Говард поднял трубку внутреннего телефона, стоящего тут же на столе.—Это Говард. Дайте, пожалуйста, диспетчерскую.—В наступившей паузе он прошипел в сторону Джессепа:—Ты меня убиваешь! ...Алло, диспетчерская? Бёрдек у вас? Дайте мне его срочно. Алло, Гарри? Это Клиф. Пресса уже вовсю собирается. Я больше не могу их сдерживать. Они хотят получить все сведения вплоть до настоящего момента. Сейчас последний срок сдачи материала в номер, и они не в состоянии больше ждать.

— Ну, конечно!—фыркнул изврительно Бёрдек.—Мы должны организовать все так, чтобы катастрофа произошла до сдачи номера. Все для них, только для газет!

— Перестань, Гарри!—осуждающе проговорил Говард.—Эти ребята тоже должны делать свое дело.

Бёрдек положил трубку на стол и обратился к руководителю полетов, который стоял рядом с Трэлливеном у радиопанели:—Мистер Гримзелл, Клиф приходится там туго. Но я бы не хотел уходить отсюда. Может быть, Стэн выйдет на несколько минут, чтобы поговорить с прессой?

— Пожалуй,—ответил руководитель полетов. Он взглянул на своего помощника.—Как вы насчет этого? Будет гораздо лучше, если мы удержим их в своих руках! Вы ведь сможете это сделать, верно?

— Надеюсь, что смогу.

— Никакого смысла нет что-либо от них утавливать,—посоветовал Бёрдек.—Расскажите им все—до настоящего момента, исключив вот это.—И он кивнул в сторону радиостанции.

— Я понимаю. Положитесь на меня.—И он покинул комнату.

— Помощник руководителя полетов сейчас спустится, Клиф,—сказал Бёрдек в телефон и повесил трубку.

С усилием развернувшись своим грузным телом к двум мужчинам у радиостанции и вытирая лицо скомканым платком, он спросил подавленно:

— Что-нибудь слышно?

Трелливен покачал головой.

— Нет,—ответил он хмуро.—Они пропали куда-то.

Трелливен оперся о панель. Трубка в его руке давно потухла.

— 714-й, 714-й. Вы слышите меня? Ответьте.

— Нет, я больше не выдерну,—проговорил Бердек.—Эй, Джонни!—обратился он к одному из служащих.—Ради всего святого, принеси мне еще немножко крепкого кофе.

— Тихо!—воскликнул радист.

— Нашел?—жадно переспросил руководитель полетов.

— Не знаю... Но в какой-то момент мне показалось...—Склонившись над радиостанцией, радист пытался поймать ускользнувшие звуки.—Алло, 714-й, 714-й! Говорит Ванкувер.—Он бросил через плечо:—Я что-то слышу. Может быть, это они. Но я не уверен. Если все же это 714-й, то, значит, они сошли с нашей частоты.

— Ты все-таки попытайся,—сказал Трелливен.—Скажи им, чтобы сменили частоту.

— 714-й!—вызвал снова радист.—Говорит Ванкувер. Смените частоту на 128,3. Вы слышите меня? Частота 128,3.

Трелливен обратился к руководителю полетов:

— Хорошо бы попросить снова BBC произвести радиолокационную проводку. Может быть, они уже вошли в зону.

— 714-й! Смените частоту на 128,3. Ответьте!—продолжал повторять радист.

Бердек хлопнул по столу. На деревянной поверхности остался влажный след от его ладони.

— Этого не может быть. Не может,—тупо запротестовал он на всю комнату.—Если мы их потеряли, то им всем до одного придется конец.

ГЛАВА IX

Спенсер отчаянно пытался вернуть самолет в свое подчинение. Зубы его были стиснуты, по лицу струился пот. Приступы жгучего гнева и презрения к себе странно сменились ощущением полной нереальности происходящего. Он еле сдерживался, чтобы не издать дикий крик. Крик беспомощного и напуганного ребенка. Выбраться бы из кресла подальше от этих приборов, от их насмешливо подрагивающих стрелок и упрямых до издевательства датчиков. Бросить все. И вернуться обратно в теплый, мягко освещенный салон, крича: «Я не смог! Я говорил же, что не смогу, а вы меня не слушали. Так много требовать от человека нельзя!»

Из салона донесся жесткий голос Байарда:

— Замолчите и сядьте!

— Вы не имеете права мне приказывать!

— Я сказал: назад! На место!

— Постойте, доктор,—послыпался простуженный голос мужчины из Ланкашира, прозванного Пейдодна.—Дайте я с ним поговорю. Ну, ты...

Спенсер на мгновение прикрыл веки, чтобы остановить пляшущее мерцание шкал приборов перед глазами. Он с горечью отметил про себя, что совершенно выдохся. Человек может всю свою жизнь провести в беспрестанном движении, всегда быть «на колесах», сохранив полную уверенность, что такой образ жизни ему под силу благодаря его крепкой природе. Но наступает время настоящего испытания, требующего всех сил его организма. И он не выдерживает. Нет, мучительней состояния, чем то, когда ты сознаешь, что дошел до предела, что все, дальше уже не можешь, что вот-вот покатишься назад, как старая машина на пригорке.

— Простите,—произнесла Джанет.

Продолжая скжимать штурвал, Спенсер бросил на нее удивленный взгляд.

— Что?—тупо переспросил он.

Девушка, неловко изогнувшись в кресле, развернулась к нему лицом. От зеленоватого света приборов ее бледное лицо казалось полупрозрачным.

— Извините, что я так себя вела,—сказала она просто.—Это для вас ужасно, я понимаю. Но я... я ничего не могла поделать.

— Не знаю, о чём это вы,—сказал ей Спенсер довольно грубо. Он совершенно не знал, что надо было ответить. Из салона до него доходили звуки рыданий какой-то женщины, и от этого становилось еще более неловко.

— Надо поскорее загнать нашу лошадку обратно наверх,—сказал он.—Но боюсь сделать это слишком резко, а то мы снова можем сбиться с курса.

Сквозь нарастающий гул моторов послыпался голос Байарда:

— Что там у вас происходит? Все в порядке?

— Это я виновата,—сказала Джанет.

Она заметила, как Байарда вдруг качнуло от

усталости и он оперся о косяк двери, чтобы не упасть.

— Нет, нет,—запротестовал Спенсер.—Если бы не она, мы бы уже разбились. Я просто не могу спрятаться с этой машиной. В этом все и дело.

— Чушь,—коротко отрезал Байард.

Тут она услышала крик какого-то мужчины:

— Надо связаться по радио!

Но тотчас его прервал властный голос доктора, обратившегося ко всем пассажирам:

— Выслушайте меня все внимательно. Паника—самая заразная из всех болезней и к тому же самая опасная.

Тут дверь резко захлопнулась, и остальные слова доктора уже не были слышны в кабине пилотов.

Джанет включила микрофон и вызвала Ванкувера. Впервые не последовало никакого ответа. Она вызвала снова. Молчание.

Спенсер почувствовал знакомый приступ страха. Он заставил себя пересилить его.

— Что случилось?—спросил он стюардессу.—Ты уверена, что включила эфир?

— Да. Все правильно.

— Подуй в микрофон. Если он включен, то ты услышишь себя.

Она так и сделала.

— Да, я слышу. Алло, Ванкувер, алло, алло, Ванкувер. Говорит 714-й. Вы меня слышите?

Молчание.

— Алло, Ванкувер. Говорит 714-й. Пожалуйста, отвечте. Конец.

Все та же тишина.

— Дай я,—сказал Спенсер.

Он снял правую руку с рычага управления двигателями и нажал на кнопку своего микрофона.

— Алло, Ванкувер. Алло, Ванкувер. Говорит Спенсер. Срочно отвяжте. Срочно отвяжте.

Тишина в эфире стояла непроницаемая и плотная, как стена. Казалось, что они с Джанет отрезаны от всего мира.

— Сейчас я проверю, на какой мы частоте,—сказал Спенсер.—Но я уверен, что мы делаем все правильно.—Он попробовал вызвать снова, но безрезультатно.—Вызываю все станции. Мы терпим бедствие. Мы терпим бедствие. Говорит рейс 714-й. Кто-нибудь отвяжте. Конец.

Эфир был абсолютно мертв.

— Все ясно. Мы сошли с нашей частоты.

— Как это могло произойти?

— О чём ты спрашиваешь? Тогда могло произойти все что угодно. Придется тебе пошарить по всей шкале.

— А не рискованно ли менять частоту?

— Несколько я понял, мы уже с нее сбились. А без радио для меня сейчас то же самое, что броситься со всеми вами вниз и сразу с этим покончить. Я ведь не знаю, где мы. А если бы даже знал, то никак не смог бы один посадить самолет.

Не снимая наушников, Джанет выскользнула из кресла и подошла к радиостанции. Она щелкнула ручкой настройки и начала ее медленно вращать. Раздался треск и гул эфира.

— Оказывается, мы были совершенно на другой частоте.

— Не торопись!—остановил движение ее руки Спенсер.—Здесь должно быть что-нибудь. А уж если нет, то тогда будем запрашивать на каждом диапазоне по очереди.

И тут вдруг возник далекий слабый голос.

— Что это?!—воскликнул Спенсер.

Джанет начала настраиваться на появившиеся звуки.

— Прибавь громкость.

— ...на 128,3,—произнес неожиданно близко возникший голос.—Диспетчерская Ванкувера вызывает рейс 714. Переключите на частоту 128,3. Отвяжте. Конец.

— Держитесь этой частоты,—сказал Спенсер.—Какая-то счастливая звезда навела нас на нее.

Джанет забралась обратно в кресло и тотчас начала передачу.

— Алло, Ванкувер. Вы меня слышите? Говорит 714-й. Слыши вас хорошо. Конец.

Моментально, без всякой ощущимой паузы, раздался ответ радиста. В нем чувствовалась радость и облегчение.

— 714-й. Говорит Ванкувер. Мы вас потеряли. Что случилось?

— Ванкувер! Как мы рады вас слышать!—откликнулась Джанет, нервно проведя рукой по лбу.—У нас тут произошла неприятность. Самолет начал входить в шторм, и радиостанция сбилась с настройкой. Но сейчас все в порядке. За исключением пассажиров. Они это восприняли не очень хорошо. Но теперь мы снова набираем высоту. Конец.

На этот раз в ответ заговорил Трелливен прежним спокойным и уверененным тоном, в котором теперь, правда, чувствовалась огромная усталость:

— Алло, Джанет. Я рад, что вы сообразили насчет частоты. Джордж, я ведь предупреждал вас, что вы можете потерять скорость. Вы должны следить за ней все время. Правда, одно хорошо: теперь ясно, что, если вы смогли вывести самолет из шторма, то, значит, у вас еще сохранились навыки пилота.

— Ну, что ты скажешь, Джанет?—спросил, не веря своим ушам, Спенсер. И они неуверенно улыбнулись друг другу.

Трелливен продолжал:

— Вы, наверное, все еще не пришли в себя, поэтому сейчас лучше заняться чем-нибудь полегче. Так что, пока самолет набирает высоту, снимите показания некоторых приборов. Начинаем с запаса горючего.

Картина, открывшаяся за дверью в пассажирский салон, представляла собой скорее полевой госпиталь, нежели салон рейсового самолета. То там, то здесь виднелись полностью откинутые кресла, в которых расстались больные пассажиры, укутанные в одеяла. Несколько человек лежали почти без движения, едва заметно дыша. Других скручивала страшная боль, и они стонали под испуганными взглядами друзей или родственников, которые только и могли что менять мокрые тряпки на лбу этих страдальцев.

Склонившись над креслом пассажира, которого он только что утихомирил, Пейдодна наставительно говорил:

— Я не виню вас. Иногда становится полегче, когда немного разрядишься. Но не годится кричать во все горло в присутствии других пассажиров, у которых тоже есть нервы, в особенности при дамах. Наш док—настоящий молодчина, как и те двое в кабине пилотов. Что бы там ни было, но мы должны доверять им, если хотим все-таки снова увидеть землю.

Подавленный поучениями англичанина, пассажир уставился с каменным выражением на свое отражение в стекле иллюминатора. Шустрый, маленький ланкаширец, покончив с этим детиной, подошел, улыбаясь, к доктору, который с благодарностью похлопал его по плечу.

— Вы просто волшебник!—сказал Байард.

— Нет. Дело в том, что я боюсь еще больше, чем он. Черт, если бы вас не было с нами, доктор...—Он выразительно дернул плечами.—Как, по-вашему, обстоят дела сейчас?—продолжал он более тихим голосом.

— Я не знаю,—ответил Байард. На лице его еще больше стало заметно, до чего он измотан.—У них там что-то не получилось. Но это и не удивительно. Мне кажется, у Спенсера слишком большая нервная нагрузка. Ведь на нем лежит основная ответственность.

— Сколько это еще все продлится?

— Не имею представления. Я потерял всякое ощущение времени. Но, если мы не сбились с курса, то осталось не так много. Впрочем, для меня это является бесконечно.

Пейдодна спросил доктора как можно более безразлично:

— А как вы полагаете, доктор, у нас есть какие-нибудь шансы?

Байард отмахнулся с усталым выражением.

— Почему вы спрашиваете меня об этом? Шанс есть всегда. Но вести самолет в воздухе и посадить его в целости и сохранности—два совершенно разных дела при тех обстоятельствах, в которых мы оказались. Я думаю, что это должно быть ясно абсолютно всем.

Он присел на корточки возле миссис Чилдер, нашел под одеялом ее руку, чтобы проверить пульс, и внимательно посмотрел на ее сведенное страданием лицо. Дышала она часто и неглубоко. Ее муж спросил Байарда хрипло:

— Доктор, неужели мы ничего не можем для нее сделать?

Байард приподнял веки женщины и затем медленно проговорил:

— Я вам должен сказать правду, мистер Чилдер. Вы разумный человек, и я не буду ничего от вас скрывать. Самолет летит с предельной скоростью. Но даже при самом скорейшем прибытии жизни вашей жены останется на волоске. Будет лучше, если вы к этому себя подготовите.

Чилдер нашел в себе силы, чтобы ответить:

— Я вовсе не хотел заставить вас оправдываться. Что бы ни было, я вам благодарен, доктор.

— Ну, конечно,—вмешался ланкаширец.—И мы все тоже. Никто не смог бы сделать больше, чем вы. Правда, вы молодчина, доктор.

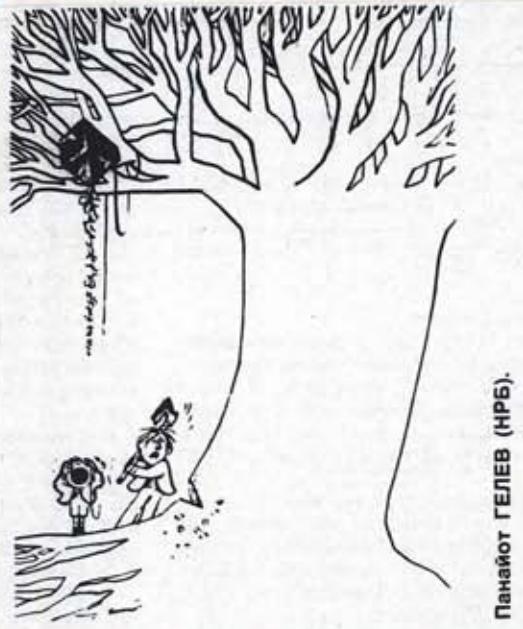
Байард вяло улыбнулся, положив руку на лоб больной.

— Ваши добрые слова не изменят положения вещей,—проговорил он сурово.—Вы сильный человек, мистер Чилдер, и я испытываю к вам большое уважение. Но не позволяйте себе обманываться.

Окончание следует.

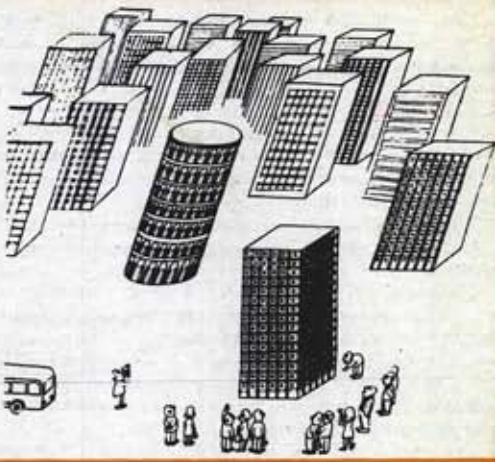
Эти пять рисунков были представлены на III Международном фестивале юмора в болгарском городе Габрово.

Хайнц ШЕФЛЕР (ГДР).

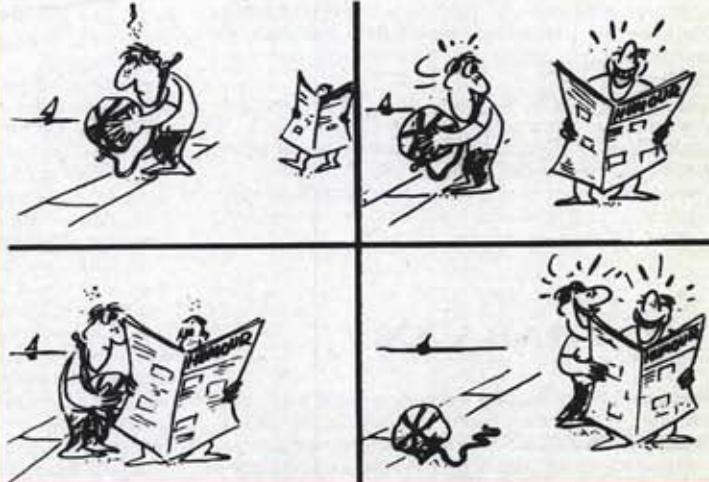

Хосе ПАЛАСИО (Куба).

Виктор СУХОМЛИНОВ (СССР).

Франко БАЧИ (Италия).

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

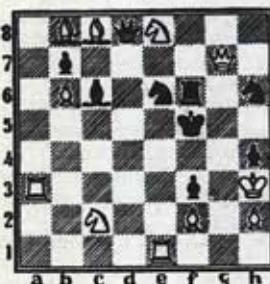
21 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

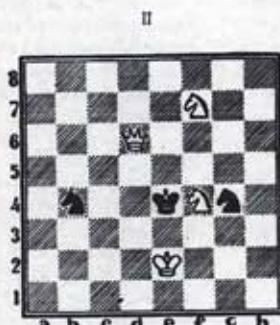
СМЕНЫ

ВТОРОЙ ТУР

Продолжаем публикацию заданий летнего шахматного конкурса, объявленного в № 13 «Смены».

Мат в два хода. (2 балла).

Мат в три хода. (3 балла).

II

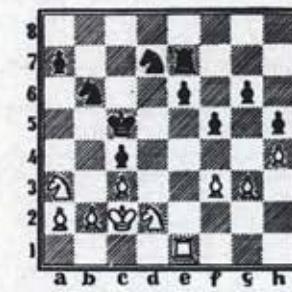
Ход белых. Какой комбинацией они могут достичь «ничейной гавани»? (4 балла).

Почтовые карточки с ответами на второй тур (решение каждой из трех позиций дается на отдельной открытке) высыпайте с 11 по 25 августа 1978 года.

РЕПЕТИЦИЯ БЫЛА УДАЧНОЙ

Миллионы любителей шахмат с огромным интересом следили за ходом крупнейшего в нынешнем году международного турнира. Он был организован весною в югославском городе Бугайно при участии 16 гроссмейстеров из девяти стран, и среди них чемпиона мира Анатолия Карпова. Для него турнир стал генеральной практической проверкой сил перед предстоящим матчем на мировое первенство. И важная репетиция прошла вполне удачно. В пятнадцати гроссмейстерских поединках Карпов набрал 10 очков и разделил победу с Борисом Спасским.

Необходимо держать пока в секрете «дебютные новшества, естественно, сковывала творчество Карпова. Но все же это отнюдь не помешало ему в ряде встреч продемонстрировать филигранную, истинно чемпионскую технику игры.

К такому положению пришла после 39-го хода черных партия Карпова (у него были белые фигуры) с прославленным датским гроссмейстером Бентом Ларсеном,

На первый взгляд шансы сторон равны, но белые изящно комбинируют «пехотинца».

40. Kd2-c4! e6—e5 41. Le1—d1 Kb6:c4 42. b2—b4+ Krc5—c6 43. Ka3:c4 Le7—g7 44. Ld1—d6+ Krc6—c7 45. Ld6—a6 g6—g5.

Попытки черных добиться встречной игры четко парируются Карповым. Его позиционное лавирование напоминает элегантную игру легендарного кубинца Хосе Рауля Капабланки — третьего в истории шахмат чемпиона мира.

46. h4—g5 Lg7:g5 47. Lab:a7+ Krc7—d8 48. f3—f4! e5:f4 49. g3:f4 Lg5—g2+ 50. Krc2—b3 Lg2—f2 51. Kc4—e3! Kd7—f6 52. Ke3:f5 Lf2:f4 53. Kf5—d4! Lf4—f1 54. La7—a8+ Kpd8—e7.

Судьбу схватки решает стремительный марш крайней проходной пешки белых на их левом фланге.

55. a2—a4! Krc7—f7 56. a4—a5 Kpf7—g7 57. a5—a6 Kf6—d5 58. La8—d8, и датчанин сложил «оружие».

На этой диаграммеображен сложный эндшпиль, создавшийся после 34-го хода черных в партии Карпова (здесь он тоже играл белыми) с сильнейшим шахматистом современной Англии, экс-

чемпионом мира среди юношей Энтони Майлсом.

Казалось бы, некоторое преимущество у черных, поскольку их ладья контролирует единственную открытую вертикаль на ферзевом фланге. Но это первое впечатление обманчиво. Чемпион мира осуществляет энергичный пешечный прорыв.

35. c4—c5! Le8—a8 36. c5:d6 c7:d6 37. Kg3—f5 Cd7:15 38. g4:f5! La4—a3 39. Lb2—c2 Kpg8—f8 40. Lc3:a3 La8:a3+ 41. Krc3—f2.

Ладейная концовка явно в пользу белых, хотя партнеру и удается сохранить материальное равновесие.

41. ... La3—b3 42. Lc2—c6 Lb3:b4 43. Lc6:d6 Kpf8—e7 44. Ld6—c6 Krc7—d7 45. h4—h5!

Восхищает необычайно широкий диапазон действий чемпиона мира. Теперь он уже прорывается на противоположном краю шахматной доски.

45. ... Lb4—b2+ 46. Kpf2—g3 Lb2—b1 47. h5—h6! g7—g6 48. f5:g6 h7:g6 49. Lb6—c2! Lb1—g1+ 50. Lc2—g2 Lg1—a1 51. Lg2—h2 La1—ab 52. Kpg3—g4!

Урожая проникнуть королем в неприятельский тыл, белые вызывают еще одно ослабление пешечной группировки противника. Вскоре одна из проходных пешек неизбежно превращается в нового ферзя.

52. ... f7—f6 53. Lh2—b2 Kpd7—c7 54. Lb2—c2+ Kpc7—b7 55. d5—d6! b6—b5 56. d6—d7, и англичанин сдался.

В середине июля на далеких Филиппинах Анатолию Карпову предстоит начать свой матч на звание чемпиона мира. От имени миллиона читателей «Смены» желает ему вернуться на Родину победителем!

Плещут синие воды,
Ветер легок и свеж.
Здравствуй, остров Свободы,
Куба — остров надежд.

Нет для нас расстояний,
Нет для правды помех.
Много солнца в Гаване,
Солнца хватит на всех,
Всех!

Припев:

Сильней оружья,
Сильней оружья,
Дороже самых больших наград
Лишь только дружба,
Конечно, дружба!
Мы скажем: дружба.
Нам ответят: амистад!

Словарей нам не нужно,
Для сердец путь открыт!
Если юные дружат,
Значит, мир победит!

Нет для нас расстояний,
Нет для правды помех.
Много солнца в Гаване,
Солнца хватит на всех,
Всех!

Припев.

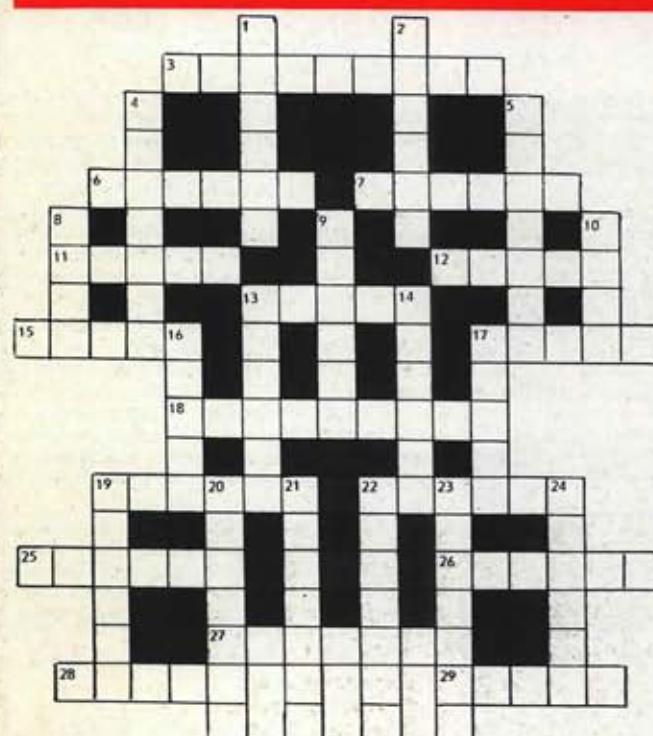
АМИСТАД

Слова Михаила МАТУСОВСКОГО.
Музыка Владимира ШАИНСКОГО.

(Дружба)

КРОССВОРД

Составил Б. ФЕДОРОВ,
Москва

По горизонтали:

3. Музыкальная комедия, шедшая на сценах первых кубинских театров. 6. Кубинский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 7. Музыкальный инструмент, распространенный на Кубе. 11. Первая кубинская опера. 12. Город, где состоялся I Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 13. Самая большая река Кубы. 15. Один из основоположников «афрокубинской» поэзии. 17. Сезон уборки сахарного тростника на Кубе. 18. Спортсменка, артистка цирка. 19. Опера Д. Верди. 22. Автор кубинского революционного «Марша 26 июля». 25. Горная порода, используемая на строительстве и в технике. 26. Город, где организован XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 27. Творческое соревнование. 28. Поэт и публицист, кубинский национальный герой освободительного движения в XIX веке. 29. Дирижер, организатор первого на Кубе симфонического оркестра.

По вертикали:

1. Представитель коренного населения Америки. 2. Промышленный и торговый центр на востоке Кубы. 4. Сооружение на стадионе с местами для зрителей. 5. Город, где состоялся V Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 8. Комиссия, присуждающая награды и призовые места в конкурсах и соревнованиях. 9. Отношение взаимного понимания, привязанности, общности интересов. 10. Вечнозеленое дерево, ветви или венок из которого являются символами победы. 13. Кинорежиссер, лауреат Ленинской премии, снявший посвященный Кубе документальный фильм «Пылающий остров». 14. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединное озеро». 16. Духовой klarinetskiy инструмент. 17. Начало спортивного состязания. 19. Кубинский поэт, участник антиколониального заговора в XIX веке. 20. Персонаж итальянской «комедии масок». 21. Европейское государство. 22. Грузинский народный танец. 23. Участок звукового диапазона музыкального инструмента, певческого голоса. 24. Остров, расположенный вблизи Кубы.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

5. Петrarca. 7. Барельеф. 11. Кеплер. 12. Роллан. 14. Декан. 15. Серов. 16. Кларнет. 18. Косатка. 20. Активия. 22. Лемур. 24. Руан. 25. Маас. 26. Австрийка. 27. Грош. 29. Румб. 32. Синус. 34. Бандура. 36. Светлов. 37. Ростова. 40. Батут. 42. Клеть. 43. Сухона. 44. «Оракул». 45. «Громобой». 46. Палладий.

По вертикали:

1. Несторов. 2. Бакен. 3. Пегас. 4. Метеорит. 6. Калька. 8. «Азилита». 9. Арка. 10. Иран. 11. Какаду. 13. Ненила. 17. Рембрандт. 19. Кунашир. 21. Комаров. 22. Лусис. 23. Реймс. 28. Радиус. 30. Металл. 31. Хабанера. 33. Монтерия. 35. Ариозо. 36. Самара. 38. Скат. 39. «Овод». 41. Дуров. 42. «Кукла».

**УСЛЫШЬ МЕЛОДИЮ МОЕЙ
СВОБОДОЛЮБИВОЙ РОДИНЫ.
ДАЛЕКАЯ ГАВАНА!**

Выхваченная из полутьмы сцены ярким лучом прожектора, ее тоненькая фигурка казалась крупной, почти невесомой. Право, поначалу даже не верилось, что эта юная вьетнамская девушка сможет исполнить такую сложную в музыкальном и драматическом отношении вещь, как «Ариозо матери» из канаты А. Новикова «Нам нужен мир». Но вот зазвучал ее голос — на редкость сильный и мелодичный, — и все сомнения тут же исчезли, уступив место удивлению, если не сказать больше — восхищению. Произошло то, что принято называть чудом сценического перевоплощения. На глазах у зрителей рождался ОБРАЗ. Образ старой русской женщины, матери, потерявшей в войну своего единственного сына.

Ху Тхи Май, так звали эту девушку, долго не отпускали со сцены. Застенчиво и счастливо улыбаясь, она благодарила зрителей, еще не подозревая о том, что стала одним из лауреатов конкурса...

В клубе Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы шел заключительный тур II международного фестиваля политической песни, посвященного 60-летию ВЛКСМ и XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване.

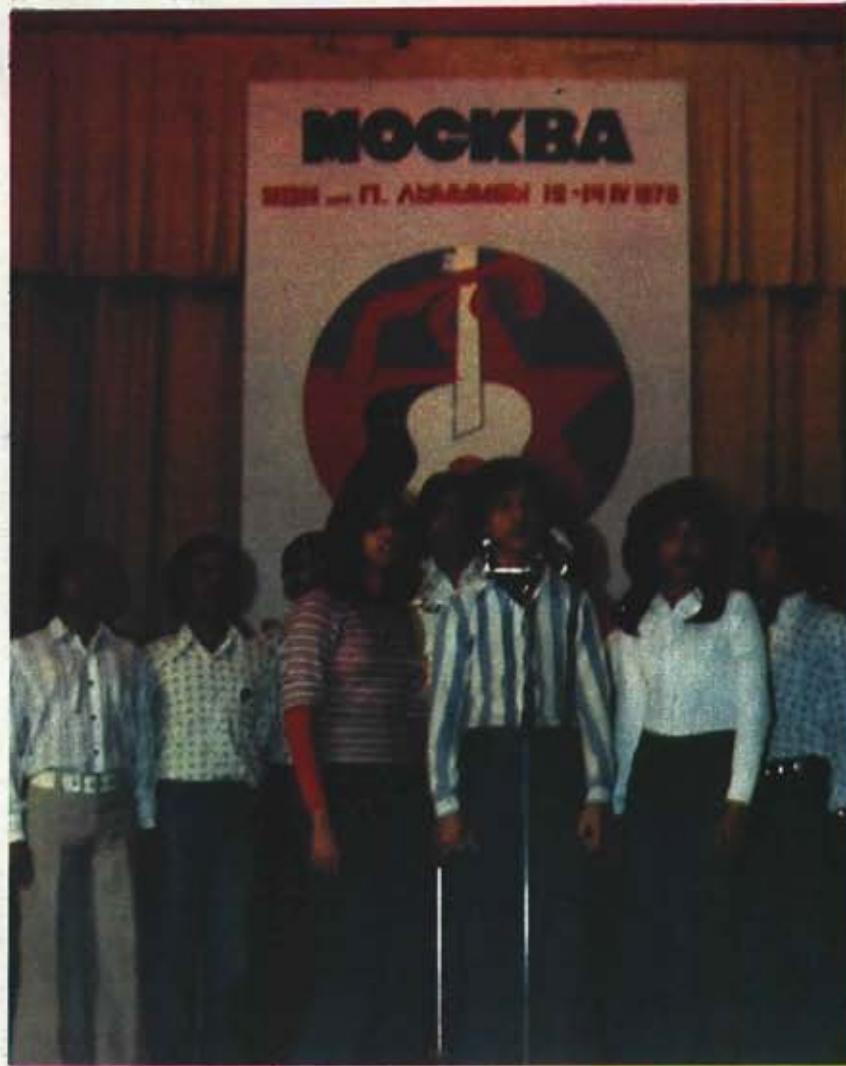
**ОНИ ПОЮТ О СВОБОДЕ,
О МИРЕ — ОНИ БОРУТСЯ.**

Среди его участников были юноши и девушки из многих стран Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока, которые учатся сейчас в Москве, и студенты из разных городов нашей страны — Киева и Риги, Минска и Кишинева, Таллина и Новосибирска. Они приехали на фестиваль, чтобы выразить солидарность со всеми прогрессивными людьми планеты, ведущими борьбу против сил реакции и фашизма, колониализма и бесправия. Выразить песней.

«Нейтронной бомбе — нет!» — так называлась музыкальная композиция, исполненная вокально-инструментальным ансамблем «Март» Московского горного института.

Подобно эху, этот гневный протест не единожды повторялся в дни фестиваля — во время выступления хора политической песни студентов из ГДР, студентки Белорусского государственного университета Елены Зайцевой, вокального дуэта студентов из Мали Молидею и Фасобара.

ПОЮЩАЯ СВОБОДА

ВИКТОРУ ХАРУ ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Много песен было посвящено памяти Виктора Хара, мужественным патриотам Чили, которых не смог сломить фашистский террор.

—...В тот день я вместе со своими друзьями была в университете Сантьяго. Здание со всех сторон окружили карабинеры, на улицу никого не выпускали. Только к вечеру нас выстроили в шеренги и повели на стадион...

Эрика Айбар и ее муж Родриго Айбар поддерживали блок Народного единства. Потому они были вынуждены покинуть Чили. Сейчас Эрика учится на историко-филологическом факультете Университета дружбы народов, Родриго — на медицинском.

**«Я ЗАЩИЩУ ТЕБЯ СВОЕЙ
ПЕСНЕЙ...»**

Наша беседа с Эрикой происходила перед выступлением вокально-инструментального ансамбля студентов из Чили «Лаутаро». Родриго Айбар — один из его солистов.

Эрика пришла на концерт вместе со своим сыном, кудрявым черноволосым крепышом Ромидо.

— Ему скоро исполняется год, — не без гордости сообщила она.

— И он так же, как папа, любит музыку?

— О, еще больше! — рассмеялась Эрика. — У нас в семье вообще любят петь. Мой старший брат — профессиональный музыкант. Часто выступал вместе с Виктором Харом.

...Они пели о Чили, о черных тучах, нависших над народом, о близком солнце свободы: И сердца сидящих в зале прониклись желанием этих чилийских парней песней защитить свою страну от беды.

Ансамбль «Лаутаро» стал лауреатом фестиваля.

Андрей ПОЗДНЯЕВ